

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ЯНВАРЬ
ФЕВРАЛЬ **№ 1 (109)**

МОСКВА 2017

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

2017. № 1. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; академик РАН С.Ю. Глазьев;
член-корр. РАН Р.С. Гринберг; к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. В.П. Колесов; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора;
академик РАН В.Л. Макаров; д.э.н., проф. С.П. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова;
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета; д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
к.и.н. И.П. Смирнов; д.э.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора

Научно-экспертный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. А.П. оглы Бабаев (Азербайджан);
д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина); д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); член-корр. НАУ А.А. Гриценко;
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар);
д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина); д.э.н. К.А. Зимарин;
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск);
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль);
д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород); д.э.н., проф. П.С. Лемещенко (Белоруссия);
д-р, проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома);
д.э.н., проф. В.М. Юрьев (Тамбов); д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Редакционная коллегия:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова (научный редактор), А.А. Антропов, С.С. Мерзляков,
К.В. Молчанов, С.С. Нипа, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына (редактор)

Организационно-техническое сопровождение:

О.Б. Лемешонок, Н.П. Недзвецкая, И.А. Ольховая, А.В. Осипова
Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>, сайт: <http://www.philh.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в типографии «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2017

Содержание

Год девятнадцатый: дороже золота! (<i>Главный редактор</i>)	7
Резолюция Международной научной конференции «Российское системное перестроение как стратегическая неизбежность: неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм»	9
Часть I. Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i> Экономика как творящий хаос	17
<i>В.К. Королев</i> «Философия хозяйства» С.Н. Булгакова и «диатрибическая» традиция	28
<i>Л.А. Тутов</i> Современная школа философии хозяйства: роль лидера	38
<i>Т.В. Игнатова, Т.В. Мартыненко</i> Влияние православия на концепцию государственной собственности в русской школе экономической мысли	45
<i>Е.В. Косов</i> О системе цивилизационного знания	61
<i>Д.А. Антипов, Э.П. Бакиров</i> Неолиберализм в образовании: анализ глобальной экономики образования	74
Часть II. Российское перестроение	
<i>А.А. Пороховский</i> Системное перестроение российской экономики: возможности «рыночной колеи»	93
<i>Н.Б. Шулевский</i> Софийный контекст русского перестроения	100
<i>А.В. Кузнецов</i> Россия между глобализмом и неодирижизмом	113
<i>К.А. Хубиев</i> О количественном и качественном подходе к государственному дирижизму	128
<i>Ф.И. Гиренок</i> Россия: что делать, когда мы не понимаем, что нужно делать?	143
<i>Г.Н. Цаголов</i> Куда пришли, куда идти	150
<i>В.М. Кульков</i> Российское системное перестроение и колеи экономического развития	154

Часть III. Экономическая теория

В.Н. Соколов

Дихотомия между категориями: «личный фактор производства» и «человеческий капитал» 163

К.В. Хлебников

Является ли традиционная методология исследования экономических явлений, процессов, состояний методологией устойчивого развития? 170

К.В. Молчанов

Политико-экономические начала неэкономической идеи: диалектическое осмысление современной экономики как другой капиталистической экономики (некоторые положения, обусловленные продолжением труда Гегеля «Феноменология духа») 175

Т.Н. Юдина, И.М. Тушканов

Цифровая экономика сквозь призму философии хозяйства и политической экономии 193

Р.А. Сычев

Риск-ориентированный подход в системе управления издержками предприятий в условиях перехода к модели неэкономического развития 201

Часть IV. Актуальная философия

Ф.М. Гиренок

Что случилось с мышлением в Америке? 211

И.А. Евдокимов

Гносеологический анализ отчуждения 225

Л.А. Булавка-Бузгалина

Обращение к СССР — ностальгия по патриотизму? 233

С.П. Рамазанов

Поражения, победы и формирование национального самосознания 259

Часть V. Рецензии и отклики

В.В. Чекмарев, Вл.В. Чекмарев

Ноосферизм философии хозяйства и теории экономической безопасности 265

Н.Н. Ростова

Размышления об одном характерном видении России 275

Научная жизнь

Е.С. Зотова

О философско-хозяйственном осмыслении реальности (дискуссия о новой книге Ю.М. Осипова) 284

Наши авторы 296

Contents

Year Nineteenth: More Precious than Gold! (<i>Chief Editor</i>)	7
Resolution of the International Scientific Conference «Russian System Reconstruction as a Strategic Need: Neoeconomy, Neoindustrialization, Neodirizhizm»	9
Part I. Philosophy of Economy	
<i>Yu.M. Osipov</i> Economics as Creation by Chaos	17
<i>V.K. Korolyov</i> «Philosophy of Economy» by S.N. Bulgakov and «Diatribes» Tradition	28
<i>L.A. Tutov</i> Modern School of Philosophy of Economy: the Role of the Leader	38
<i>T.V. Ignatova, T.V. Martynenko</i> Influence of Orthodox Faith onto the Concept of State Property in Russian School of Economic thought	45
<i>E.V. Kosov</i> On the System of Civilized Notion	61
<i>D.A. Antipov, E.P. Bakirov</i> Neoliberalism in Education: an Analysis of the Global Economics of Education	74
Part II. Russian Reconstruction	
<i>A.A. Porohovski</i> System Reconstruction of Russian Economics: the Abilities of «the Market Way»	93
<i>N.B. Shulevski</i> Sophia Context of Russian Reconstruction	100
<i>A.V. Kuznetsov</i> Russia between Globalism and Neodirizhizm	113
<i>K.A. Khubiev</i> About Quantitative and Qualitative Approach to the State Dirigism	128
<i>F.I. Girenok</i> Russia: What to Do When We Don't Understand, What it is Necessary to Do?	144
<i>G.N. Tsagolov</i> Where are We, Where to Go	150
<i>V.M. Kulkov</i> Russian System, Reconstruction and Ways of Economic Development	155

Part III. Economic Theory

V.N. Sokolov

Dichotomy between Categories: «Personal Factor
of Industry» and «Human Capital»..... 163

K.V. Khlebnikov

It is the Traditional Methodology of the Study
Economic Phenomena, Processes, States of Methodology
of Sustainable Development? 170

K.V. Molchanov

Political-Economy Principles of the Neo-Economic Idea: the Dialectical
Understanding of the Modern Economy as The Untraditional Capitalist
Economy (Some Provisions which are Due to the Continuation
of «Phenomenology of Spirit» by Hegel). 175

T.N. Yudina, I.M. Tushkanov

Digital Economy through the «Prism»
of Philosophy of Economy and Political Economy 193

P.A. Sychev

Risk-Oriented Approach in a System of Cost Management
of Companies in the Context of Transition to the Model
of Neoeconomic Development 201

Part IV. Actual Philosophy

F.I. Girenok

What Happened to the American Thinking?..... 211

I.A. Evdokimov

Epistemological Analysis of Alienation 225

L.A. Bulavka-Buzgalina

An Appeal to the Ussr — Nostalgic Patriotism? 233

S.P. Ramazanov

Victories, Defeats and Creation
of the National Self-Consciousness 259

Part V. Reviews and Responese

V.V. Chekmarev, Vl.V. Chekmarev

Noosferizm Philosophy of Economy
and Economic Security Theory 265

N.N. Rostova

Reflections about One Characteristic Vision of Russia 275

Scientific Life

E.S. Zotova

About Philosophical and Economic Judgment of Reality
(a Discussion about Yu.M. Osipov's New Book) 285

Our Authors 297

Год девятнадцатый: дорожке золота!

Что дорожке золота? О-о, очень многое, почти все: для изнывающего от жажды — глоток воды, для умирающего от голода — кусок хлеба, для смертельно больного — чудесное снадобье, — тут можно продолжать и продолжать, дойдя и до таких «легковесных» вещей, как честь, достоинство, благородство, не говоря уже об отцовстве и материнстве, детях, родителях, семье, ну и о Родине, конечно же, что ведь бывает и дорожке самой жизни.

Однако дорожке золота, а то и жизни, бывает всего лишь... *слово*, правда, слово нужное, точное, животворящее, а любому, в том числе и важному, исключительному, а то и спасительному, слову всегда предшествует мысль, рождающаяся вовсе не от слова, а от «работающей трансценденции», от «творящего ничто», от Великой Неизвестности, от Бога с его Софией.

Любой текст — прежде всего слово, но и скрытая в слове и за словом мысль, как та, которая родилась до текста и в него вложена, так и та, которая рождается в тексте и от текста, которая бытует для творческого ума и за текстом.

Мысль, что подтверждено всей накопленной человечеством мудростью: от сказок и мифов до философии, религии и даже кое-какой, называемой обычно фундаментальной, науки, и в самом деле дорожке золота, ибо без мысли, особенно высокой, нет вообще ни человека, ни человечества, ни бытия, ни истории, ничего нет, а вот без золота, несмотря на всю его пленительную бытовую бойкость, все есть, включая и мысль.

Наш журнал — носитель, источник и передатчик глубокой и серьезной мысли, а в чем-то, для подготовленного читателя, и ее производитель. Богатый мыслью и щедрый на мысль, как раз на ту самую, что за золото не купишь, ибо рождается она не по заказу и бытует она не на продажу, то бишь это *мысль как мысль*, а не как фабрикат или товар.

Кто закажет за золото мысль мыслителю, ежели она — мысль о таком заказе, просто не может прийти в голову захваченному суетой заказчику; кто поддержит грантом замысел действительного мыслителя, ежели мысль о такой поддержке не может родиться в судейской голове всезнающего эксперта; кто купит и на каком рынке мысль мыслителя, ежели владелец денег ее попросту не воспринимает, да и зачем она ему?

А у нас в стране сейчас как раз золото выше и впереди мысли, оно заказывает, будит и оценивает мысль, выдает ей мандат на рождение и существование.

И выходит кое-какая вроде бы мысль, да вот что-то не задевающая, не волнующая, не плодоносящая — все какая-то уже ранее сказанная, где-то уже написанная, кем-то уже раскрученная.

Да ладно бы мысль технологическая, которая и впрямь может оказаться кому-то и где-то практически полезной, а как быть с мыслью мировоззренческой, раскрывающей само тайное нутро бытия и сознания, уходящей в трансцендентное глубинное и трансцендентное высокое, не участвующая вроде бы напрямую в текущей практике, но зато эту практику как-то незаметно в целом изменяющая, делающая и весь мир другим, ибо не с практикой как таковой дело по преимуществу имеет, а с самим этим миром, который насколько видимо практический, настолько и невидимо... э-эх, слов не хватает... внепрактический, эзотерический, трансцендентный, сам за себя и думающий.

С таким-то неизвестным и самим по себе существующим миром имеет дело софийная мудрость: волхвическая, жреческая, философская, религиозная и лишь самую малость фундаментально научная.

Очередное бюрократическое наступление на мудрость, даже уже и на вполне скромную фундаментально научную, — преступление — даже уже не перед жизнью, а перед самой смертью, ибо это уже не что иное, как воздаяние Концу!

Главный редактор

РЕЗОЛЮЦИЯ
Международной научной конференции
**«Российское системное перестроение
как стратегическая неизбежность: неоэкономика,
неоиндустриализация, неодирижизм»**

8 декабря 2016 г.

Центр общественных наук МГУ (ранее Центр общественных наук при МГУ) не впервые поднимает проблему *российского социоэкономического перестроения*. В 2009 г. Центром была проведена в Московском университете под эгидой Совета Федерации Федерально-го Собрания Российской Федерации Международная научная конференция — Малый университетский форум *«Российское перестроение: общество, политика, экономика»* (2—4 декабря 2009 г.), концептуальные и прикладные итоги которой были доведены от имени и через посредство Совета Федерации до высших правительственных кругов и лично Президента Российской Федерации. Сегодня, уже в декабре 2016 г., ровно через семь лет, Центр вновь обращается к актуальной отечественной проблематике, акцентируя внимание на новейших качественных тенденциях мирового социоэкономического развития, обозначенных в теме и документах конференции как «Нео». Подтверждая острую, вполне и стратегического характера, необходимость в российском социоэкономическом системном перестроении, конференция считает возможным декларировать нижеследующее.

1. Революционная социоэкономическая реформа 1990—2000-х гг., проводившаяся под лозунгом возвращения к классической денежно-капитальной конкурентно-рыночной экономике с интеграцией российской экономики в мировую глобализованную среду, привела к возникновению зависимой от мировой глобализованной экономики и ее денежно-финансовой системы фактически уже псевдонациональной российской экономики, концептуально оформленной в виде некоей *пореформенной* модели и настойчиво на ее основе и в ее рамках реализуемой.

2. Не имея ничего против самой по себе реформной экономизации (капитализации) российского социоэкономического бытия, его открытия мировому контексту, конференция, констатируя свершившийся трансформационный факт, выступает за переход от зависимой от глобальных условий и сил *пореформенной* модели хозяйства к суверенной *постреформенной* модели, о чем ученое сообщество, группирующееся вокруг Центра общественных наук МГУ, неоднократно

во всеуслышание заявляло, провозглашая и обосновывая при этом курс на *российское системное перестроение*.

3. *Перестроение* — не перестройка, связанная с системным разрушением и фактическим прерыванием нормальной жизнедеятельности странового хозяйственного организма, а селективные структурно-системные перемены, осуществляемые в целом на ходу, хотя и не сходу, не так противореча, как соответствуя общему социохозяйственному развитию. Перестроение — эволюционная, хотя и в интенсивном варианте, переориентация социохозяйственного бытия, обусловленная и сменой модели управления национальным хозяйством: от *пореформенной* модели к *постреформенной*, как раз и преодолевающей недостатки и пороки своей «либеральной»-де предшественницы, весьма при этом, как показывает практика, императивно-дирижистской.

4. «*Пост*» в настоящем случае означает избавление российско-го хозяйства от параколониальной зависимости от глобального контекста; акцент не на пресловутом «рынке», которого по сути давно уже нет как основного регулятора экономики, а на осознанном и суверенном ведении национального хозяйства посредством разносторонней координации деятельности экономических агентов в масштабе страны и эффективной ориентации социохозяйственной реальности из национального центра с опорой на *национальный государственно-корпоративный комплекс*, призванный решать главные, в особенности стратегического характера, задачи развития.

5. Достижение постреформенной модели развития и управления возможно в нынешних условиях планетарного бытия только с учетом главных тенденций современности, собирательно обозначаемых конференцией как «*Нео*». *Нео* — не просто что-то новое, а *принципиально новое*, сочетающееся с отрицанием (преодолением) основного старого (условно, конечно, «старого»). Если сегодня в мире и в России *экономика*, то уже непременно как *нео-экономика* (не «рыночная», к примеру, и не «плановая», не очень-то уже и системная, совсем уж не механическая, даже не организменная, а мобильная, спорая, своевольная, реализующаяся как бы вне времени и пространства, при их практической нуллификации, как вольный, хотя и в целом управляемый, «сетевой поток»); если сегодня *индустриализация*, то как *нео-индустриализация* (не тяжеловесная, статуарная и грохочущая, а невесомая, тихая, подвижная, даже и вкрадчивая); если сегодня *дирижизм*, то как уже *нео-дирижизм* (не командный по преимуществу, а более всего побудительный, ориентационный, указательный, непременно и «вкрадчивый», хотя коли уж надо, то и решительный, радикальный, непреклонный).

6. *Неоэкономика* — высшая на данный момент историческая форма экономики вообще, вполне и *постмодерновая*, когда экономическая реальность виртуализируется настолько, что деньги, финансы и капиталы становятся самостоятельными, самодовлеющими и самодвижущимися (самими-себе-причинами), а вся экономика (а это есть не что иное, как оденуженное хозяйство) оказывается весьма отчужденной от реальных хозяйственных процессов — *самой-себе-экономикой*, существующей более ради себя и по-своему, а не ради социохозяйственной реальности и ей в услужение, наоборот, экономика довлеет над хозяйственной реальностью, ее кабально (долговым образом) нещадно эксплуатируя. Любой функциональный параметр в неоэкономике может быть произвольно *любым* (та же цена на нефть, к примеру), хотя и *не каким угодно*, ибо он находится в живой сети других столь же произвольных параметров, чье столкновение между собой или же, наоборот, между собой согласие приводят к некоторой воспроизводственной мере, конечно же, подвижной. В силу своей оторванности от реальности, большой самосвободы и внутренней произвольности неоэкономика тяготеет ныне к перманентно кризисному состоянию, становящемуся уже фактической нормой. Неоэкономике уместно сравнить с супер-большим счетно-решающим устройством, типа бескрайнего «мозга», действующим в сфере общественного сознания (ноосфере). Это некое суперсложное, замкнутое на себя, хотя и открытое контексту, информационное поле, распростертое на весь осознанный мир. Не порядок как таковой доминирует в неоэкономике, а некий полупорядок — *хаосмос*, перманентно исходящий из фундаментального хаоса, как и туда же нисходящий, чтобы вновь выйти на свет, никогда и не доходящий до космического порядкового разрешения. Неоэкономика — особая, ранее не бывавшая, функциональная среда хозяйствования, требующая к себе адекватного отношения и особого в ней поведения. Не рынок господствует в неоэкономике и не тотальный план, а *управляемая иерархическая сеть*, подчиняющаяся принципу *организации самоорганизации*. Неоэкономика сплошь управляема, но при этом и сплошь самоуправляема — насколько она управляема, настолько и самоуправляема, а в итоге — весьма и самовластна, что вовсе не исключает больших властных управленческих интенций, всегда, впрочем, ограниченных сложностью, масштабностью и самоволием неоэкономики.

7. *Неоиндустриализм* — не просто новый этап индустриализации, а *качественно новый индустриализм*, отрицающий (преодолевающий) весь предшествующий исторически индустриализм. Машины и фабрики все еще остаются, но более всего уже как «умные», самоорганизующиеся машины и как «стерильные», подвижные, комфортабель-

ные фабрики. Электроника, автоматика, информатика, компьютерика, высокая технологика, хим-, био- и нанотехнологика в сочетании с высочайшей производительностью, постоянным новаторством, общим динамизмом, непрерывной изменчивостью, систематическим обновлением и совершенствованием.

8. *Неодирижизм* — макроуправление из центра (центров), но при этом как бы не из центра (центров) и как бы... *без управления*. Парадоксально, но факт! Не планирование, тем более уж всего и вся, а *стратегирование* (стратегические предвидения и расчеты), способное к учету объективных перемен, к восприятию субъективных управленческих воздействий и к собственной переменчивости. Управление тут по преимуществу не агентами, тем более директивное, хотя это иной раз и необходимо, а управление сознанием агентов, их решениями и поведением, равным образом управление средой и происходящими в реальности процессами, а также важнейшими параметрами с приоритетным вниманием к денежно-финансовым, инновационным, высокотехнологичным сферам. Наличие ведущего в любой большой стране хозяйствующего *государственно-корпоративного комплекса*, как и достижение и культивирование *национального координационного согласия* в мире агентов по ряду опорных и судьбоносных моментов, что не исключает ни свободы хозяйствования агентов, ни конкуренции между ними, ни автономной (собственной) динамики параметров. Побуждение тут вместо команды, договор вместо приказа, стимулирование вместо администрирования, согласие вместо соперничества, единение вместо разборок.

9. Российская хозяйственная практика текущего времени показывает, что, во-первых, социохозяйственное перестроение в стране уже имеет место, разумеется, не очень радикальное, масштабное, активное, в значительной мере и неявное, не афишируемое, ибо базируется оно главным образом на оживлении и развитии ОПК, что исключительно важно, но при этом и недостаточно; во-вторых, такое перестроение идет все еще в рамках и на принципах пореформенной модели при сохранении парализующей внутристрановую инициативу параколониальной зависимости от внешнего глобализованного контекста, в особенности в валютно-финансовой и хайтековской сферах (все равно — импортной ли зависимости или же экспортной); в-третьих, идущее шаг за шагом перестроение не привело пока ни к преодолению энерго-сырьевой специализации страны, полученной от реформы и пореформенно закрепленной, ни к комплексному (целостному) развитию страны, разумеется, с учетом уже существующих на международном уровне специализаций; в-четвертых, правительство, а точнее, его так

называемый «экономический блок», исповедуя предельный «экономический либерализм», все еще надеется не только сохранить пореформенную модель, но и еще более ее «либерализовать», уходя от национального управления хозяйством и его развитием, оставляя квазинациональное хозяйство в гуще мирового контекста, обрекая страну на энерго-сырьевую специализацию и зависимость от импорта разнообразной готовой продукции, включая высокотехнологическую; в-пятых, в правительственных кругах все еще бытует убеждение в недореформированности страны и ее хозяйства в «либеральном ключе» и ненужности перехода к постреформенной модели, включающей субъективно-волевою ответственность за национальное хозяйство и сознательное управление им в целях целостного развития страны.

10. Исходя из мирового прогрессивного опыта, особенностей российских социума, культуры, этнонационального сознания и хозяйственного поведения, а также учитывая негативные аспекты и последствия пореформенной практики в современной России, конференция высказывается не только за социохозяйственное перестроение страны, но и за немедленную смену пореформенного курса управления хозяйством и социальными процессами на постреформенный. В связи с этим конференция обращает внимание и на необходимость *внутригосударственного (административного) перестроения* с целью выведения государственно-корпоративного комплекса из пореформенного тупика, а национального хозяйства — из пореформенного тупика.

11. Ясно, что кадры всегда и везде решают всё, как и всё всегда и везде решают кадры! Отсюда опора на новые, вполне уже современные, кадры, не только владеющие компьютерной и англоязычной грамотностью, но и знающие реальную хозяйственную практику. Важно при этом не допускать совершенно неоправданного акцентирования на генетически некомпетентном и фактически вредном «эффективном менеджизме». Примером деятельности последнего, близким к научной и образовательной сферам, является так называемая «оптимизация» науки и образования, проводимая самозванным «эффективным менеджментом», не имеющая никакого конструктивного отношения к «оптимизируемым» объектам и лишь их нагло, надменно и настойчиво убивающая.

12. Безоговорочно поддерживая осуществляемые правящими кругами инициативы по техно-производительному развитию страны, конференция в то же время не может не высказаться за серьезные перемены в концепции и способах реализации национальной социохозяйственной стратегии. Конференция видит в российском государстве *главного хозяйствующего субъекта*, ответственного как за проведен-

ную только что глобалического свойства реформу с ее негативными последствиями, так и за преодоление этих последствий, а также за текущее развитие страны, ее хозяйства, но уже в постреформенном институционально-функциональном формате. Россия — страна не просто государственническая, но еще и империльная (по внутреннему устройству и типу своего жизнеотправления), а потому отрицать первенствующую роль властной вертикали в судьбе страны — вполне смертоносное безумие!

13. Что касается практических рекомендаций, то конференция исходит из того положения, что такого рода изысканиями и разработками должны заниматься сами политико-практические акторы, в чью обязанность входит не только что-то предлагать, но и исполнять предложенное, действуя в рамках утвержденной правительством стратегии. Конференция видит свою главную задачу в концептуальном обосновании актуальных перемен. Конференция не может отказать себе в возможности высказаться в политико-практическом ключе: назревшая смена политико-экономического курса с пореформенного на постреформенный должна сопровождаться переходом к «мягкой мобилизации» конструктивных сил и необходимых ресурсов развития с применением комплексно-перспективных методов организации хозяйственной жизни страны, для чего настала пора припомнить опыт ГОЭЛРО или тех же первых пятилеток, а потому разработать и применить *среднесрочную программу действий по модернизации реконструкции и развитию российского национального хозяйства* («подъемную пятилетку»), как и сопроводить исполнение данной программы жестким финансово-инвестиционным контролем.

14. Конференция убеждена, что, несмотря на не до конца еще преодоленный пореформенный национальный кризис, Россия уже миновала самый тяжелый и опасный момент в своей новейшей истории и вышла (выходит) на новый исторический подъем. В России идет формирование *новой России* (возможно, даже и *нео-России!*), и на этом пути Россию уже никому не остановить! Да будет!

I

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

Экономика как творящий хаос

Аннотация. Не пора ли уже откреститься, как от дурного наваждения, от восприятия экономики как механизма, сооружения, организма, даже и системы, поскольку в экономике, заваренной на стоимости, царят творящий хаос и выходящий из него двуликий хаосмос, обозначающий собою некий воспроизводственный в экономике текущий порядок, вольно разворачивающийся перед экономикой и всем бытием то позитивной, то негативной ипостасью. Экономика — сфера, среда, поле, облако, туча, наконец — «море-окиян», даже и сеть, но никак не машина, а потому управлять экономикой можно только соответственно ее собственному самоуправлению, вполне и своевольному. Глобальная экономика как целостность не подлежит эффективному управлению даже из мощного центра, а потому шанс эффективного овладения и управления экономикой имеет только дирижистский центр крупной национальной или хорошо интегрированной международной региональной экономики. Перед Россией стоит задача эффективной национализации своей экономики — в меру открытой и в меру контролируемой, дирижистского обеспечения ее целостного развития в среде евразийской экономической интеграции при любых взаимовыгодных международных отношениях.

Ключевые слова: экономика, стоимость, хаос, хаосмос, управление, самоуправление, глобализация, национализация, регионализация, российская экономика, кризис, безумие, абсурд, дирижизм, управляемая экономика, экономический суверенитет.

Abstract. The article investigates the global economy as integrity that isn't managed by effective means and even by a powerful center, therefore, a chance of effective mastering and managing of economy has one dirigism center of the large national or well integrated international regional economy. Russia has a problem of effective nationalization of the economy, quite open and controllable, its complete development in the environment of the Euroasian economic integration at any mutually beneficial international relations

Key words: economy, cost, chaos, chaosmos, management, self-government, globalization, nationalization, regionalization, the Russian

economy, crisis, madness, absurdity, dirigism, managing economy, economic sovereignty.

Что такое *экономика*?

Это все или же любое жизнеотправление, непременно происходящее при посредстве особого рода идеальной субстанции — *стоимости*, бытующей в оцифренном (денежном) виде непосредственно в сфере сознания, гнездящейся в образе знаково-значительных чисел (цен, денежных сумм) в головах людей или же в их — этих голов — внешних вспомогателях (ценниках, счетах, бумагах, компьютерной информации), находящейся в непрерывной эмитентно-оценочно-инвестиционно-возвратной работе (движении), что придает единообразное взаимопредставление всех элементов (агентов, вещей, продуктов), составных частей, потоков и процессов, присущих охваченному стоимостью жизнеотправлению, образующей из него единую воспроизводственную целостность, предоставляя ей возможность стихийно объективного самоуправления и целеположенного субъектно-субъективного управления как ходом жизнеотправления, так и движением самой стоимости, их структурированием и реализацией текущей в них переменности.

Вот такое выходит у нас «тучное» определение-характеристика экономики, весьма и неуклюжее, зато более или менее онтологически адекватное экономической реальности и гносеологически ей достаточно полное, даже по-своему и точное.

А теперь взглянем на экономику как на уже совершенно *реальную реальность*, то бишь на все действительно вокруг происходящее, подпадающее под определение «экономика».

Первое, что бросается в глаза, — это, конечно, гигантский, вполне и необъятный, не охватываемый взором и не прочитываемый умом, *мир* — вся, так сказать, мировая «жисть», только лишь опосредованная, как мы уже заметили, стоимостью, представленной в явленности в виде денег, капиталов, кредитов, инвестиций, вообще всяческих финансов (которые суть не что иное, как «работающие деньги»).

Второе, что приходит во встревоженный жутким обозрением ум — неисчислимая, как песчинки в куче песка и капли в большом водоеме, совокупность элементов, как и любых вообще компонентов экономического мира, причем мира живого, подвижного, изменчивого.

Третье, что так или иначе становится фактом нашего неподвизного наблюдения — великая самопроизвольность сего необъятного мира: то одно в нем явится, то другое; то что-то явится и тут же пропадает; то вдруг что-то явится и никуда не девается; то что-то держит-

ся, держится, а потом вдруг куда-то исчезает; то у мира сего одно состояние, то другое; то он сказочно процветает, то болезненно корчится в судорогах, и т. д.

Мир вроде бы, но вот уж никак не мироздание, ибо никакого здания у сего мира как раз и не просматривается. Есть жизнь, есть всеобщее движение, есть своевольная переменчивость, а вот здания никакого нет, ибо нет необходимых для этого устойчивости, постоянства, стройности, — и выходит, что ежели перед нами и мир, то мир особый, мало что человеческий, сознаниевый, ноосферный, социальный, какой там еще, но как бы и не мир вовсе, а что-то весьма другое, из мирового ряда круто выходящее, скорее здесь... некое... *поле*, реализующееся как-то очень по-своему, заметно не так, как свойственно любому собственно миру.

Мир — это экономика, но он настолько своеобразный, что сему феномену более подходит именно полевое обозначение, однако и этого мало, ибо сие поле наполнено разумом, сознанием, ноосферой, социальностью, что означает, что это не физическое все-таки поле, вроде того же энергетического, а вполне *метафизическое*, не имеющее само в себе ни материи, ни времени с пространством, ни постоянных величин, ни стабильных соотношений, ни стройных структур, вообще ничего из всего, что мы привычно называем миром, мирозданием, а то и Вселенной.

Любая экономическая цифра — совершенно идеальная (мозговая) цифра, любое экономическое число — совершенно умозрительное число, — и не важно, соответствуют ли эти цифры и числа чему-нибудь реальному в научно-обыденном понимании или нет, они всё равно остаются не более чем идеально-умозрительной, вполне и фиктивной, фактурой экономики.

Зато все они, эти цифры и числа, прекрасно работают, но... в сознании, в ноосфере, в метафизисе, становящихся в связи с этим и для этого *экономическими*, то бишь обусловленными, опосредованными и организованными *стоимостью* — этой удивительной индивидуально-общественной субстанцией, имеющей лишь один для себя бытийно-экзистенциальный материал — *мысль!*

Экономику как таковую можно сравнить и с мозгом, но с той оговоркой, что мозг рассматривается тут не как вещественное нечто, а как мысленное (полное мысли) *ничто* (сказать, что мысль где-то в мозгу — ничего не сказать, ибо мысль, хотя и обязана мозгу своим явлением в сознании человека, но бытует-то она в мозгу или вне его *сама по себе* — не как частица мозга, а как всего лишь... мысль, то бишь... ничто!).

Экономика — движение мысли, но непременно оцифренной, выраженной в цифрах и оперирующей цифрами, разумеется, с учетом всех необходимых для рождения и движения экономической мысли обстоятельств. Оцифренность мысли (ее однеженность) позволяет уподобить экономику некой безграничной, открытой внешнему миру, но замкнутой на саму себя суперсложной ЭВМ, точнее, сонму обслуживающих ЭВМ плат, но такое сравнение возможно лишь, если за этой ЭВМ скрывается не более чем образ, весьма и приблизительный для социо-витальной реальности, с которой как раз всю и сопрягается наша идеальная по сути экономика.

Деньги — оцифренная мысль, цена — тоже, капитал, инвестиции, кредиты, доходы и т. д. — тоже. За цифрами скрывается сравнительная социальная значимость денег, цен и любых других экономических параметров экономики. Экономическая мысль — ценностная мысль, оцененная сама и сама же несущая в разные стороны реальности оценку.

О каких же цифрах идет речь? Конечно, о тех, которые осознанно, вполне и субъективно признаются обществом за объективированную ценность, однако всегда сиюмоментно, на некоторое время и вполне местнически. Все экономические оценки относительны, причем относительны, как это ни парадоксально, и сами же себе тоже. Никакого абсолюта в экономике нет, хотя таковым представлялся долгое время физический вес золота (драгметаллов), однако социальная сравнительная ценность весовой единицы золота никогда не была единой и постоянной, а потому и абсолютной. Не золото определяло себе ценность, а вся экономика, крутившаяся вокруг того или иного благосного мешка с золотом.

Итак, при желании можно заметить, что экономика, имея внутри себя нечто аналогичное вертящимся механизмам, прочным сооружениям и устойчивым системам, в целом не является ни бесперебойным механизмом, ни статным долговременным сооружением, ни долгоиграющей системой. Состояние, поведение и движение экономики как целостной реалии очень далеки от собственно механизменных, сооруженческих и даже системных. Это, конечно, не сугубо хаотическое бытие, но бытие достаточно *произвольное*, чтобы не пройти мимо такой его характерной компоненты, как... *хаос*, если, конечно, под хаосом понимать здесь не броуновский образчик, а исходную, рабочую и результативную *неопределенность*, присущую экономике как в целом, так и в частностях и элементах, как раз ту самую неопределенность, которая отражает не случайности, отклонения и те же ошибки, а самое что ни на есть *правильное правило!*

Главным законом стоимости, ежели воспользоваться старомодным законотворческим в теории подходом, является... отсутствие какого-либо имманентно стоимостного закона, того самого, каковому стоимости необходимо-де неукоснительно соблюдать. Не закон тут правит бал, а... *беззаконие*, что вовсе не хуже сонма правящих законов, а может, даже и лучше, и, как оказывается на практике, и в самом деле лучше!

Стоимость — в тесном союзе с хаосом и произволом, как и мысль, которая с хаосом и произволом попросту неразлучна.

Какая-токая мысль человеческая не из хаоса, состоящего из прообразов мыслей, предмыслей, иномыслей, «бессмыслей», и какая-токая мысль в итоге не произвольна, не вольна, не сама по себе? То же самое можно сказать и о любой цене, даже о что ни на есть вроде бы правильной — цена всегда из хаоса, составленного из ценовых прообразов, предцен, иноцен, контрцен, ценовых фикций, собственно цен, и какая, знаете ли, цена в общем-то не произвольна и не сама по себе?

Что вообще в экономике не из хаоса — как предтечи, как течения и как истечения, что по возникновению, реализации и итогам не произвольно?

Разумеется, произвол на произвол дает кое-какой порядок, как, собственно, и хаос на хаос тоже, ибо у нас ведь не материально-предметный хаос и не бесконтекстный произвол, а феномены, имеющие место в сфере сознания, в ноосферном поле, в социально-духовном метафизисе, то бишь в среде взаимодействующих, индивидуальных, групповых и массовых сознаний и бессознаний, разумов и сумасшествий, в общем — в среде сознательных и самодеятельных *экономических игроков*, обладающих желанием, волей и умением вести *экономическую игру*, в которой и через которую собственно и реализуется экономика — прямо перед лицом мириад свидетелей игры, одновременно и ее судей — *потребителей*.

Обычно хаос представляется в образе энтропийного рассыпания и исчезновения чего-либо, что совершенно правильно, но при этом обычно не учитывается другого типа хаос, из которого как раз и рождается любая негэнтропийная целостность. В экономике имеет место тот и другой хаос, но мы здесь обращаем особое внимание именно на сознательный хаос, из которого как раз и возникает вполне организованное и воспроизводственное целое — экономика. Да, здесь явное проявление того, что называется, уже походя, синергетическим эффектом, где аттрактором служит не что иное, как *экономическое сознание, насквозь пронизанное стоимостной субстанцией*.

Экономика непрерывно творится из хаоса, который, быть может, и не бросается обычно в глаза, кроме разве кризисных ситуаций, уже в своей негативной ипостаси, но который всегда и везде непременно присутствует, творя экономику сложной, гибкой, дискретной, подвижной, изменчивой, непредсказуемой, произвольной, а главное — *своевольной*.

Хаос, о котором речь — *творящий хаос*, ибо он в сфере сознания, в сознании, через сознание, где хватает места и для неизбывного хаоса, и для возникающего из него порядка.

Какого же?

Экономический порядок — особого рода порядок... не порывающий с хаосом, а потому это вовсе даже не космос (космический порядок), а это не более чем... *хаосмос*, который не так хаос и космос одновременно и вместе, как нечто среднее между хаосом и космосом: не хаос и не космос, но, знаете ли... *порядок!*

Однако не механический, не конструкционный, не организменный и даже не системный, хотя что-то похожее на все это в экономическом поле вроде бы повсюду проглядывается, однако не более чем как мелькнувшая тень, пробежавший призрак, фиктивный образ, лишь на какое-то время и в каком-то месте что-то будто бы и весьма устойчивое.

Экономика — это детище и достояние оснащенного и пронизанного стоимостной субстанцией хозяйствующего общества, — явление вполне сознаниево-социальное, реализуемое и реализующееся на соответствующих сознанию и социуму принципах как стихийного самоуправления, так и волевого управления. И ежели субъектно-субъективное управление, осуществляемое экономическими агентами, вполне вроде бы понятно, то стихийно-объективное самоуправление уже не столь понятно; ясно как будто бы, что любой агент управляет собой, другими, если это возможно, агентами, средой своего обитания и действия, пространством его интересов. Это именно так, никто этого не отрицает и не оспаривает. Но вот как же экономика при этом самоуправляется, — это уже вопрос?

Существует одно совершенно магическое, хоть будто бы и научное, и вполне доказанное, объяснение сему явлению с помощью еще более магического словесно-понятийного заклинания — всё это делает, мол... *рынок*.

Что же это такое — «рынок», кроме, кстати, все того же хаоса («толкучка» как раз и есть хаос, а рынок ведь не что иное, как толкучка)? Никто из адептов сей достоверно-де обоснованной магии так и не знает ответ на вышеуказанный неудобный вопрос, хотя очень убежден

в том, что именно рынок, т. е. фактически-то хаос, всё в экономике, толкуемой адептами, кстати, как и тот же рынок абы как всё будто бы и решает.

Если признавать творящий хаос в экономике, то можно было бы признать и «рынок» — как именно творящий хаос, хотя в таком признании нет никакой необходимости, поскольку «рынок» рассматривается его адептами именно как *рынок*, а не хаос. Не признавая творящего хаоса, остается уповать только на «рынок» — это де чудодейственное средство фактической реализации экономики.

Вот обычно говорят о ценах как о рыночных ценах, хотя нетрудно догадаться, что цена на товарной арене создается вовсе не рынком, а вполне сознательной волей ее наставников-владельцев, причем с учетом безразмерного числа всяческих обстоятельств, в том числе и неэкономических, не исключая и возможности чистейшего произвола («с потолка», так сказать).

Так что рыночная-де цена — вовсе не цена не то прославленного, не то пресловутого рынка, а *целостного экономического процесса*, вполне и осознанного, включающего индивидуальные, коллективные, корпоративные, массовые сознания, находящиеся в непрерывной между собой «союзнической» борьбе.

Цена поначалу рождается, как Афродита из пены морской, из творческого хаоса, затем встречается в сотворяемый непрерывно экономическим сознанием вкупе с сознанием вообще хаосмос, играя там вслепую и как бы зряче, чего-то атакуя, от чего-то отступая, как-то изменяясь, охотно и блефуя, да мало ли еще чего совершая из потребно-непотребного под бдительным взором своих эффективных агентов.

Что бы ни влияло на цену в момент ее образования, цена всегда в основе своей есть *сама-себе-цена*, даже ежели она попросту продиктована какой-нибудь безоговорочной «агентурой» вроде монополии или государства. Не товар определяет цену, хотя оценка и зависит от товара, а экономический субъект — владелец товара — назначает на него цену, ориентируясь не только на товар, но и на многое другое, при этом вовсе не только на динамическое соотношение предложения и спроса, а и на славное «авось».

Самое любопытное, что и деньги — как общепризнанная стоимостная данность — тоже рождаются из хаоса, хотя бы головного — в РФС или НЦБ, они тоже вселяются в хаосмос и в нем суетно бытуют, уходя непременно, как и цены, обратно в хаос, чтобы скорректировать себя по ценности и количеству и снова выйти их хаоса в хаосмос, но уже другими — обновленными.

Вот такая имеет место метафизическая в основе, но вовсе не магическая, хотя, впрочем, почему же не магическая, циркуляция оцененных денег и однеженных цен из хаоса в хаосмос и обратно, и все это в сфере сознания под бдительным всевидящим оком прежде всего сознания экономического. *Не понимать этого — ничего не понимать в экономике!*

Экономика, как и «море-окиян», сказочным образом самоуправляется — через творящий хаос, как самоуправляется точно так же вообще вся жизнь, и бытие, и общество, ну и любой человек тоже, даже самый что ни на есть от кого-то всецело зависимый вроде раба или зека. Сие самоуправление включает в себя разного рода субъектно-субъективные правления — вполне осознанные, волевые, целеположенные, настойчивые. Здесь не только управление деньгами из монетарного центра и ценами из ценовых центров, но и управление инвестициями, кредитами, долгами, доходами, да мало ли еще чем, включая и структуры, и сети, и пресловутые рынки, и чьи-то поведения, и какие-то процессы, даже и кризисы.

Экономика — сфера сложной, двойственной, дуальной организации: с одной стороны, волевой, целеположенной, амбициозной, соответствующей собственно управлению, а с другой — стихийной, произвольной, неопределенной, соответствующей как раз полемому, сферному или средовому самоуправлению.

Всё это обязательно есть: и *организация как организация* или *управление*, и *организация как самоорганизация* или *самоуправление*, — и все это взаимосвязано, переплетено, подчас и трудно между собой различимо. Всё это необходимо, причем, заметим особо, не только управление, но и самоуправление тоже, право которого на бытие и самореализацию ничуть не меньше, чем у управления, наоборот, оно даже по-своему и в определенном отношении большее, чем у своего «визави».

Экономика есть, она работает, она живет своей стоимостной и нестоимостной жизнью, но при этом она... *течет*, да-да, именно *течет*, волнуясь и вихряясь, ускоряясь и замедляясь, наступая и отступая, возвышаясь и спадая, а то и замирая, как штилевое море, в общем — *течет*, как ей нравится и не нравится!

Течет из прошлого через настоящее в будущее, непрерывно изменяясь, играя с контекстом и флиртуя сама с собой.

Каждый экономический субъект имеет свое им же управляемое движение в экономическом поле (сфере, среде), пусть и с разной степенью предпринимательской мощи, самостоятельности и удачливости, но в экономическом поле имеет место и общее (интегративное, агрега-

тивное, суммарное) движение, которое, с одной стороны, складывается чудесным образом (трансцендентность!) из мириад субъектно-субъективных движений (акций, действий, ходов), а с другой — оказывается не менее чудесно и трансцендентно уже собственным движением экономики, ее собственным ходом, ее потоком, ее течением, не очень-то подвластным субъектно-субъективному управлению — даже и вполне централизованному и мощному.

Управляться со своими делами экономическим субъектам в экономической среде вполне возможно, и они это с той или иной успешностью делают, но вот можно ли управиться субъектно-субъективно с современной экономикой в целом, в особенности, ежели она уже фактически бытует вне обычного сопротивления пространства и привычного противления времени, она весьма едина и единообразна, причем в планетарном масштабе, питается безграничной производительностью реального производства, как и величайшей избыточностью потребления во многом фиктивного, да и попросту слишком виртуальна, облачна и безразмерна?

Техно-информационно-кибернетическая управленческая сеть вроде бы призвана облегчить овладение экономическим хаосом, придавая возникающему хаосмосу более устойчивое состояние, но здесь оказывается не все так уж просто: насколько сия сеть вроде бы упорядочивает управление в экономике, настолько она его и... *хаотизирует*.

Между управленческой сетью в экономике и процессом управления экономикой в целом возникает неизбежный паритет: хаос усложняется, но не исчезает, более того, он принимает еще более неопределенный (виртуализированный, игровой, импровизационный) способ реализации, — ну и хаосмос оказывается еще более неопределенным, неустойчивым и переменчивым, что вовсе не облегчает управления экономикой, наоборот, делает ее еще более своевольной.

Мировой экономикой вряд ли сегодня можно сколько-нибудь целесообразно и эффективно управлять из единого центра, даже из очень мощного, хотя влиять на состояние и поведение экономики из того же центра, конечно, можно, но, во-первых, слишком уж влобовую, почти что и наугад, во-вторых, лишь с очень высокой степенью невероятности, а вовсе не вероятности. Можно даже утверждать, что современная мировая экономика — не то что совершенно не управляемая, но уж не особенно управляемая — точно, а может, она более неуправляема, чем управляема, — и иной она уже быть не может: слишком велика она, безгранична, сложна, подвижна, переменчива, ну и своевольна тоже.

Да, конечно, можно управленчески как-то воздействовать на те же деньги (их ценности, массу, валютные соотношения), на главные (узловые) цены, на основные инвестиционные потоки, на некоторые реперные параметры, на поведение финансовых институтов, на состояние товарных и финансовых рынков, на положение отдельных стран и регионов, но в целом... э-э... в целом же лишь какое-то невеликое тут вероятно, нередко и вообще уже никакого.

Экономика как целостность сегодня не так свободна (о какой тут свободе вообще может идти речь в эпоху тотального и разнообразного *дирижизма!*), как именно *своевольна*, — и своеволие это выражается, в частности, в уже перманентной ее, выражаясь традиционно, общей *кризисности*, а по-нашему и более современному — *общей расстроенности*, или *хаосности*.

Не знает она ныне *что, зачем, как, куда*, ничего уже она не знает, ибо удачно и надежно оторвалась от хозяйственной и вообще всякой бытийной реальности, став *сама себе реальностью*, соответственно и *сама себе причиной*, и прет себе туда, не зная куда, не говоря уже о пределах и порах, а раз так, то и в весьма растерянном, если уже не безумном, состоянии (немалого, знаете ли, головокружения от своего «незолотого» четвертьвекового успеха).

Является вдруг ни с того ни с сего новое характеристическое понятие для экономики — *безумие!* Не кризис, не общий кризис, не катастрофа, а именно безумие, с которым можно и жить, и длиться, и натворить немало всего, ибо это всего лишь некое доминирование хаоса над хаосмосом, а может, просто превосходство своеволия экономики уже не только над ее волевым правлением, но даже и над ее самовольным самоуправлением. Ситуация разноса, тряски, флаттера, хотя и, надо полагать, еще не вулканического взрывного извержения.

Безумие — это вроде бы плохо, но ежели экономика не может уже без *этого* обойтись, чтобы попросту быть — тогда, может, это не так уж и плохо?

Тут важно учесть, что нынешнее экономическое безумие началось вовсе не сегодня — не в XXI в., а еще в 1970—1980-е гг. в связи с кончиной доллара как ответственной мировой резервной валюты: сначала через прекращение обмена доллара на золото, а потом через практику произвольной эмиссии доллара со стороны ФРС, подкрепленной бешеным американским заимствованием реальных стоимостных средств у всего мира с оплатой американского долга уже ничем не обеспеченным, кроме властно-импортно-техно-финансовой мощи США, долларом.

Как раз в это-то время мировая экономика и обрела в качестве своего иерархического наверхия, фиктивного двигателя и суперцивилизованного эксплуататора *американскую финансомику* и вступила в «незолотую» *эру финансовой своевольности*, ибо финансомика, подчеркнем, не столько уже, в отличие от традиционных финансов, обслуживающая экономику, хозяйство и вообще бытие подсистема, сколько их безоговорочная госпожа, да ладно бы рационально хозяйствующая по всему миру, а то ведь существующая ради себя, своего беспредельного финансового гешефта и действующая совершенно бесконтрольно со стороны какой-либо хозяйственной реальности.

Если говорить о безумии современной экономики, то это, конечно же, прежде всего безумие финансовое; за которым следует, наверное, безумие виртуалическое (квазибытие, которое уже и вне бытия); затем идет, пожалуй, безумие производительное, гигантское, избыточное, ненужное, во многом фиктивное, сверхмассовое; затем, надо полагать, следует безумие глобалическое с его невозможностью рационального глобального хозяйствования из всемирного центра; ну а последним обращает на себя пристальное внимание уже безумие чисто управленческое (нынешние менеджеры управляют всем, чем угодно, кроме управляемой-де ими реальности, причем в интересах управляющей структуры, а не в интересах управляемой реальности).

Хаос творящий сочетается все более с хаосом что-то попросту уже вытворяющим, — и более или менее «порядочный» хаосмос не выдерживает сего над собой насилия, обращаясь в патологический и патогенный хаосмос — *хронически расстроенный*, а настроиться на более или менее стройный хаосмос никак уже ему не удается.

Современная экономика привлекает к себе еще одно замечательное гносеологическое понятие-катеорию — *абсурд*!

Попробуйте-ка что-либо понять в современной экономике и членораздельно что-нибудь объяснить, кроме, конечно, как очередной раз невольно не рассмотреть текущего абсурда и не попытаться, сознавая это или нет, выдать абсурд за более чем временно нарушенную норму.

И что же тогда делать? Ясно, что надо брать под контроль экономику в ее целостности. Что невозможно сделать с глобализированной мировой экономикой, можно, видимо, сделать либо с крупной национальной экономикой, увязанной при этом с бытийно-хозяйственным подъемом страны, либо с международной региональной экономикой, тоже поднимающейся, хотя сделать это уже гораздо сложнее, но, видимо, все-таки возможно (при соответствующем лидерстве в регионе одной или двух крупных национальных экономик).

Отсюда выходит, что той же России, к примеру, надо, что называется, эффективно *национализировать собственную экономику* (не так в собственность что-то взять, как обеспечить суверенитет национального хозяйства), что Россия, кажется, шаг за шагом и делает, достаточно при этом и конспиративно, укрепляя, расширяя и развивая тот же оборонно-научно-промышленный комплекс, от которого, как от ядра-очага идут созидательные круги в разные стороны. Теперь очередь за *финансовой обороной*, что сделать куда как сложнее, но после горьковатого опыта с намеренным падением цен на нефть и газ, вынужденной недавней девальвацией рубля, банковскими вредными для страны манипуляциями с капиталами и западными санкциями против России, это сделать все-таки можно, да и дилемма тут исключительно проста: *«Родина или смерть!»*.

Экономический хаос, вполне подтвержденный хозяйственной практикой и освещенный экономической теорией посредством утверждения тезисов об экономической свободе и монетарной сути экономики, ликвидировать насовсем нельзя, да и не надо, наоборот, нужно использовать сей необыкновенный феномен, ориентируясь на его творческую способность и на возникающий из него гибкий и изменчивый хаосмос, а вот управлять хаосом и хаосмосом в пределах целостной экономики нужно и можно, пусть и ограниченно, не полагаясь при этом на ложное представление об экономике как о воспроизводимой когнитивно в матрично-балансовом виде четкой системе и не мечтая подчинить экономику единому из-за сего далекого от реальности представлению общему плану.

В.К. КОРОЛЕВ

**«Философия хозяйства» С.Н. Булгакова
и «диатрибическая» традиция**

Аннотация. Автор считает, что одной из причин того, что С.Н. Булгакову не удалось утвердить новое философское направление, является его понимание философии как «науки наук», предметом которой является Всеобщее как Целое (так называемая «диатрибическая традиция»). Его абстрактно-формальная парадигма, представленная немецкой классической философией, на которую опирался Булгаков, не позволила четко сформулировать философское обоснование право-

славной экономической теории, которая должна прийти на смену критикуемому «экономическому материализму».

Ключевые слова: философия, хозяйство, традиция, всеобщее, целое, диатрибика.

Abstract. The author believes that one of the reasons that S.N. Bulgakov didn't manage to adopt the new philosophic school was his comprehension of philosophy as a «science of Sciences», with Universal as a Whole as its object (the so-called «diatribic tradition»). His abstractedly formal paradigm presented by the German classical philosophy, which Bulgakov relied, didn't allow to state the philosophical foundation of Orthodox economic theory which should replace the criticized «economic materialism».

Key words: philosophy, economy, tradition, universal, whole, diatribica.

Тяжесть переживаемых страной экономических проблем, отсутствие стратегии проектирования и реализации модернизационной политики актуализируют поиск экономической модели, адекватной не только реалиям преодоления текущего системного кризиса, но и задача посткризисного развития качественно обновленной экономики России.

В этих поисках представляет определенный интерес творчество русского мыслителя С.Н. Булгакова, который в своей критике наличной, насыщенной марксизмом политической экономии, ее философских предпосылок, пытался дать новую основу для экономической теории — создать философскую систему, рассматривающую мир как хозяйство [1, 51, 327], способную тем самым «положительно» превзойти господствующий «экономический материализм» Маркса [1, 316 — 317]. (Примечательно, что один английский персонаж горьковской повести «Жизнь Клима Самгина» называет «Философию хозяйства» любопытной и фантастической попыткой изложить учение Маркса теологически.)

Почему Булгакову не удалось решить эту задачу — ведь он не закончил свою «Философию хозяйства» и ушел в богословие, а его творчество осталось периферийным как для философии, так и для экономической теории? В поисках ответа на этот вопрос выделю два соображения, представляющихся принципиальными для поставленной проблемы.

Первое. Прежде всего, правомерно предположить, что дело тут в некой «амбивалентности» самого замысла, концепции этой новой

философии. Ее автор в своей речи на докторском диспуте говорил, что философия хозяйства «...относится по своему плану одновременно и к чистой философии, и к семейству социально-экономических наук» [1, 320]. Очевидно, «благодаря» этому философия хозяйства и «...не находит себе должного внимания ни среди философов, ни среди экономистов, между тем как имеет одинаковые права на внимание и тех и других» [1, 319].

Примечательно, что, по мнению Булгакова, «между политической экономией и экономизмом как мировоззрением существует тесная, неразрывная связь. Фактически экономический материализм (как разновидность философского материализма [1, 318]) есть господствующая философия политической экономии» [1, 27—28]. Булгаков считал, что эта философия «испортила» ее, и политическая экономия как «Наука о хозяйстве терпит теперь... жесточайший философский кризис: отказываясь от сознательного экономического материализма... (который в марксизме имел мужество выделить эти предпосылки в самостоятельную философскую систему)... она остается лишенной всяких философских основ» [1, 29].

Поэтому для «излечения» экономической теории лежащую в ее основе «неправильную» философию он предлагает заменить новой, далекой и от экономического материализма, и от идеалистического «трансцендентализма» [1, 323—324]. Вот его философия хозяйства и должна дать новую основу экономической теории: «Философское исследование общих предпосылок экономической деятельности и экономического мышления вообще составляет прямую задачу философии хозяйства», которая «...входит в общую философию» [1, 31].

Булгаков, несмотря на критическое отношение к К. Марксу, по сути, работает в его парадигме: тот в формировании своих новаторских экономических взглядов пришел к пониманию необходимости кардинального отказа от доминирующей в его время философской основы социогуманитарного знания — немецкой классической философии — из-за ее «спекулятивности». Создание новой («научной») экономической теории требовало новой философской основы, ставшей методологией марксистской политэкономии.

Булгаков ставил аналогичную задачу, но в поисках философии, адекватной антимарксистской православной модернизации экономической теории, он решил вернуться к идеям классической западной («настоящей», «чистой») философии, опираясь на нее: в «Философии хозяйства» целые разделы написаны с позиций идей Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра. Автор прямо заявляет, что именно Шеллинг является «Истинным основоположником философии хозяй-

ства...» [1, 71]; которая «...необходимо должна быть сознательным продолжением философского, именно «натурфилософского», дела Шеллинга» [1, 89].

Но Булгаков опирается не только на немецкую философию. Он создает ситуацию «совмещения» ее положений с метафизикой православия в русской религиозной философии: в своей работе он обнаруживает знание идей Н.О. Лосского, В.С. Соловьева, П.Б. Струве, С.Н. Трубецкого, Н.Ф. Федорова, П.А. Флоренского, С.Л. Франка. Как «соединить» достоинства немецкого рационалистического и русского православного идеализма — вот проблема, которая стоит перед Булгаковым, его интересует их «тождество», а не различия, что не способствует ее решению.

Соображение второе, главное в данной статье. Поскольку он отмечал «...правомерность построения философской системы, рассматривающей мир как хозяйство» [1, 327], важно выяснить: было ли плодотворным авторское восприятие сущности философии как таковой, ее природы, специфики для решения поставленной задачи?

Прямых, однозначных высказываний по этому поводу у него крайне мало, но анализ текста второго раздела первой главы «Философии хозяйства» дает основания полагать, что, вслед за немецкими «классиками» и русскими мыслителями, Булгаков, по сути, фактически разделяет многовековую философскую традицию понимания предмета философии как абсолютной, независимой, всеобщей, «чистой» «науки наук» о мире в целом [1, 31—32]. В частности, он заявляет: «Философию можно определить поэтому как учение о жизни в ее целом или в самих общих ее определениях...» [1, 52].

Эта традиция, выражающая специфику философского знания, предмета философии, доминирующая (несмотря на пестроту конкурирующих и дополняющих друг друга философских систем) в истории западно-европейской философии (от Аристотеля — до современного Булгакову «позитивизма») в научно-образовательном сообществе, обстоятельно проанализирована в творчестве известного ростовского философа А.В. Потемкина (1924—2013). Он назвал ее «*диатрибической*» (*diatribe* — греч. — школа, школярский). Главными ее характеристиками являются представления, что философия выступает как только ей присущее рассудочное, генерализирующее абстрактное, формальное познание Всеобщего, универсального, причем оно рассматривается как обобщение всего имеющегося массива Знания о «мире в целом»; тем самым, философия позиционирует себя как «онтологически» противостоящая частным первая наука о всем существующем, его высших принципах, конечных причинах с целью постижения

его всеобщих первых начал, трактуемых в абстрактно-формальном духе [3, 38, 64—65, 130, 140].

В противоположность этому обоснованию ее специфики («отдельное — Всеобщее», «часть — Целое»,) оппоненты диатрибики в качестве одного альтернативно предлагают соотношение Мышления и Бытия («основной вопрос философии») как конкретно — всеобщее знание развития конечного Целого, которое пребывает в особенных формах, или стадиях, но всегда, тем не менее, оставаясь самим собой (а не диатрибические абстрактно-всеобщие формообразования сознания). Как ответ на этот вопрос «классики марксизма» формируют диалектико-материалистическую концепцию философского обобщения как знания «конкретного».

Булгаков, по сути, критически игнорирует эти идеи Маркса, задолго до него, как уже отмечалось, решавшего проблемы становления новой экономической теории на основе модернизации ее философских оснований, в частности, изложенные в таких работах, как «Экономическо-философские рукописи 1844 года», «К критике политической экономии» и др., хотя в них тот еще только начинает отходить от диатрибики. А ведь Маркс показал, что ее экономический метаморфоз с необходимостью приводит к появлению своей так называемой «профессорской формы», что знаменует, по его мнению, конец буржуазной политической экономии [2, 528]. Но Булгаков не обращает на это должного внимания.

Что так? Очевидно, Булгакову как религиозному мыслителю определенно не нравился жесткий материализм Маркса, а все западные философы, на идеи которых он опирался, были идеалистами. Но это свидетельствует о том, что Булгаков определенно воспринимал философию и как сферу соотношения материального и идеального. Это, в частности, хорошо видно в увлечении Булгаковым творчеством Шеллинга, в анализе которого русский мыслитель обнаруживает свое понимание важности для философии ее «основного вопроса», высоко ценит «философию тождества», которая устраняет противоположности субъекта и объекта, реального и идеального, природы и духа в некоем Абсолюте как тождестве идеального и реального [1, 79—81]. Но в целом у Булгакова определенно доминировала диатрибическая традиция трактовки природы философии, а не актуализированный марксизмом ее «основной вопрос».

Кроме того, для создания иной, метафизической, «софийной» экономической теории на основе православия он использует... философский рационалистический потенциал западно-европейской диатрибики (в форме немецкой классической философии), имеющий во мно-

гом чуждый православию религиозный — протестантский — контекст, что, по идее, должно было быть смутить (но не смутило) русского религиозного мыслителя.

Эти краткие замечания позволяют представить затруднения Булгакова в строительстве философии хозяйства: в своих попытках православной модернизации экономической теории он фактически опирается на идеи классической немецкой философии, которые, как он полагал, лучше, правильнее, лежащих в основе критикуемых им экономических взглядов. Но если Маркс, преодолев традиционную парадигму философского знания, строил свою политическую экономию на конкретном, диалектико-материалистическом понимании целостности всеобщего, то Булгаков, предпочел работать в русле диатрибической традиции его понимания.

Как, в чем конкретно проявляется это предпочтение? Можно выделить, по крайней мере, три сюжета из «Философии хозяйства», которые подтверждают этот тезис.

Сюжет первый. Можно констатировать абстрактно-формальную трактовку Булгаковым «Всеобщего», «Целого», атрибутивно присущую названной традиции. Так, рассматривая различие между философией и наукой, он отмечает, что если наука всегда односторонне, изолирующе исследует свой объект, дробит жизнь, детализирует ее, то «философия ... интересуется... связью данных явлений с общим и целым, ... рассматривает мир и отдельные его стороны как целое, в свете строения этого целого»; «Философская рефлексия всегда направлена на целое жизни, научная — на ее частности» [1, 52]. В частности, Булгаков весьма своеобразно различает философию и экономическую теорию: по его начальным установкам политэкономия (теоретически) осмысливает факты хозяйства (частное), и такое осмысление он почему-то называет... феноменологией, вместе с тем, тут же отмечая, что «... было бы величайшей близорукостью, приравняв целое части, ограничить теорию хозяйства одной лишь его феноменологией» [1, 22]. Но что же тогда еще должно входить в эту теорию? Автор не мучает читателя поисками ответа на этот вопрос и продолжает: «За этими пределами исследование вопроса... попадает уже в общефилософскую область» [1, 22], где господствует Всеобщее, Целое. Получается, таким образом, что феноменологию Булгаков философией не считает (в лучшем случае — считает «эмпирической» характеристикой данности хозяйства, что в принципе несовместимо со статусом философии). А вот искомая им «философия хозяйства призвана входить в общую философию, ... а не есть лишь незаконное детище политической экономики» [1, 31].

Поясняя эти противоречивые заявления, Булгаков полагает, что политэкономия изучает отдельное — *что* осуществляется как факты мирового хозяйства, а философия хозяйства призвана понимать целое — *как* осуществляются эти факты [1, гл. 8]. Но тогда почему «экономический материализм» он называет философией, «господствующей», но «частной»?

Очевидно, именно из-за недостаточной (с точки зрения «диатрибики») абстрактности обобщения экономических фактов.

Булгаков подчеркивает расплывчатость и неопределенность фактических границ политической экономии и необъятность ее «сырого» материала, который нужен для построения теории хозяйства. Критикуя, таким образом, политическую экономию и настаивая на необходимости создания ее высшего, обобщенного, целостного обоснования в искомой философии хозяйства, Булгаков не обращает внимания на тот факт, что такая критика тем более относится к собственно («общей», «чистой») философии, о чем свидетельствуют многообразие и противоречивость философских взглядов, идей, систем. Это придает некую наивность его желанию абстрактно — философски «увязать» в целостность феномены хозяйства, однозначно понять его как всеобщность.

Тем самым, в своей критике политической экономии Булгаков допускает определенную «некогерентность»: критикуя эту теорию за ее первостепенное внимание к феноменам, фактам (отдельному), он, вместе с тем, считает, что основоположением политической экономии выступает методологическая установка, что «...явления хозяйственной жизни обладают качеством повторяемости и типичности» (как характеристиками всеобщего, целого. — *В.К.*) [1, 278], тогда как индивидуальному, личностному должного внимания не уделяется. Это он отмечает как большой недостаток научного стиля политической экономии [1, 274—275].

При этом у Булгакова эмпиризм, дробность феноменов политической экономии мирно сочетаются в ней со своей противоположностью — схематизацией, типизацией (истории) хозяйственной деятельности: «История политической экономии и современное ее состояние дают обильные примеры... и чрезмерной абстрактности теорий, и беспринципного коллекционирования фактов» [1, 284].

Чем же отличается эта чрезмерность от абстрактных «общифилософских» высот, столь необходимых, по мнению Булгакова, для нового уровня научного понимания хозяйства, свободного от отмеченных крайностей, ведь, по сути, именно (диатрибическим) стремлением к абстрактности обобщения, цельности восприятия хозяйственной дея-

тельности, в противовес политэкономической «дробности», «частности», и объясняет он необходимость разработки «философии хозяйства»?

Автор изящно уходит от ответа, заявляя, что он не притязает на необходимое специальное углубление и детализацию своей позиции для выяснения общих точек зрения философии хозяйства в применении к его феноменологии [1, 286].

В этих фрагментах видно, что Булгаков испытывает серьезные затруднения в своем стремлении совместить абстрактность диатрибики немецкой философской классики с потребностью создания теории «хозяйства», с одной стороны — как конкретного, фактического, а с другой — как всеобще-метафизического, целостного.

Сюжет второй. Булгакова не устраивает *понимание человека как субъекта экономической деятельности* в его трактовке «экономизмом», «политической экономией». Прежде всего, он критически оценивает то обстоятельство, что человек для экономиста есть или «экономический человек», или член данного класса, т. е. человек *частичный*. Такой человек связан с определенным типом хозяйственной жизни, живет, главным образом, для удовлетворения своих материальных потребностей. И то, и другое не имеет всеобщего характера, что Булгаков считает недостатком (см. раздел I, гл. 4 «О трансцендентальном субъекте хозяйства» в [1]).

В обосновании своего нового, всеобще-абстрактного хозяйствующего человека показательны рассуждения Булгакова о таком субъекте. Если, по мнению автора, хозяйство «...есть единая и связанная деятельность, которая субъектом имеет не индивид, но род, и развертывается во времени, т. е. в истории» [1, 123]; то этим «истинным и притом единственным трансцендентальным субъектом хозяйства... является *не человек, но человечество*» [1, 127]. Кроме того, Булгаков полагает, что «человек ... носит в сознании своем образ идеального всеединства... Этим принципиально обосновывается хозяйство как *единый* процесс, в котором разрешается общая задача и творится общее дело всего человечества» [1, 136].

В противовес идеологии «прагматичного экономизма», новый «абстрактно-всеобщий» человек призван понимать хозяйствование как всеобщий целостный процесс своего взаимодействия с природой, ее преобразования, хозяйствовать не только в соответствии с земными, конкретными материальными интересами, но и с выходящими за них абстрактными — высшими, метафизическими, сакральными; такой подход призван преодолеть экономическую односторонность, частичность, человека. Тем самым, булгаковская трактовка хозяйствующего

человека адекватна диатрибической картине мира хозяйствования как абстрактно-всеобщей целостности.

В сюжете третьем показательно рассмотрение в интересующем нас плане понимания Булгаковым интенции *софийности* хозяйства и его субъекта — человечества. С одной стороны, софийность как «Мировая Душа» (с учетом увлечения мыслителем немецкой классической философией по смыслу перекликающаяся с гегелевским Абсолютным Духом) может рассматриваться как некая интенция нового — единого мирового хозяйства — «мира в целом»; трансцендентальным человеческим субъектом («хозяином»), синтезирующим раздробленность, дискурсивность «экономического» хозяйства, и является Мировая Душа как Человечество. В этом ракурсе софийность, на наш взгляд, вполне можно трактовать как религиозную «ипостась» абстрактной онтологизации Всеобщего: «особенно важно выдвинуть онтологическую... сторону христианства, которая отчасти раскрывается и в философии хозяйства» [1, 23]. В этом человечестве каждая личность онтологически причастна к Софии — миру гармонии, «...при которой все находит себя во всем, а это все находит себя в Боге...» [1, 157].

Кроме того, общие основания хозяйственного процесса Булгаков называет его онтологией [1, 24]. А философия, толкуемая как метафизика, по мнению А.В. Потемкина, находит свое завершение и наиболее полное выражение именно в спекулятивной, абстрактно — всеобщей онтологии; ее выделение является атрибутивной чертой диатрибической традиции [3, 41, 131].

Итак, итога эти три соображения, вполне можно декларировать как постановку проблемы, требующей специальных исследований, вывод, что Булгакову не удалось создать свое новое философское направление во многом потому, что он разделял диатрибическую традицию понимания философии в ее интерпретации немецкой классикой как аналога «профессорской» формы буржуазной политической экономики. Конкретно это выражается в том, что диатрибическая традиция предполагает ориентацию на абстрактно-формальную трактовку всеобщности, целостности, что «резонировало» с религиозной идеальностью мировоззрения Булгакова.

Такой подход, возможно, был правомерен для классической либеральной экономической модели капитализма. Но в XX в. он вступил в свою «империалистическую» стадию. Это, во-первых, требовало конкретного подхода к экономическим реалиям, а не булгаковского поиска всеобщих философских основ «девульгаризации» экономического материализма на пути «возрождения» немецкой философской классики в «миксте» с православием. Во-вторых, названный «микст»

требовал обоснования своего — нового в сравнении с «классикой» и отвергнутым марксистским — механизма влияния философских идей собственно на экономическую теорию. В частности, идеология «софийного хозяйствования» в силу своей абстрактности не могла стать философско-мировоззренческой основой экономической теории, занимающейся конкретными вопросами.

Итак, в качестве философского обоснования модернизации экономической теории у Булгакова немецкая классика «сопрягалась» (в весьма причудливом «единстве») с православным идеализмом, ибо они были в русле диатрибической традиции. Но это обоснование было оторвано от обостряющейся в начале XX в. империалистической «конкретизации» противоречий новых экономических реалий, что и обусловило неудачу булгаковского «ренессанса» названного единства, ибо оно не позволяло справиться с диалектикой абстрактного и конкретного в философской методологии экономической теории. Очевидно, Булгаков быстро почувствовал это и бросил свою работу.

И еще одно важное замечание, но уже, так сказать, позитивное для философии хозяйства. Отмечая взаимную отчужденность и недоверие между философией и... экономической наукой [1, 319], Булгаков предлагает свою философию хозяйства как «ломающую перегородки» между ними [1, 320]. Современная, «осиповская», российская философия хозяйства ценна, прежде всего, тем, что она воплощает *междисциплинарное* (по)знание, преодолевает как «абстрактность» диатрибической традиции, так и идеологическую «чувственную конкретность» феноменологии классической политической экономии. Это позволяет вести широкий поиск идей модернизации экономической теории в ее «мысленно-конкретном» осмыслении путей необходимого «перевода» теории экономикса в философию проектного «хозяйствования». Такая «философия хозяйства» не просто вполне возможна (Булгаков в своей докторской речи отмечал, что «...наряду с данной философией хозяйства может быть построена и совершенно иная» [1, 327]), но состоялась как междисциплинарные размышления над метафизическими, и не только хозяйственными, проблемами современного бытия человека и общества [4].

Литература

1. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Терра, 2008. 352 с.
2. Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 3. М.: Политиздат, 1964. 674 с.

3. *Потемкин А.В.* Проблема специфики философии в диатрибической традиции. Ростов-н/Д.: ИРУ, 1980. 160 с.

4. Современность: хозяйственные алгоритмы и практики / Под ред. В.Ю. Строева, Е.С. Зотовой. М.; Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина. 2016. 492 с.

Referenses

1. *Bulgakov S.N.* Philosophia khozyaistva. М.: Terra, 2008, 352 s.

2. *Marks K.* Teorii pribavochnoi stoimosti // Marks K., Engels F. Soch. T. 26, ch. 3. М.: Politizdat, 1964, 674 s.

3. *Potemkin A.V.* Problema spetsifiki filosphii v diatribicheskoi traditsii. Rostov-Don: IRU, 1980. 160 s.

4. *Sovremennost: khozyaistvennie algoritmi i praktiki.* М.; Tambov, 2016. 492 s.

Л.А. ТУТОВ

Современная школа философии хозяйства: роль лидера*

Аннотация. Статья посвящена роли лидера научной школы в развитии современной экономической науки. Дана характеристика научной школы философии хозяйства и показана роль профессора Ю.М. Осипова в формировании ее теоретических оснований.

Ключевые слова: философия хозяйства, научная школа, школа философии хозяйства Ю.М. Осипова.

Abstract. The article focuses on the role of a leader of research school in the development of modern economic science. The characteristic of the research school of the philosophy of economy and the role of Professor Yu.M. Osipov in the formation of its theoretical bases.

Key words: philosophy of economy, scientific school, Yu.M. Osipovs' school of philosophy of economy.

*Статья подготовлена на основе материалов монографии Л.А. Тутова «Философия хозяйства. Опыт духовного преображения». М.: ТЕИС, 2003.

В развитии современной науки важную роль играют научные школы, которые можно рассматривать как модель организации и развития научного знания, а также как форму устройства совместной деятельности ученых. Для того, чтобы претендовать на статус научной школы, научное направление должно обладать определенными признаками. К ним можно отнести: наличие лидера, единомышленников, учеников и продолжателей идей, постоянный приток нового поколения. Всеми этими характеристиками обладает *школа философии хозяйства*, которая сформировалась на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Возглавляет школу философии хозяйства известный ученый-экономист, философ хозяйства, Ю.М. Осипов, отмечающий в 2016 г. свой юбилей. Отметим, что наряду с данной школой на экономическом факультете МГУ действуют еще семь школ, признанных научным сообществом: Татуровская (С.К. Татур) научная школа (хозяйственный расчет, учет и комплексный экономический анализ), научная школа Н.А. Цаголова (политическая экономия), научная школа А.И. Анчишкина (прогнозирование экономических процессов), научная школа В.С. Немчинова (математические методы анализа экономики), научная школа Т.С. Хачатурова (экономические проблемы природопользования), научная школа Д.И. Валентя (системное исследование народонаселения), научная школа управления Г.Х. Попова. Из восьми перечисленных школ только в двух остались в качестве лидеров их родоначальники, одной из которых является школа философии хозяйства. У шести остальных школ произошли смена лидеров и переход к коллегиальности в руководстве школой. Можно сказать, что роль лидера выполняют идеи.

Профессор Ю.М. Осипов соответствует всем признакам лидера научной школы. Прежде всего, он имеет неформальное влияние в академическом сообществе, благодаря своему авторитету, обусловленному обладанием определенными качествами. Речь идет о таких качествах, как созидательность и творчество, умение заручаться поддержкой, умение кооперироваться, умение организовывать, умение завоевывать престиж и популярность, такт и дипломатичность, умение брать на себя риск и нести ответственность, умение убеждать и менять себя, умение быть надежным и разбираться в людях. Следует отметить интеллектуальные качества Ю.М. Осипова, к которым относятся ум и логика, рассудительность и проницательность, любопытство и стремление к познанию, образованность и знание дела, хорошая интуиция и речевая развитость.

Ю.М. Осипов сумел объединить вокруг себя единомышленников на основе различных организационных форм. Так, в МГУ имени

М.В. Ломоносова проблемами философии хозяйства занимается группа ученых на базе Центра общественных наук и лаборатории философии хозяйства. Действует Академия философии хозяйства и Философско-экономическое ученое собрание, включающее более 300 действительных членов — известных в нашей стране экономистов, философов, социологов, политологов, культурологов и представителей других общественных и естественнонаучных дисциплин. Ежегодно проводятся научные конференции, симпозиумы и семинары, публикуются сборники научных статей, монографии, философско-экономические энциклопедии, издается альманах «Философия хозяйства», включенный в список рецензируемых журналов, рекомендуемых ВАК для публикаций соискателей ученых степеней.

Философия хозяйства как научная школа — это система взглядов, разделяемых группой ученых, объединенных общей целью и ценностями, на основе которых формируется исследовательская программа. Базовые ценности философии хозяйства сопряжены с такими вечными вопросами, как «что есть человек и его жизнь, почему, зачем и куда устремлен человек хозяйствующий, какие цели и последствия имеет человеческое хозяйство, к какому общему результату оно может привести?» [2, 300]. Ю.М. Осипов рассматривает философию хозяйства, как науку хозяйственную, а затем уже философскую. «Философия хозяйства — не столько завершённое знание, сколько специфическая область мысли и размышлений» [2, 302]. Философия хозяйства ставит и решает следующие глобальные вопросы: «Отчего, зачем, с какой целью, каким образом и с каким результатом реализуется хозяйство, прежде всего хозяйство или homo-хозяйство? Как выполняет человек выпавшую на него роль хозяйствующего субъекта, творца, демиурга? Какова генетика и природа homo-хозяйства, откуда оно, каково его соотношение с божественным и природным хозяйством, в чем его качественная специфика? Какова телеология homo-хозяйства, как и его эсхатология?» [3, 204]. Вышеперечисленные вопросы свидетельствуют о философской природе представленной области исследования.

Так же как и С.Н. Булгаков, Ю.М. Осипов считает, что философия хозяйства открыта для дальнейших разработок и не претендует на конструкционную завершенность. Тем не менее он выделяет несколько основных смысловых опор как онтологического, так и гносеологического свойства. Во-первых, хозяйство рассматривается как жизнь и жизнь как хозяйство. По мнению Осипова, это самая важная онтологическая опора. По значимости ей соответствует первая гносеологическая опора, согласно которой «философия хозяйства стремится познавать метасмыслы жизни-хозяйства, разумеется, не только это, но и это

в особенности» [2, 303]. Второй онтологической и одновременно гносеологической опорой является трансцендентность в широком смысле. «Вне трансцендентности философии хозяйства быть не может, а может получиться в лучшем случае лишь теория хозяйства» [2, 303]. Нравственная опора является третьей смысловой опорой, поскольку проблемы добра и зла являются важнейшими в философии хозяйства. Это очевидно из самого названия «Философия хозяйства», расшифровывая которое мы располагаем рядом слов «любовь», «мудрость» и «хозяйство». То есть «философия хозяйства равнодушна к вопросу о том, как, с каким нравственным мотивом, каким образом ведется человеком хозяйство» [2, 303].

Кроме трех исходных смысловых опор, имеются и частные опоры, которые выводятся из исходных. Речь идет, прежде всего, о понятийном аппарате философии хозяйства и взаимоотношениях между различными категориями. Например, соотношение хозяйства и экономики, экономики и стоимости. Так, экономика рассматривается Осиповым как частный случай хозяйства, а стоимость отождествляется с экономикой, поскольку стоимость — самое существенное в экономике. Философия хозяйства оперирует понятиями «экономическая цивилизация», «постэкономика», или «эсхатология экономики», которые являются важными для характеристики исторического пути хозяйства, различных его этапов, кризисов, революций и форм развития. В настоящее время философия «хозяйства вышла на исключительно важный фундаментальный вывод о наличии феномена хозяйственной демиургии, а не просто труда, производства, творчества, тем более потребностей и их удовлетворения» [2, 304]. В качестве демиурга Ю.М. Осипов рассматривает человека, который идет по пути пересотворения мира в соответствии со своим представлением. Человек идет от природы к неприроде, создавая мир искусственного, что приводит к проблеме эсхатологии хозяйства, а точнее, к хозяйственному апокалипсису. В связи с этим становится актуальной идея антихозяйства, т. е. хозяйство без любви и мудрости, которое имеет логические и онтологические основания. Выход может быть найден на пути обращения к хозяйственному богословию. Речь идет о той стороне богословия, которая связана с таинственными и драматическими аспектами жизни человека. То есть хозяйственное богословие призвано придать сакральный характер хозяйству в противовес антихозяйству. Сакральная функция должна выполняться априорно. С точки зрения Ю.М. Осипова, это поможет если и не найти выход из хозяйственного тупика, то хотя бы обозначить объективно существующие проблемы, что тоже немаловажно для их разрешения в будущем.

Философия хозяйства как направление мысли, зародившееся в России, имеет специфические особенности, обусловленные проблемами российского хозяйства. По мнению Ю.М. Осипова, в России в настоящее время воцарилось антихозяйство, вследствие преобладания экономической стороны хозяйства. Нет полноценного хозяйства, которое обеспечивало бы не только выживание, но и перспективу жизни. «Стоит громадная задача выхода на национальное хозяйство, ведущееся в интересах нации, страны, самой России» [2, 306]. Философия хозяйства нацелена на решение данной задачи, поскольку это философия действия, связанная с активной жизнью человека, его постоянным выбором и созиданием. Кроме того, философия хозяйства — это сверхцелостное знание, вбирающее в себя науку, философию, религию, обыденное знание и отражающее даже более того, что есть сама целостность. Поэтому понять философию хозяйства можно через переживание, а не только посредством разума.

Ключевым в концептуальном каркасе философии хозяйства у Ю.М. Осипова является положение, согласно которому «хозяйство есть не столько производство благ, сколько производство самой жизни и самого человека» [2, 307]. С этим утверждением нельзя не согласиться.

Давая в целом оценку концепции философии хозяйства, предложенную ее лидером Ю.М. Осиповым, необходимо отметить значительный вклад ученого в развитие современной философии хозяйства. На базе возрожденных идей С.Н. Булгакова и других русских философов были предложены новые подходы и решения с учетом современной хозяйственной ситуации и уровня развития научного знания, разработан современный категориальный аппарат, расширены исследовательские рамки философии хозяйства до Универсума — мира человека во всем его многообразии. Тем не менее, есть некоторые важные положения, с которыми можно поспорить.

Во-первых, философия хозяйства — это не просто мировоззренческое знание, она также выполняет и методологическую функцию, предлагая совокупность принципов и методов, необходимых для получения нового знания.

Во-вторых, необходимо внести определенность по поводу предметного статуса философии хозяйства, которая у Ю.М. Осипова «не одна из экономических наук, как и не одна из отраслей философии... это в общем-то самостоятельная область мысли и знания» [2, 300]. Однако, судя по тем проблемам, которые решает философия хозяйства, связанным с выявлением метасмыслов жизни и хозяйства, определением, что есть человек и почему, зачем и куда устремлен че-

ловец хозяйствующий, какие цели и последствия имеет человеческое хозяйство, к какому общему результату оно может привести, — можно с уверенностью утверждать, что речь идет именно о философском взгляде на мир. Говоря же о том, что философия хозяйства рассматривает хозяйство как жизнь и жизнь как хозяйство, мы тем самым категорию «жизнь» делаем основной и, следовательно, содержательно сближаем философию хозяйства и философию жизни, либо понятие «жизнь» наполняем содержанием, традиционно ей не соответствующим. В работе «Очерки философии хозяйства» Ю.М. Осипов пишет: «Нельзя в философии хозяйства видеть лишь отрасль философии, т. е. некое лишь философское дело. Это и однобоко, и по существу неверно. Философия хозяйства — наука прежде всего хозяйственная, а затем уже философская... Мы хотели бы настаивать более на отношении “хозяйство → хозяйствоведение → философия → философия хозяйства”, чем на отношении “философия → хозяйство → философия хозяйства”» [1, 143]. С таким подходом едва ли можно согласиться. Несмотря на то, что философия обращает свои взоры в различные области, в том числе в сферу хозяйства, она не претендует на присвоение предмета самой теории хозяйства. Ее интересуют сугубо философские аспекты теории хозяйства: онтологические основания хозяйства и особенности его возникновения и развития, этический, гносеологический и антропологический аспекты.

Нельзя также согласиться с предложенным Ю.М. Осиповым делением философии на философию в широком и философию в узком смысле. Есть философская постановка проблем, философское отношение к жизни. Есть философия систем и философия в форме художественных произведений. Но нет философии ради самой философии, точно так же, как нет и конкретной философии, хотя и существует понятие практической философии.

В-третьих, использование феномена хозяйственной демиургии требует особой осторожности, так как в античной традиции, наследуемой многими философскими направлениями, содержание понятия «демиург» не включает творение самого демиурга, в хозяйстве же человек преобразует не только окружающий мир, но и самого себя. К тому же у человека нет единого и идеального плана по изменению мира, часто он действует стихийно, руководствуясь самыми неотложными потребностями. Неслучайно С.Н. Булгаков считал, что человек не способен достичь Творца, а кажущуюся близость возвышения он называл сатанинским искушением. Следовательно, для характеристики человека хозяйствующего и активно преодолевающего свои собствен-

ные пределы корректнее использовать понятие философии действия или деятельностного подхода.

В-четвертых, национальный аспект хозяйства, или «национальное в полном смысле слова хозяйствование» [2, 306], необходимо рассматривать только в контексте всемирного, космического хозяйства во всем многообразии форм. Пространственно-изолированное хозяйство, в конечном счете, обречено на угасание.

Перечисленные аргументы не умаляют значения разработанных лидером отечественной философии хозяйства профессором Ю.М. Осиповым и его единомышленниками теоретических построений, а лишь только подчеркивают сложность изучаемых проблем. Прозрения Ю.М. Осипова сыграли важную роль в возрождении идей российской философии хозяйства, дали импульс для переосмысления ее предметного поля и методологического статуса, хотя и не предполагают рассмотрения философии хозяйства как строгой научной и философской дисциплины.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Очерки философии хозяйства. М.: Юристъ, 2000.
2. *Осипов Ю.М.* Философия хозяйства: В 2 кн. М.: Юристъ, 2001.
3. *Осипов Ю.М.* Философия хозяйства // Философия хозяйства. 1999. № 6.
4. *Тутов Л.А.* Философия хозяйства. Опыт духовного преобразования. М.: ТЕИС, 2003.

References

1. *Osipov Yu.M.* Ocherki filosofii hozyajstva. M., 2000.
2. *Osipov Yu.M.* Filosofiya hozyajstva: V 2 kn. M., 2001.
3. *Osipov Yu.M.* Filosofiya hozyajstva // Filosofiya hozyajstva. 1999. № 6.
4. *Tutov L.A.* Filosofiya hozyajstva. Opyt duhovnogo preobrazheniya. M.: TEIS, 2003.

Т.В. ИГНАТОВА, Т.В. МАРТЫНЕНКО

Влияние православия на концепцию государственной собственности в русской школе экономической мысли

Аннотация. В статье рассмотрено влияние православных убеждений и ценностей на концепцию государственной собственности в работах представителей русской школы экономической мысли. Духовный подход к государственной собственности систематизирован на основе трудов А. Ильина, Б. Чичерина, В. Эрн, С. Булгакова и др. В области методологии большая роль в русской экономической школе отводится междисциплинарному синтезу, придается значение психологическим факторам, уделяется особое внимание выявлению индивидуального и особенного. Авторами выявлены особенности методов исследования, присущих русской школе экономической мысли: особая значимость исторического метода; учет влияния на национальное хозяйство не только экономических, но и исторических, моральных и других неэкономических факторов.

Ключевые слова: русская школа экономической мысли, государство, государственная собственность, православие, управление имуществом.

Abstract. The article examines the influence of Orthodox worldview and faith onto the concept of state property in the works of representatives of Russian school of economic thought. The spirit approach to state property is systematized concerning works of A. Ilyin, B. Chicherin, V. Ern, S. Bulgakov and others. In the field of methodology the Russian economic school underlines the biggest role of interdisciplinary synthesis, particular importance is given to psychological factors, with particular emphasis on the identification of individual and special. The authors find out the features of the research methods inherent to the Russian school of economic thought: the special importance of the historical method; the consideration of influence of historical, moral and other non-economic factors onto the national economy.

Key words: Russian school of economic thought, state, state property, Orthodox faith, property management, spirit approach.

Государственная собственность является экономической основой государства и позволяет ему выполнять экономические, социальные и политические функции. Государственная хозяйственная деятельность основана на государственной собственности и имеет давнюю историю. В различных экономических школах даются ответы на вопрос, как государственная собственность взаимосвязана с государством, каковы ее природа и роль в государстве. Принципиальным является вопрос: в чьих интересах используются государственная власть и принадлежащая государству собственность?

Следует отметить, что в современной экономической науке выделяются пять основных направлений: неоклассика, институциональная экономика, эволюционная парадигма, марксизм и посткейнсианство. В настоящее время углубляется дробление, фрагментация научного знания как по горизонтали, так и по вертикали [26]. Возникновение множества научных теорий способствует смешению различных методологий. Принципиальные различия коренятся только во взглядах ученых, в их мировоззрении. Различия между теориями зачастую являются несущественными и кроются в деталях.

Это приводит к тому, что при научном исследовании существует множество подходов к рассмотрению экономических проблем, в том числе и собственности. Из-за различия мировоззрений одни и те же факты оцениваются по-разному, что приводит к противоположным выводам.

На наш взгляд, теоретико-методологические подходы к исследованию государственной собственности русскими экономистами и философами можно разделить на два основных подхода, принципиально отличающихся друг от друга:

- духовный подход, основанный на православном мировоззрении и рассматривающий государство как духовную общину, а собственность как дар Божий;
- гражданско-правовой подход, опирающийся на материалистическое мировоззрение, эволюционизм в широком его понимании, основанный на философии светского гуманизма и либерализма [11].

Причинами существования значительной доли государственной собственности в различных странах исследователи называют климатические условия и необходимость организации ирригационных работ (Древний Египет, цивилизация ацтеков), исторические условия формирования государства и огосударствление всех сторон жизни, ментальная установка людей, необходимость постоянных мобилизаций общества в связи с постоянной военной угрозой. Считается, что на протяжении веков формируется неформальная институциональная

матрица государства, которая впоследствии проявляется снова и снова [9; 20].

Значительная группа исследователей отмечает, что социокод цивилизации сохраняется длительное время неизменным, следовательно, неизменным будет и господствующий тип собственности [6; 16; 24]. В сложившихся цивилизациях воспроизводятся не только традиции, обычаи, типы хозяйственных структур, но и стереотипы поведения людей, их приверженность определенным ценностям. Следовательно, логично будет разобраться в вопросе о том, какое же представление о собственности существует в русской экономической и правовой школе, опирающейся на православное мировоззрение.

В научной среде не прекращается дискуссия о существовании самостоятельной научной школы экономической мысли в России [1; 2; 8; 18; 19]. Л.И. Абалкин в своих статьях и монографиях доказал, что такая самостоятельная школа существует. Самостоятельность означает, что школа имеет особый предмет исследования и отличающуюся от других научных школ методологию.

Представителями русской школы экономической мысли, оставившими заметный след не только в России, но и признанными за рубежом, являются Н.Д. Кондратьев, П. Сорокин, И.А. Ильин и др.

Л. Абалкиным выделены специфические черты российской школы экономической мысли: 1) признание особого пути развития российской цивилизации и изучение ее особенностей; 2) приоритетность духовного фактора над материальным; 3) наличие особого типа отношений между государством и обществом; 4) специфика возникновения российского государства и его особая роль в социально-экономической жизни; 5) признание влияния православия на формирование общества и государства; 6) существование особых коллективных форм хозяйствования (общины, артели); 7) анализ народного хозяйства как целостной системы, реалистичность и опора на богатый статистический материал; 8) нравственная оценка экономических явлений; 9) междисциплинарный характер исследований, взаимосвязь экономических исследований с философскими, социальными, психологическими, духовно-нравственными и религиозными подходами.

Следует отметить, что исследования политической экономии социалистического периода нельзя в полной мере отнести к русской школе экономической мысли, так как они в своей основе опираются на труды марксизма, который является западным течением научной мысли. Хотя анализу проблем государственной собственности при социализме посвящена обширная литература, мы не будем на ней останавли-

ливаться. Объектом нашего исследования являются взгляды на государственную собственность в традициях русской экономической школы, сформировавшейся в конце XIX — начале XX в.

Многие ученые отмечают, что в России возникла самобытная философия собственности. Вклад в ее становление и развитие внесли С.Н. Булгаков, П.И. Новгородцев, В.Ф. Эрн, Б.Н. Чичерин, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, В.С. Соловьев. Она находится на стыке философии, права, психологии и тесным образом связана с пониманием человеческой личности, ее свободы и ответственности. Этот подход получил название этико-личностного, а в некоторых источниках его называют этико-экономическим [10; 12].

Система русского хозяйствования в дореволюционной России была тесно связана с православным мировоззрением. Религиозный характер мировоззрения определял всю систему ценностей русской экономики. Это наложило отпечаток и на понимание собственности, государства, труда и других экономических категорий.

Методология научного анализа опиралась на православное мировоззрение. Первичными в методологии познания в данном подходе являются принципы, изложенные в книгах Ветхого и Нового завета, Домострое. Представления о собственности формировались на основе трудов таких учителей церкви, как Иоанн Златоуст и Кирилл Александрийский.

Рассматривая сущность государственной собственности в русской экономической школе, необходимо обратить внимание на два принципиальных момента. Первый момент связан с пониманием тесной связи государства, власти, собственности, управления с идеей Божеского устройства и направления дел человеческих. Второй момент — это рассмотрение человеческой личности как образа Божия и понимание ее свободы и ответственности [15].

Логика трактовки государственной собственности в русской школе экономической мысли такова: нравственные законы были даны еще Моисею в заповедях. В них устанавливается, что Бог является верховным собственником всего созданного им на Земле, а человеку она предоставляется только на праве владения. При таком понимании собственности человек не может быть безусловным и вечным собственником имущества, он является скорее временным управленцем.

При управлении собственностью считается необходимым исполнять закон, который должен опираться на нравственные ценности. Считается, что государство обеспечивает защиту прав собственности, так как в соответствии с заповедями человек не должен желать чужой собственности.

Важным моментом при данном подходе является способ приобретения собственности. Если используются несправедливые методы, то это мешает нравственному совершенствованию человека и является недопустимым. Предписывается делиться с бедными.

Идеальной формой собственности считается общественная собственность, которая была в первохристианской Иерусалимской церкви. Особенно разработанной данная проблематика является в многочисленных текстах святителя Иоанна Златоуста. Необходимым условием является нравственное совершенствование человека, его добровольное желание отказаться от излишнего имущества. Учитывая слабость и греховность человека, святитель считал, что человек должен научиться постепенно отсекал лишнее, ограничивая себя только самым необходимым.

Другой взгляд на собственность выражен Климентом Александрийским в сочинении «Кто из богатых спасется?». Он считал, что Господь не требует полного отказа от собственности, а только необходимо отвергнуть страсть любостыжания. Богатство допустимо, но выдвигаются два условия «безопасного» владения богатством: 1) «равнодушное», незаинтересованное отношение к богатству и 2) его использование на добрые дела (цит. по: [23]).

Особая заслуга в разработке теоретико-методологических положений русской экономической школы в отношении к государству принадлежит славянофилам И.В. Киреевскому, К.Н. Леонтьеву, Ю.Ф. Самарину и др. Именно они обосновали особый путь российской государственности. Изучая историю возникновения русского государства, славянофилы выяснили, что изначально для русских племен не было характерно государство, а вначале было понятие земли, общины. Впоследствии для защиты земли они призвали князей. Российское государство возникло не в результате завоеваний как в Европе, а было добровольным объединением, основанным на «взаимной доверенности» народа и власти [14, 41, 134—135].

Они считали, что основой русского государства было не римское право, а мир и нравственное единство власти и народа, основанное на православной религии. Эта добровольность призвания положила начало мирному сосуществованию общины и государства, которые никогда не смешивались. Власть изначально выполняла защитную функцию. Профессор права В.Н. Лешков основой и почвой для русского государства считал общину (земство). В его исследовании проводится четкая взаимосвязь между общинными началами в жизни русского народа и общим владением землей.

По мнению К.С. Аксакова, государство было необходимо народу для защиты православной веры, традиционного народного быта, общины. Но в рамках общины народ управлял собой сам. Фактически славянофилы признавали существование двух видов власти: земли (общины) и государства. К.С. Аксаков также отмечал, что заморские князья были добровольно призваны народом, и эта добровольность положила начало мирному сосуществованию общины и государства, которые никогда не смешивались. Существовало доверие между народом и представителями государства. Эта особенность была характерна для Московской Руси. Князья и царь считались с мнением народа (Вече, Земский Собор). Славянофилы подчеркивали, что такие отношения между властью и народом возможны только при наличии высокой нравственности у народа.

В концепции государства, разработанной славянофилами, необходимо выделить следующие черты: а) признание России самобытной цивилизацией и как следствие отрицание слепого заимствования чуждого для нее западного опыта; б) выделение двух видов власти: государственной и общинного самоуправления; в) рассмотрение государства как необходимого зла, предназначенного выполнять функцию защиты общины и Церкви, православной веры и народного быта [7, 67].

Славянофилы первыми показали особенности правовой системы России. Они отмечали особенные черты русской правовой школы:

- преобладание нравственности и справедливости над правом, а духа над буквой закона;
- воплощение совести верующего человека не только в обычаях, но и в нравственных, юридических отношениях;
- первенство права жить по совести и обычаю;
- если нравственность и право расходятся, то предпочтение отдается нравственности [7, 68, 154, 182—183].

Славянофилы считали, что со времен Петра нарушен союз между Землей и Государством и тем самым разрушена гармония развития России [5, 115—118]. Все беды русского государства и русского народа пошли от этого разрыва, оттого, что Россия ушла со своего пути и стремится подражать Западу. Они подчеркивали, что при утрате веры неизбежно усиление карающей роли государства и мер принуждения. Славянофилы были сторонниками минимального участия государства в жизни человека, семьи, общины. Это положение они обосновывали тем, что с помощью веры человек и общество могут преодолеть любые трудности экономического, социального и культурного характера. От-

давая первенство внутренней правде, они, однако, признавали за правом необходимость совершенствования внешних общественных условий совместной жизни людей.

Рассматривая особенности развития западных государств, славянофилы выделяли специфику формирования западного права. Они отмечали преемственность современного западного права и античного, особенно римского права. В западном праве, наоборот, закон преобладает над нравственностью и справедливостью. Сильная роль государства на Западе обусловлена индивидуализмом, разобщенностью общества. Чтобы как-то скрепить социально разобщенное общество, нужен был авторитет государства. Отсюда следует договорной характер западного государства, господство формализма в отношениях между людьми. Следовательно, в славянофильской концепции государству и государственной собственности отводится роль защиты традиционного образа жизни. Государственные функции ограничиваются только охраной правопорядка и защитой от внешних врагов. И.В. Посошков в «Книге о скудости и богатстве» писал, что основными функциями государства являются борьба с ворами и разбойниками, всякими неправдами, создание честной судебной системы, поддержка торговли и создание благоприятных условий для развития всего народного хозяйства [21].

Основами русской национальной самобытности являются община и общинная собственность. Община же рассматривается и в качестве фундамента русского государства. Государство не вмешивается в личную жизнь граждан, оно выступает защитником от внешних врагов и поддерживает порядок внутри страны, но для этого нужно соблюдение ряда условий, которые изложил Л.А. Тихомиров.

Он считал, что государство и общество будут развиваться гармонично при соблюдении следующих условий. Во-первых, верховная власть должна быть независимой от посторонних влияний и подчиненной только Богу. Во-вторых, необходимо разделение верховной и исполнительной («управительной») властей. Верховная власть должна отражать народный идеал, а правительство воплощать его в жизнь. В-третьих, необходим сильный социальный строй, включающий в себя все возможные в данной стране сословия, которые бы поддерживали власть и принимали живое участие в государственном строительстве. В-четвертых, должно быть самостоятельное местное самоуправление. В-пятых, необходимо выдвинуть идею, объединяющую все народы, проживающие на территории данной страны. В-шестых, создать бюрократический аппарат, который станет не чрезмерным и всевластным, а будет гибким и персонально ответственным. В-седьмых, государство

должно заботиться о нравственном здоровье нации и воспитывать ее. В-восьмых, полное подчинение воле Божьей требует от христианина освобождения от всецелого подчинения его государству [27].

По мнению Л.А. Тихомирова, государство вырастает из общества, которое включает в себя семью, корпорации, церковь, классы или сословия. Чем сложнее общество, тем насущнее государство, так как нужно согласовывать самые разнообразные интересы. Государство не может существовать, если умирает общество. Основу же любого общества составляют свободные личности. Если разрушается государство, то наступает анархия, если государство подавляет общество и личность, то наступает деспотизм, который истощает силы общества и государство также погибает.

Л.А. Тихомиров считал, что верховная власть в стране, отрешаясь от Бога, не способна воздействовать на нацию, так как теряет значение верховной власти, становясь силой чисто личной, человеческой. Следствием этого является утрата способности объединять общество для решения общенациональных задач [28].

Как видим, концепция Л.А. Тихомирова во многом перекликается с идеями славянофилов о разделении государственной власти и местного самоуправления, о необходимости доверия между властью и народом, о минимальном влиянии государства на личную свободу народа. Но все это возможно, если свободная воля человека находится в гармоничном единстве с волей Божией. Свобода должна быть уравновешена духовной и нравственной ответственностью человека перед Богом и людьми. Личную свободу и личную ответственность нельзя смешивать с распространенным заблуждением о коллективизме русского народа. Соборность и коллективизм — это неоднородные понятия. По мнению В. Семенко, коллективизм — это ложная соборность [22]. Соборность — единение людей в церкви на основе любви, а коллективизм советского образца — принудительное объединение людей ради общих целей.

Сравнение принципов управления государством в зависимости от мировоззрения управляющих приведено в табл. 1.

Этико-личностный подход нашел отражение также в работах И.А. Ильина. Он обосновывает необходимость частной собственности, считая, что именно она наиболее соответствует способу жизни, данному человеку Богом. Собственность рассматривается им как выражение и продолжение человеческой личности. Частную собственность он считает основой свободы и самостоятельности людей, а самостоятельная, ответственная человеческая личность является основой государства. Ильин показал, что классовое разделение, стремление решить

проблемы собственности через ее огосударствление ведут к еще большему разделению и вражде, так как в основе всего лежит зависть. Анализируя техническую цивилизацию XX в., Ильин отмечает, что техника снижает духовный уровень жизни людей.

Таблица 1

Сравнительный анализ принципов управления государством

Духовный (православный) подход	Материалистический подход
Источником верховной власти является Бог. Промысел Божий дает народу такого правителя, которого он заслуживает	Источник власти — народ. Народ заключает договор между собой, а потом передает управление монарху, президенту, премьер-министру и т. д.
Идеалом верховной власти является монархия. Монархия возможна при двух условиях — нравственности народа и сильной государственности	Идеалом верховной власти является демократия
Монарх не подчиняется народу, а нравственно отвечает за страну и народ перед Богом, но верховная власть должна быть выразительницей народного духа, народных верований и идеалов. Власть — это служение Богу. Царь несет с собой благодать Божию и благословление от Бога своему народу	Верховная власть формально подчиняется народу. Она не является священной
Единовластное правление, а аристократия, чиновничество — это служебные классы	Коллективное правление и рассредоточение власти между различными ветвями
Верховная власть не может быть ограничена никакими юридическими нормами, но она ограничена нравственными нормами. Управление на основе справедливости	Формальный юридический закон выше всего. Управление по закону

Продолжение табл. 1

Разделение на верховную власть и управление в лице правительства	Управление страной осуществляет правящая партия
Свободное подчинение данной Богом власти	Принуждение через закон и государственные органы
Цель государства — объединение и защита народа, уменьшение и пресечение зла на земле	Цель государства — богатство, могущество и процветание для избранных

На государство у И.А. Ильина также существует собственный взгляд. Он считает, что для российского государства не подходят никакие западнические политические формы. Более того, любое следование западным целям противоречит интересам России. Всеобщее распространение «формальной демократии» приводит к тоталитарному строю [12, 22].

Рассматривая гражданское общество и государственный строй [12, 348—351], Ильин приводит следующие принципы существования государства, основанного на христианской вере.

1. Добровольная послушность христианина государству и государственной власти.

2. Наличие развитого христианского правосознания (стремление к миру, справедливости, уважение чужой воли, взаимное доверие и поддержка).

3. Воспитание честности, верности, патриотизма и любви к отечеству.

4. Признание неравенства по полу, здоровью, одаренности, образованию, но при этом отношения между людьми строятся на основе справедливости. Неравенство сглаживается жертвенностью и щедростью.

5. Стремление к созданию справедливой социальной формы жизни и подлинно правового порядка.

6. Труд — это почетное служение, за которое человек несет ответственность перед Богом.

7. Собственность — дополнительное бремя и большое количество обязанностей.

8. Свобода в управлении собственностью.

И.А. Ильин, пытаясь найти путь дальнейшего развития России, рассматривает варианты государства-корпорации и государства-учреждения. Он выделяет характерные признаки государства-

корпорации: строится снизу-вверх, основано на свободной воле и свободном голосовании, на кооперации и сотрудничестве. Напротив, государство-учреждение строится сверху вниз по принципу опеки, его органы назначаются, а не выбираются, народ в таком государстве «воспитывается, опекается и повинуется» [13, 23—25].

И.А. Ильин считает, что принцип государства-корпорации, доведенный до его полной реализации, приведет к развалу государства и анархии. Этот государственный строй растрчивает народные силы. Принцип государства-учреждения приводит к каторге и уничтожению духовной свободы. Он предлагает искать третий путь, который лежит посередине.

Государство должно действовать как учреждение в делах общественного воспитания, порядка, суда, управления, обороны, дипломатии и некоторых других. Он считает государство публично-правовой, а не частноправовой организацией.

Еще одним важным элементом предложенной им концепции государства является необходимость учитывать условия формирования государства и факторы, влияющие на жизнь народа. К таким факторам он относит масштабы территории, религиозный, национальный и социальный состав страны, уровень культурного развития народа, особенности его хозяйственного уклада [13, 24—26, 28].

Совершенно противоположный взгляд на собственность изложен в работе В.Ф. Эрн «Христианское отношение к собственности» [28]. Он считает вполне достаточным для православного христианина владения и пользования, но не собственности. Он отмечает, что основание собственности находится в сознании людей. Это связано не с внешними обстоятельствами, а является «внутренним психическим моментом». Рассматривая свободу как необходимый элемент христианина, В.Ф. Эрн считает, что имущество мешает истинной свободе. Далее Он указывает на то, что частная собственность противоречит учению о благодати, так как все хорошее нужно приписывать не себе, а Богу. Ссылаясь на Евангелие, Эрн указывает на то, что христианство требует полного освобождения от имущества, даже от личной собственности, что все имущество должно быть общим, а затем распределяться между всеми нуждающимися. Важным условием обобществления имущества является любовь между верующими, когда они становятся одной душой и одним сердцем.

Из этого можно сделать вывод, что В.Ф. Эрн фактически выступает за христианский социализм, а основой общества считает христианскую общину с общинной собственностью. Эта христианская община строится добровольно, на основе веры, свободы и ответственности.

Н.П. Огарев, рассматривая взаимосвязь государства и собственности, отмечает, что в странах Запада (на примере Франции, Англии) отсутствует понятие государственной собственности, что европейские государства существуют за счет поземельного налога. В домосковской Руси также княжеская власть была в основном управительницей подвластных территорий, а не поземельной собственницей, ей по наследству переходило право на управление и налог. В России поземельная собственность становилась преимущественно общинной или частной, но не государственной [17]. Рассматривая варианты развития государственной собственности, Огарев выделяет два возможных пути — признание собственности за государем (правительством) или за народом (обществом). Он отмечает, что формирование государственной собственности в России произошло в московский период, когда смешались понятия управления и властвования с понятием государства. Во время второго московского царства окончательно формируется понятие государственной собственности как собственности государя, а управление ею или передается государственным чиновникам за жалованье, или же собственность переходит во владение помещикам. Он считает, что в императорский период произошло окончательное переплетение личного государева имущества и казенного. Все стало государевым, а частная земельная собственность сформировалась как жалованная государем. В России, в отличие от Запада, не было поземельной собственности, принадлежащей отвлеченному понятию государства. По мнению евразийцев, наше государство возникло в результате колонизации Азии. Оно построено по армейскому принципу и было основано на суровой дисциплине.

Исходя из представлений об управлении государственной собственностью как части науки управления, можно сделать следующие обобщающие выводы об историко-управленческих исследованиях в русской научной школе

В русской экономической мысли проблемы государственной собственности рассматривались как с точки зрения материалистического мировоззрения (Н.П. Огарев, Б.Н. Чичерин и др.), так и с точки зрения православного мировоззрения (русская религиозная философия). Представители этико-личностного подхода в русской философии собственности видели ее основу в человеческой личности и наиболее справедливой считали частную собственность. В то время как славянофилы и Н.П. Огарев считали, что в России наиболее подходящей является общинная собственность. Именно она органически вытекает из жизни народа.

Учитывая, что большинство представителей русской экономической школы придерживались православного мировоззрения, ключевым принципом методологии русской экономической школы является признание принципа синергии (сотрудничества) Бога и человека. Считается, что решающее влияние на развитие человеческой цивилизации оказывают Промысел Божий и свободная воля людей. Обновление общественной жизни может произойти только через обновление человеческой личности, соединенной с Богом. В то время как материализм считает, что существуют объективные закономерности исторического процесса, и изменить общественную жизнь можно, меня институты.

В русской школе экономической мысли на основе этико-личностного подхода были изложены следующие принципы управления государственной собственностью: государственная собственность, как и все в этом мире, — лишь временное благо, а не вечное и неизменное, как в западном праве, поэтому управленец — временный распорядитель вверенной ему собственности; собственность — функция труда, а не капитала; общенародный характер использования государственной собственности, так как все, что создано в этом мире Богом, предназначено для всех; внутренняя свобода от чрезмерной привязанности к земным благам и их обожествлению; свобода и личная ответственность за результаты управления собственностью, так как собственность — ценный дар, полученный от Бога, поэтому недопустимо расточительство, бездумное растраниживание имущества. Свобода имеет определенные властные ограничения, основанные на традициях, понятие справедливости как условие сохранения социального порядка и беспристрастный контроль за соблюдением и исполнением закона; необходимость защиты всех форм собственности, так как грешно желать чужого; духовное обоснование государственной власти как служения и тяжелого бремени; управлять государственной собственностью — это нравственное право творчески использовать ее хозяйственные возможности, приумножить имущество, улучшить жизнь каждого человека и общества в целом; направленность человеческой активности прежде всего на самовоспитание, самоограничение и включенность в традицию; регулирование экономических отношений на основе нравственных принципов; основная форма хозяйственных отношений — кооперация труда.

В области методологии большая роль в русской экономической школе отводится междисциплинарному синтезу, придается значение психологическим факторам, уделяется особое внимание выявлению индивидуального и особенного, налицо особенности методов исследо-

вания, присущих русской школе экономической мысли: особая значимость исторического метода; учет влияния на национальное хозяйство не только экономических, но и природно-географических, национально-исторических и других неэкономических факторов; признание общественного интереса нации выше личного интереса индивидуума.

Литература

1. *Абалкин Л.* Очерки по истории российской социально-экономической мысли. М.; Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2009. 225 с.
2. *Абалкин Л.* Российская школа экономической мысли: поиск самоопределения // Вопросы экономики. 2001. № 2.
3. *Ананьин О.И.* Философия и методология экономической науки // Философия социальных и гуманитарных наук / Под общ. ред. С.А. Лебедева. М.: Академический проект, 2006—2008.
4. *Балацкий Е., Екимова Н.* История цивилизаций в контексте соотношения государственного и частного секторов экономики // Общество и экономика. 2006. № 4. С. 179—181.
5. *Белов А.В.* Тема «государство» и «народ» в концепции славянофила К.С. Аксакова // Русская философия и российская государственность. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2009. С.115—118.
6. *Бессонова О.Э.* Институциональная модель российской экономики: ретроспектива и современный вектор развития // Экономическая наука современной России. 2008. № 4. С. 28—40.
7. *Васильев А.* Государственно-правовой идеал славянофилов / Под ред. О. Платонова. М.: Институт русской цивилизации, 2010.
8. *Воейков М.* О концепции «русской школы экономической мысли» // Вопросы экономики. 2001. № 2.
9. *Динес В.А.* Российская государственность в контексте исторических традиций // Власть. 2008. № 2. С. 3—7.
10. *Ивлева Г.Ю.* Собственность и ее закономерности в контексте общественного развития. Оренбург, 2000.
11. *Игнатова Т.В., Мартыненко Т.В.* Целеориентированное управление государственной собственностью в РФ // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2012. № 1 (50). С. 36—39.
12. *Ильин И.А.* Почему мы верим в Россию. М.: Эксмо, 2007.
13. *Ильин И.А.* Что есть государство — корпорация или учреждение? // Ильин И.А. Почему мы верим в Россию. М.: Эксмо, 2007.
14. *Лешков В.* Русский народ и государство: История русского общественного права до XVIII в. М.: Университет. тип., 1858.

15. *Мартыненко Т.В.* Проблемы управления государственной собственностью в России и необходимость изменений в соответствии с духовным подходом // *Право и инвестиции*. 2011. № 2 (47). С. 48—52.
16. *Морозова Г.А.* Третий Рим против нового мирового порядка / Под ред. О.А. Платонова. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 272 с.
17. *Огарев Н.П.* Государственная собственность. Русская философия собственности (XVII—XX вв.). СПб.: СП «Ганза», 1993. 512 с.
18. *Ольсевич Ю.* О специфике национальной школы экономической мысли в России // *Вопросы экономики*. 2001. № 2.
19. *Осадчая И.* Российская экономическая мысль — прошлое и настоящее. Люди и судьбы // http://wsyachina.narod.ru/economics/russians_economist.html (дата обращения: 27.12.2015).
20. *Пивоваров Ю.С.* Русская власть и исторические типы ее осмысления. Российская политика на рубеже веков. М., 2001. С. 6—42.
21. *Посошков И.В.* Книга о скудости и богатстве // <http://www.mirkin.ru/docs/book035.pdf> (дата обращения: 10.02.2016).
22. *Семенко В.* О духовно-метафизических истоках кризиса современной цивилизации // <http://www.pravaya.ru/side/584/2007> (дата обращения: 27.12.2015).
23. *Сомин Н.* Климент Александрийский и Иоанн Златоуст: два взгляда на собственность // http://ruskline.ru/analitika/2011/01/05/kliment_aleksandrijskij_i_svt_ioann_zlatoust_dva_vzglyada_na_bogatstvo_i_sobstvennost/ (дата обращения: 25.10.2015).
24. *Степин В.С.* Философия и эпоха цивилизационных перемен // *Вопросы философии*. 2006. № 2.
25. *Тарасевич В.* К философии экономической теории: прорыв в неизведанное известного // *Вопросы экономики*. 2006. № 4.
26. *Тихомиров Л.* Единоличная власть как принцип государственного строения // <http://podelise.ru/docs/index-26914780-1.html> (дата обращения: 20.08.2015).
27. *Тихомиров Л.* Монархическая государственность // http://www.russia-talk.com/mg/mg_0.htm (дата обращения: 05.05.2016).
28. *Эрн В.Ф.* Христианское отношение к собственности // <http://chri-soc.ru/ERNW61.htm> (дата обращения: 01.11.2015).

References

1. *Abalkin L.* Oчерki po istorii rossijskoj social'no-ehkonomicheskoj mysli. М.; Tambov: Izd-vo Tambov. gos. un-ta, 2009. 225 s.

2. *Abalkin L.* Rossijskaya shkola ehkonomicheskoy mysli: poisk samoopredeleniya // *Voprosy ehkonomiki*. 2001. № 2.
3. *Anan'in O.I.* Filosofiya i metodologiya ehkonomicheskoy nauki // *Filosofiya social'nyh i gumanitarnyh nauk / Pod obshch. red. S.A. Lebedeva*. M.: Akademicheskij proekt, 2006—2008.
4. *Balackij E., Ekimova N.* Istoriya civilizacij v kontekste sootnosheniya gosudarstvennogo i chastnogo sektorov ehkonomiki // *Obshchestvo i ehkonomika*. 2006. № 4. S. 179—181.
5. *Belov A.V.* Tema «gosudarstvo» i «narod» v koncepcii slavyanofila K.S. Aksakova // *Russkaya filosofiya i rossijskaya gosudarstvennost'*. Rostov-na-Donu: Izd-vo SKAGS, 2009. S.115—118.
6. *Bessonova O.E.* Institucional'naya model' rossijskoj ehko-nomiki: retrospektiva i sovremennyj vektor razvitiya // *EHkonomiche-skaya nauka sovremennoj Rossii*. 2008. № 4. S. 28—40.
7. *Vasil'ev A.* Gosudarstvenno-pravovoj ideal slavyanofilov / Pod red. O. Platonova. M.: Institut russoj civilizacii, 2010.
8. *Voekov M.* O koncepcii «russoj shkoly ehkonomicheskoy mysli» // *Voprosy ehkonomiki*. 2001. № 2.
9. *Dines V.A.* Rossijskaya gosudarstvennost' v kontekste istoricheskikh tradicij // *Vlast'*. 2008. № 2. S. 3—7.
10. *Ivleva G.Yu.* Sobstvennost' i ee zakonomernosti v kontekste obshchestvennogo razvitiya. Orenburg, 2000.
11. *Ignatova T.V., Martynenko T.V.* Celeorientirovanoe upravlenie gosudarstvennoj sobstvennost'yu v RF // *FEHS: Finansy. EHkonomika. Strategiya*. 2012. № 1 (50). S. 36—39.
12. *Il'in I.A.* Pochemu my verim v Rossiyu. M.: EHksmo, 2007.
13. *Il'in I.A.* CHto est' gosudarstvo — korporaciya ili uchre-zhdenie? // *Il'in I.A.* Pochemu my verim v Rossiyu. M.: EHksmo, 2007.
14. *Leshkov V.* Russkij narod i gosudarstvo: Istoriya russkogo obshchestvennogo prava do HVIII v. M.: Universitet. tip., 1858.
15. *Martynenko T.V.* Problemy upravleniya gosudarstvennoj sobstvennost'yu v Rossii i neobhodimost' izmenenij v sootvetstvii s duhovnym podhodom // *Pravo i investicii*. 2011. № 2 (47). S. 48—52.
16. *Morozova G.A.* Tretij Rim protiv novogo mirovogo poryadka / Pod red. O.A. Platonova. M.: Institut russoj civilizacii, 2009. 272 s.
17. *Ogarev N.P.* Gosudarstvennaya sobstvennost'. Russkaya filosofiya sobstvennosti (XVII—XX vv.). SPb.: SP «Ganza», 1993. 512 s.
18. *Ol'sevich Yu.* O specifikke nacional'noj shkoly ehkonomicheskoy mysli v Rossii // *Voprosy ehkonomiki*. 2001. № 2.

19. *Osadchaya I.* Rossijskaya ehkonomicheskaya mysl' — proshloe i nastoyashchee. Lyudi i sud'by // http://wsyachina.narod.ru/economics/russians_economist.html (data dostupa: 27.12.2015).
20. *Pivovarov Yu.S.* Russkaya vlast' i istoricheskie tipy ee osmysleniya. Rossijskaya politiya na rubezhe vekov. M., 2001. S. 6—42.
21. *Pososhkov I.V.* Kniga o skudosti i bogatstve // http://www.mirkin.ru/_docs/book035.pdf (data dostupa: 10.02.2016).
22. *Semenko V.* O duhovno-metafizicheskikh istokah krizisa sovremennoj civilizacii // <http://www.pravaya.ru/side/584/2007> (27.12.2015).
23. *Somin N.* Kliment Aleksandrijskij i Ioann Zlatoust: dva vzglyada na sobstvennost' // http://ruskline.ru/analitika/2011/01/05/kliment_aleksandrijskij_i_svt_ioann_zlatoust_dva_vzglyada_na_bogatstvo_i_sobstvennost/ (data dostupa: 25.10.2015).
24. *Stepin V.S.* Filosofiya i ehpoza civilizacionnyh peremen // *Voprosy filosofii.* 2006. № 2.
25. *Tarasevich V.* K filosofii ehkonomicheskoy teorii: proryv v neizvedannoe izvestnogo // *Voprosy ehkonomiki.* 2006. № 4.
26. *Tihomirov L.* Edinolichnaya vlast' kak princip gosudarstvennogo stroeniya // <http://podelise.ru/docs/index-26914780-1.html> (data dostupa: 20.08.2015).
27. *Tihomirov L.* Monarhicheskaya gosudarstvennost' // http://www.russia-talk.com/mg/mg_0.htm, (data: 05.05.2016).
28. *EHrn V.F.* Hristianskoe otnoshenie k sobstvennosti // <http://christian.ru/ERNW61.htm> (data dostupa: 01.11.2015).

Е.В. КОСОВ

**О системе цивилизационного знания
(краткие тезисы к постановке проблемы структуризации
знаний и научно-познавательной деятельности)**

Аннотация. Характеризуются цивилизационные эпохи: палеолит, аграрная, индустриальная, постиндустриализм, и будущая эпоха — устойчивая ноосфера. Предлагается познавательно-технологический подход к структуризации системы знаний. Рассматриваются сформировавшиеся глокальные культурные миры.

Ключевые слова: цивилизация, глобализация, глокализация, знание, наука, искусство, религия, культура, технология, образование.

Abstract. Characterized civilization epoch: Paleolithic, agricultural, industrial, post-industrialism and the future age of «Sustainable noosphere». It is proposed to informative and technological rise to the structuring of the system of knowledge. Considered glocal cultural worlds.

Key words: civilization, globalization, glocalmzatsiya, knowledge. the science, art, religion, culture, technology, education.

Знаний, как и денег, никогда не
бывает достаточно.
(Банальная истина)

Общая совокупность знаний в любом социуме всегда соответствует достигнутому уровню технологической цивилизации, а в историческом плане соответствует определенным цивилизационным периодам (эпохам).

Краткая характеристика цивилизационных эпох. Цивилизация *палеолита* возникла свыше одного миллиона лет назад в центре Африки (предположительно в районе Танзании). Различают ранний палеолит, мезолит (с началом освоения антропоидами огня) и неолит как переходный этап к культуре земледелия и оседлости.

В эпоху палеолита люди использовали простейшие орудия труда: кремневые ножи, каменные топоры, пики и стрелы, изготовленные из дерева и кости. Использование огня дало толчок в развитии кузнечного и гончарного дела. Первобытные люди научились строить плоты и ставить на них паруса из шкур. Создание столь сложного транспортного средства и управление им уже предполагают необходимость использования людьми подобия языка для общения. Людям требовалось знать особенности окружающей их территории, повадки животных, свойства растений и минералов. Так начиналось накопление знаний об окружающем мире, совершенствовались умения, помогающие племени выжить. Знания и умения передавались устно и через личный опыт.

В эпоху палеолита люди начали создавать первые произведения искусства — наскальную живопись, миниатюрные скульптуры. Музыка палеолита — это, прежде всего, вокал и ударные инструменты. На основе ритуалов погребения и зачатков религиозных культов возникли представления о вселенной, божествах и загробной жизни.

Следующий период технологической цивилизации — *аграрная эпоха*. Переход к аграрным (сельскохозяйственным) технологиям растянулся на многие тысячелетия. Люди стали создавать поселения на берегах рек и возделывать растения примитивным мотыжным спосо-

бом. Началось одомашнивание диких животных, что привело к использованию тяглого скота в плужном земледелии.

Переход к оседлому образу жизни сопровождался строительством жилищ, храмов, дорог, ирригационных сооружений. Энергия ветра и падающей воды использовалась для работы мельниц и в обработке строительных материалов. Все это способствовало развитию ремесел и торговли. С оживлением товарообмена появились деньги (монеты из драгоценных металлов). Возникли политические структуры (феодално-монархические) и государственная администрация, охраняющая права собственности на главную ценность аграрной цивилизации — плодородную землю.

5—6 тыс. лет назад появилась письменность. Знания стали передаваться не только устно, но и посредством текстов. В аграрную эпоху возникли главные единобожьи религиозные учения. Знания и представления о мироздании стали формироваться не только в рамках племени, но и через религиозные организации.

Новое развитие получило искусство: в городах строились цирки, театры, стадионы. Между ними кочевали бродячие артисты (скоморохи). Появились совершенные духовые и смычковые музыкальные инструменты. Высокого уровня достигло искусство скульптуры, хотя живопись в аграрной эпохе оставалась примитивной — плоскостной (двумерной).

На качественно новый уровень аграрные технологии перешли с развитием индустриализации общественного производства. Механизация сельскохозяйственного труда, выведение высокопродуктивных видов растений, генная инженерия обеспечили «зеленую революцию» в агротехнологиях.

Завершение преимущественно аграрной цивилизации наступило в конце XX в., когда численность городского населения на планете превысило сельское. Этот критерий позволяет довольно точно определить социумы, еще находящиеся на доиндустриальном этапе развития.

Третий период развития технологической цивилизации приходится на *индустриальную эпоху*. Ее истоки зародились в Западной Европе. В основе цивилизационных преобразований лежало объяснение мироздания Николаем Коперником и Исааком Ньютоном. Мощными толчками в развитии цивилизации стали деятельность европейских просветителей и реформация католической церкви.

В индустриальной эпохе можно выделить несколько этапов. Технологии с преимущественно ручным трудом (мануфактура) сменились на — механизированный фабричный труд (доэлектрический период). Затем на смену пришли электрификация, автоматизация и робо-

тизация производства. В индустриальную эпоху происходит интенсивный рост антропогенных источников энергии, использующих уголь, нефть, природный газ.

На базе книгопечатания в системе образования распространились энциклопедические издания, учебники и справочники. Стала доступной художественная литература. В Европе, а затем во всем мире, возникает широкая сеть университетов. Происходят дивергентные процессы развития сферы научного знания и становление системы общего и профессионального образования. В общественном сознании массовым становится атеистическое мировоззрение.

В результате социальных революций на смену феодальному самодержавию приходит республиканская форма партийно-парламентской демократии. Рынок и свободное ценообразование регулируют общественное производство. В денежном обращении золото вытесняется государственными и корпоративными ценными бумагами (ассигнации, облигации, чеки, акции и пр.).

В странах, где политическое устройство шло в ногу с научно-техническим прогрессом, формируется «общество потребления», т. е. для большинства населения становится возможной жизнь, когда можно досыта есть, прилично одеваться, иметь комфортабельное жилище и доступные транспортные средства. Персональный автомобиль становится символом индустриальной эпохи.

Однако индустриальные технологии в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, обеспечивающие безудержное потребление населения, становятся разрушительной силой, способной уничтожить основу цивилизации — природную среду, что предопределило настоящий кризис индустриальной цивилизации.

Постиндустриализм — четвертый период технологической цивилизации, хотя постиндустриализм может считаться и особым («кризисным») этапом развития индустриальной эпохи. Могущество человечества, невероятно возросшее с использованием индустриальных технологий, обостряет экологические проблемы в жизни социумов. Чрезмерная эксплуатация природных ресурсов ради растущего потребления ставит цивилизацию под угрозу деградации и даже гибели. Капитализм и партийно-парламентская демократия, как двигатели индустриальной эпохи, свое историческое время отработали. Не смог справиться с противоречиями индустриального общества и социализм/коммунизм со всесильностью Госплана и тотальным принуждением.

Постиндустриализм (citypost) как новый период цивилизационного развития возник в последней четверти XX в. и в настоящее время

характерен лишь для таких стран, как США, Япония, некоторые страны Западной Европы, население которых составляет «золотой миллиард» населения планеты.

Постиндустриализм связан с интенсивным распространением информационных технологий, что формирует новые ценности и новый образ жизни. Знаковым признаком постиндустриализма становится персональный компьютер. Массовыми становятся телевидение и доступ в глобальную сеть интернета. Экранная культура вытесняет печатное слово. В мир музыки входит электронный синтезатор звука.

В эпоху постиндустриализма на смену углеводородным источникам приходят энергетика высоких технологий (ядерная и термо-ядерная) и энергетическое использование неисчерпаемых и восстанавливаемых природных ресурсов.

В странах, достигших постиндустриальной цивилизации, численность населения, занятого в аграрных технологиях, составляет не более 5%, в промышленности и строительстве — не более 25—30%, а общая численность городского населения достигает 90%. Нормой становится всеобщее высшее (университетское) образование. Появляются зачатки новых (нетрадиционных) религиозных учений (масонство, сайентология, чучхе и др.).

Для постиндустриализма характерно появление огромной армии чиновников, государственных и корпоративных бюрократов (офисных работников).

Одних алармистских причитаний и простых технологических приемов для решения цивилизационных проблем недостаточно. Нужно решать проблемы мировоззренческие, что неизбежно при смене цивилизационных эпох. Постиндустриализм должен обеспечить переход цивилизации к следующему долгосрочному периоду развития: *«После кризиса не будет опять все хорошо по-старому, будет все хорошо, но по-другому».*

Устойчивая ноосфера — следующая (более высокая) эпоха цивилизационного развития. Термин «ноосфера» («сфера разума») впервые появился в начале XX в. в статьях французского философа Эдуарда Леруа и рассматривался лишь как способ взаимодействия общества и природы. Развивая идеи ноосферы, В.И. Вернадский указывал не только на экологические проблемы, возникающие под антропогенным воздействием, но и на необходимость создания гармоничной планетарной цивилизации, разумно управляемой человечеством.

Термин «устойчивое развитие» (англ. sustainable development) вошел в научный обиход в 1970-е гг., исходя из концепции «Пределы

роста», где рост индустриального производства ради безудержного потребления стали сравнивать с раковой опухолью.

В качестве главных пределов в третьем тысячелетии ожидается, во-первых, демографическая стабилизация на уровне 10—12 млрд человек. Причем лимитирующим фактором будет не плодородие почвы, а доступная пресная вода. Во-вторых, совокупная мощность источников энергии в третьем тысячелетии может вырасти всего в 5—6 раз относительно конца XX в., составив величину порядка 50—60 тераватт (1 тераватт = 10^{12} ватт), или около 1% энергии Солнца, попадающей на Землю. Лимитирующим фактором роста энергетики является угроза глобального потепления климата планеты с катастрофическими последствиями.

Понятие «устойчивая ноосфера» представляет собой не просто общество, существующее в комфортной среде, и не просто природную среду под воздействием человека, а гармоничное целое, объединенное концепцией цивилизационного развития в третьем тысячелетии. Реализация концепции «Устойчивой ноосферы» возможна путем выполнения конкретных действий в рамках четырехзвенной модели (рис. 1):

- знание и образование,
- технология и экология,
- экономика и политика,
- мораль и нравственность.

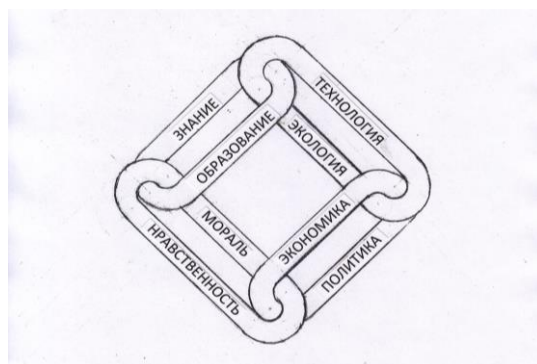

Рис. 1. Концептуальная модель «Устойчивой ноосферы»

Согласование этих звеньев и их перевод на язык конкретных мероприятий для достижения устойчивого цивилизационного разви-

тия — задача огромной сложности, поскольку все четыре звена должны рассматриваться системно в единстве целей и содержания.

Познавательнo-технологический подход к структуризации знаний. В данной статье понятие «наука» тождественно «*системе знаний*», а научная (исследовательская) деятельность трактуется как процесс приращения знаний о законах природы и общества, их систематизация и распространение в каждом цивилизационном периоде существования социума. В социуме важно не просто готовое знание, лежащее «на полке», а умение его вырабатывать наблюдением и опытом, анализом и синтезом.

Познавательнo-технологический подход предполагает следующую структуризацию знаний (наук) по видам.

1. Изначально (с эпохи палеолита) существует *подсознательное знание* (инстинктивное, чувственное), к этому виду знаний относятся следующие.

Языкознание (лингвистика), где элементарной единицей познания является «слово», обозначающее и характеризующее действие, вещь, явление и их сущность, т. е. слово выступает как важнейший инструмент познания. Для человека существует только то, чему есть понятное название в его языковой среде.

Искусство, которое существует в жизни социумов для образного отражения и осмысления действительности. Музыка и танец, образные сказания и тексты, живопись и скульптура, цирк и театр — все виды искусства являются эстетическим способом познания. «Цель любого искусства — обнажать самое сложное до самого главного — до неслышанной простоты», — эти слова принадлежат Сергею Шнурову, известному рок-музыканту и художнику.

Религии — как мировоззренческие учения, являются одной из форм общественного сознания. Человек не может жить без религии, если под религией понимать целостностное (системное) мироощущение. Субъективные представления, убеждения и мифы, основанные на вере и ритуалах, также становятся «знанием».

Перечисленные виды подсознательного (инстинктивного) знания (язык, искусство, религия) составляют основу архетипа в коллективном бессознательном любого социума (по Карлу Юнгу) и соответственно неотъемлемой частью общей системы цивилизационного знания.

2. Особым видом знаний являются *познавательные метанауки*. Смысл приставки «мета-» в том, что предметами метанаук являются методология познания и опыт абстрактного мироощущения.

Философия («любовь к мудрости») как метанаука изучает сам процесс познания, методологию мышления, и исследует первоначальную природу мира («каково начало всех начал?»). Классическая философия включает в качестве разделов логику, диалектику, эстетику. В качестве отдельных метанаук можно выделить следующие.

Метафизика — знания о материи, вечности и бесконечности.

Теология — область знаний о религиозных догматах и божественных откровениях. Теология изучает суть духовных ценностей в категориях: добро и зло, мораль и нравственность, смысл жизни, а также диктует нормы нравственного поведения в социуме. В эпоху постиндустриализма в задачи теологии входят анализ и оценка новых направлений в религиозной жизни.

Науковедение (термин «сайнтология» скомпрометирован псевдорелигиозной практикой) — метанаука, занимающаяся изучением системы знаний, ее структуры и динамики.

Метанауки метафизика, науковедение и теология могут рассматриваться и как разделы общей философии, исходя из изречения, приписываемого Альберту Эйнштейну: «Наука без религии слепа. Религия без науки не убедительна».

К метанаукам следует отнести *математику*, предметом которой являются абстрактные количественные зависимости, моделирование и пространственные измерения. Математика не относится к естественным наукам, но широко используется в фундаментальных и прикладных исследованиях для количественного определения их содержания.

3. Сфера *фундаментальных (базовых) знаний* включает следующие.

Естественные науки, т. е. знания, в основе которых лежат неизменные эталоны (килограмм, метр, секунда, джоуль, ампер, байт и др.).

Гуманитарно-общественные науки, которые базируются на таких исторически изменчивых категориях, как добро/зло, свой/чужой, справедливость/равенство, пределы свободы и власти. Причем на практике наблюдается некритический перенос в гуманитарные и общественные науки методов и оценок, выработанных в науках естественных, что снижает достоверность познавательного процесса. При отсутствии неизменных эталонов в гуманитарно-общественных знаниях появляются и какое-то время существуют субъективные представления и убеждения в виде псевдознаний.

В сфере фундаментальных знаний следует выделить *антропологию*, синтезирующую естественно-научное и гуманитарное знание. Антропология, как совокупность научных дисциплин занимается изу-

чением человека. Антропология включает расологию и этнографию, мужскую и женскую физиологию и психологию, а также эволюцию семейных отношений.

В числе естественных фундаментальных наук *знания о Земле и Космосе* (география и астрономия), *физика, химия, биология, информатика*.

Фундаментальные гуманитарно-общественные науки — это *социология* (наука о самоорганизации социумов), *экономика* (наука об общественном производстве и обмене), *культурология* (наука, изучающая социальную жизнь, образование, искусство), *история* (хронология и археология; плюс в каждой сфере знаний есть своя «история»).

4. Накопленный потенциал глобального цивилизационного знания актуализировал в эпоху постиндустриализма формирование комплекса *концептуальных (целеполагающих) наук*. Если знания, полученные в сфере фундаментальных наук, нейтральны и могут быть оценены только компетентными коллегами-учеными, то в концептуальных науках результаты исследований оцениваются в категориях коммерческой выгоды, экологичности, морали и культурного цивилизационного развития. В этом отношении все концептуальные науки являются междисциплинарными и системообразующими.

В комплексе концептуальных (целеполагающих) наук следует выделить *евгенику* как знание о сознательной эволюции человека (название «евгеника» произошло от слова «благородный», или «арийский»). Евгеника в своем начальном зарождении представляла учение о селекционном отборе применительно к социуму, а также о путях и методах улучшения физиологических качеств человека. Евгеника была дискредитирована ее использованием для обоснования расовой политики германского Третьего рейха. До настоящего времени действуют международные соглашения, ограничивающие и запрещающие вмешательство в геном человека. Однако развитие генетики и репродуктивных технологий снова подняли вопрос о значении евгеники и ее этическом и моральном статусе, и новый этап антропогенеза окажется способным реализовать режим целенаправленной эволюции человека.

Среди концептуальных наук следует отметить *природопользование* — науку о рациональном (для соответствующего исторически-цивилизационного времени) использовании природных ресурсов. Концепция природопользования при долгосрочном устойчивом развитии предусматривает, что *«удовлетворение потребностей настоящего времени не подрывает способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»* (из доклада «Наше общее будущее» Международной комиссии по окружающей среде и развитию).

Эта формулировка стала общепринятой и широко используется в качестве базовой.

С природопользованием тесно связана целеполагающая наука *прогнозирование технологических инноваций*. При устойчивом развитии нужны не просто высокопроизводительные технологии, но и технологии экологически чистые и морально приемлемые.

Политология как концептуальная общественная наука, исследует властные отношения в обществе и функции государственно-политических институтов. Задачи политологии как науки — разработка концептуальной методологии исследования политических процессов в социуме и на этой базе формирование знаний о политических явлениях, объяснение и предсказание событий в политическом развитии.

Политология базируется на данных фундаментальных общественных наук — социологии, экономики, культурологии. Политология включает в себя геополитику, политэкономия, конституционное право, определение принципов выборности.

Наука об образовании определяет миссии системы образования в цивилизационном технологическом и культурном развитии. Система образования трансформирует достигнутый потенциал знаний путем использования современных образовательных технологий непосредственно в сознание человека, тем самым формируя цивилизационный базис общества в национальном языке. В цивилизации третьего тысячелетия необходимостью становится расширение сферы образования за пределы детско-юношеского возраста, т. е. актуален переход к системе непрерывного образования.

5. Последовательность цивилизационных эпох сформировала обширную сферу *технологических (прикладных) наук*, трансформирующих глобальные научные знания в конкретные технологии:

В качестве приоритетных прикладных наук следует отметить следующие.

Медицина, включающая лечебные и оздоровительные технологии, акушерство, фармакологию, диетологию, гигиену труда и физическую культуру.

Образовательные технологии, обеспечивающие в социуме усвоение доступных знаний из сферы науки, искусства и религии.

Информационно-коммуникационные технологии, включая документалистику, журналистику и архивное дело, а также лингвистические технологии языкового перевода; новые технологии в искусстве и отправлении религиозных культов.

Энергетические технологии, обеспечивающие энергетические потребности за счет вечных, неисчерпаемых и возобновляемых ресурсов.

Область материально-вещественных технологических знаний включает: *индустриальные и транспортные технологии, строительные технологии* (включая архитектуру), *аграрные технологии* (включая — пищевые), *технологии природного промысла* (включая геологию), *материаловедение* (включая товароведение), *природоохранные технологии* (включая гидропользование), *технологии обеспечения безопасности*, в том числе военные технологии.

Область управленческих технологий — это *технологии социального управления*, включая юриспруденцию и методы формирования общественного сознания, *технологии управления общественным производством*, включая финансы, макро- и микроэкономику, корпоративное управление, методы прогнозирования, планирования и маркетинга, бухгалтерский учет, *технологии управления сложными техническими системами*.

Глокальные культурные миры. Познавательнотехнологические знания носят глобальный интернациональный характер. Тогда как культурные цивилизации носят ярко выраженные локальные (национальные) признаки, определяющие принадлежность социумов к «своим» или «иным» («чужим») культурам. Нация — это не только этническая характеристика социума, это — культурный феномен, в рамки которого вмещаются религия, язык, государственность, традиции, история, хозяйственный уклад. Хотя расово-этническая составляющая нации является самой устойчивой характеристикой. Причем каждая культурная цивилизация формируется в соответствии с достигнутым социумом уровнем технологического развития.

Английский социолог Роланд Робертсон ввел в обиход термин «глокализация» — слово гибрид, сконструированное из «global» и «local», что адекватно отражает современные тенденции в технологической и культурной геополитической интеграции в мире.

В глобализированной миросистеме (термин американского социолога Иммануила Валлерстайна) время суверенных наций-государств прошло. Ясное культурно-цивилизационное будущее представляется перспективным для устойчивых *глокальных культурных миров*, интегрирующих в своем составе несколько однородных по культуре государств. Для глокальных культурных миров важна не единая территория, а общая культура и общий образ жизни.

Эллино-христианский (европейский) мир. Европейская цивилизация стала доминировать на планете после Великих географических

открытий с началом индустриальной эпохи. Страны континентальной Европы (Старый Свет) активно формировали страны Нового Света — США и Канаду, Аргентину и Бразилию, Австралию и Новую Зеландию. Россия в это же время осваивала Сибирь, Дальний Восток, Западное побережье североамериканского континента, формируя обширный Русский мир, как часть Европейского мира.

После Второй мировой войны, когда колониальные империи рухнули, европейское культурное влияние стало ослабевать. Тем не менее, более трети населения планеты использует в своей культурной жизни «латиницу» и «кириллицу».

Численность Европейского мира в настоящее время составляет около 1 млрд человек преимущественно европейской и индоевропейской расовых ветвей. Индустриально развитые европейские страны на рубеже нового тысячелетия вступили в постиндустриальный период.

Ханьский мир. Население Китая и соседних с ним стран составляет около 2 млрд человек преимущественно монголоидной и туранской расовых ветвей. Культурные традиции Ханьского мира базируются на буддизме, даосизме и конфуцианстве. На рубеже тысячелетий страны Юго-Восточной Азии вошли в индустриальную эпоху, а отдельные страны (Япония) — в период постиндустриализма. Система знаний в Ханьском мире использует исключительно иероглифы и формирует достаточно закрытую систему для других языков, актуализируя развитие информационных технологий языкового перевода.

Исламский мир. «Зеленый пояс» ислама протянулся на планете от Индонезии и Бангладеш через Пакистан и Иран, через страны Магриба до Атлантического океана. Численность приверженцев исламской культуры насчитывает около 1,5 млрд человек сунитского (большинство) и шиитского вероисповеданий. Исламский мир не является географически зафиксированным пространством. Исламу привержены представители самых различных этнических групп, но этническое лицо ислама определяет арабская (семитская) и памиро-иранская расовые ветви. Большинство исламских стран принадлежат аграрной цивилизации, отдельные страны (Турция, Иран) можно считать индустриально развитыми.

XXI в. исламские страны встретили волнами массового протеста против европейского влияния. Фактически началась новая Четвертая мировая война (уже не холодная и не «горячая», а цивилизационная), которая была объявлена 11 сентября 2001 г. нападением мусульман-смертников на ряд объектов в США. По всей Европе, в том числе и по России, прокатилась волна террористических действий экстремист-

ских исламских групп. Эти жестокие и безумные акции вызвали воинствующий восторг всего исламского мира.

Мощнейший арсенал вооружения в многополярном мировом пространстве исключает глобальные межцивилизационные войны. Диалог цивилизаций должен быть нацелен на возведения мостов взаимопонимания и взаимоуважения. В любом случае все человечество будет жить вместе. Но по-разному!

Индоведический мир охватывает территорию Индостана и страны вблизи него с населением около 2 млрд человек австрало-индской расовой ветви, исповедующих индуизм, брахманизм, сикхизм. В качестве колониального наследия Индия до сих пор использует английский язык для межнационального общения. Но укрепляется тенденция к его сокращению в пользу местных языков хинди и урду. Индия постепенно входит в индустриальную цивилизацию.

На рубеже нового тысячелетия обозначена тенденция формирования других глокальных культурных миров.

Мир Негритюда. Культурно-философская идеология Негритюда возникла на африканском континенте в результате борьбы против колониализма. В настоящее время Негритюд пропагандирует идеи самобытности и самодостаточности негроидной проторасы. Прослеживаются нотки ее расовой исключительности. Навязанное христианство и европейские духовные ценности вытесняется языческими культами вуду-банту. Ожидается, что к концу XXI в. население «черной Африки» (Нигерия, Конго, ЮАР, Эфиопия и др.) достигнет 1 млрд человек.

Мир индейской Америки. Доколумбовая древняя цивилизация инков и ацтеков была разрушена испанскими и португальскими завоевателями. В настоящее время на американском континенте происходит столкновение нескольких культур, и коренная индейская культура все более обособливается от европейской (американизированной) культуры. Население Мексики, Колумбии, Перу, стран Центральной Америки выступает против «гринго» за свою культурную цивилизацию. К концу XXI в. Индейский мир может достигнуть численности 1 млрд человек индейской и полинезийской расовых ветвей. Хотя испанский язык скорее всего останется в качестве языка национальной системы образования и межгосударственного общения. Вопрос дальнейшей приверженности Индейского мира католичеству остается дискуссионным.

В качестве вывода. В системе современного цивилизационного знания действует общее правило: *«Думая глобально, действую локально».*

Д.А. АНТИПОВ, Э.П. БАКИРОВ

**Неолиберализм в образовании:
анализ глобальной экономики образования**

Аннотация. Устанавливается влияние неолиберальной глобализации на систему образования и выявляются изменения, произошедшие в глобальной образовательной системе в результате ее экономизации. С помощью социально-философских, диалектических и исторических методов познания объективной реальности анализируется базовый концепт неолиберальной доктрины в образовании — человеческий капитал, прослеживается историческое развитие глобальной экономики образования. Формулируется модель преодоления противоречий современной экономики образования через создание системы социальных гарантий реализации права на образование.

Ключевые слова: экономика образования, человеческий капитал, неолиберализм, глобализация, социальная справедливость, образовательная услуга.

Abstract. In the article the impact of neoliberal globalization on the education system and identifies changes in the global educational system as a result of its economization. Through socio-philosophical, dialectical and historical methods of cognition of objective reality, are analyzed the basic concept of the neoliberal doctrine in education — human capital, traced the historical development of global economy education. The model is formulated to overcome the contradictions of the modern economy of education through the establishment of a system of social guarantees realization of the right to education.

Key words: Economics of education, human capital, neoliberalism, globalization, social justice, educational services.

Период конца XX — начала XXI в. стал знаковым в истории современного мира. С одной стороны, распад социалистической системы и СССР зародил идею о возможности построения многополярного мира как союза равноправных государств, с другой стороны, был взят курс на неолиберальную глобализацию, принципы которой позиционировались как универсальные и единственно жизнеспособные. Изменения, начавшиеся с распада биполярной мировой системы, затронули

все сферы жизни современного мира, «поражение» реального социализма было воспринято как «победа» капитализма, прежде всего — системы социально-экономических отношений, создаваемой политической Р. Рейгана в США и М. Тэтчер в Великобритании, т. е. неолиберальной модели развития. Базовые принципы неолиберализма затрагивали не только сугубо экономические отношения, но также позиционировались как принципы социального, политического и культурного устройства. Таким образом, неолиберализм выступил как цивилизационная модель развития человечества, практической реализацией которой стала неолиберальная глобализация.

Постановка проблемы

Годы, прошедшие с начала активной глобализации, показали ее неоднозначность и противоречивость. Заявленные цели глобализации не нашли своего подтверждения в ходе ее практики и имеющихся на сегодня день результатах:

- вместо многополярного мира возникла система открытой гегемонии наднациональных институтов (ВТО, НАТО, МВФ и др.), которые во многом определяют внешнюю и внутреннюю политику стран Юга и бывших советских республик;

- новая мир-система не стала безопаснее, а, скорее, столкнулась с целым набором глобальных угроз, отсутствовавших или бывших незначительными в биполярном устройстве (глобальный терроризм, военные интервенции без санкций ООН, распад национальных государств);

- экономическая практика глобализации не смогла выстроить стабильной финансово-экономической системы, способной обеспечить поступательное и равновесное развитие мировой экономики. Кризисы 1997—1998 и 2007—2008 гг. дали понять, что возникшая глобальная экономика накопила в себе ряд неразрешимых системных противоречий, которые не позволяют ей выйти из перманентного кризиса и удерживают экономический рост в нулевом пределе;

- социальная модель глобального общества как общества «равных возможностей свободных людей» не была реализована. Возросшая социальная дифференциация (особенно после кризиса 2007—2008 гг.) и распространяющиеся региональные военные конфликты поставили перед многими людьми вопрос о выживании, когда «равные возможности» и «свобода» отступают на второй план.

Расхождение в целях и имеющихся результатах глобализации формирует проблематику исследования процессов неолиберальной

глобализации. Одной из проблем исследования является несоответствие итогов процесса неолиберализации образования и превращения его в рынок образовательных услуг с теми целями, которые стоят перед системой образования как элементом воспроизводства общества и культуры. Для рассмотрения обозначенной проблематики мы обратимся к анализу глобальной экономики образования, т. е. к образованию как сфере экономической деятельности в период неолиберальной глобализации.

Цель нашего исследования состоит в определении влияния неолиберальной глобализации на систему образования и выявлении изменений, произошедших в глобальной образовательной системе в результате ее экономизации. Реализация заявленной цели предполагает проведение анализа глобальной экономики образования с использованием социально-философских, диалектических и исторических методов познания объективной реальности.

Теория человеческого капитала

Процесс формирования глобальной экономики образования начался в середине XX в. Именно тогда была предпринята попытка теоретического обоснования взаимосвязи экономики и образования в теориях «революции менеджеров» и «человеческого капитала». Начало этому процессу положил Дж. Бернхейм в своей работе «Революция менеджеров» (1941) [23]. Основная идея Дж. Бернхейма сводилась к положению о том, что на современном этапе развития Западного общества ключевую роль в социально-экономической жизни будет играть класс «профессиональных управленцев», который сменит управленцев от капитала, тем самым, создав основу для новой стратификации в капиталистической системе. Выделение класса профессиональных управленцев требовало изменений в системе образования, в ее целеполагании и структуре, а именно, создание условий для отбора и обучения наиболее способных к управлению членов общества. Такой подход не отменял цель всеобщего образования, но вводил дифференциацию уровней и содержания образования. Теория Дж. Бернхейма задавала направления для дальнейшей теоретической разработки идеи о взаимовлиянии экономики и образования.

Следующий шаг на пути экономизации образования был сделан в 1960-е гг., когда оформилась теория «человеческого капитала», понятие которого сформулировали и раскрыли Т. Шульц и Г. Беккер. Согласно Т. Шульцу, образование есть форма инвестиций в человека, а итогом процесса образования является человеческий капитал, т. е. экономическая категория [25, 571]. Инвестиции в человеческий капитал

складаются из внутренней миграции и прямых расходов на образование и здравоохранение. Все эти группы инвестиций Шульц объединил в пять базовых категорий, посредством которых формируется человеческий капитал [26, 9]: 1) здравоохранение в широком смысле — все расходы, которые увеличивают продолжительность жизни, улучшают здоровье и физическую выносливость людей; 2) профессиональная подготовка сотрудников, организованная силами предприятия; 3) формально организованное обучение — начальное, среднее и высшее образование; 4) образовательные программы для взрослого сельского населения; 5) миграция отдельных людей и целых семей внутри страны и их адаптация к новой профессиональной деятельности.

Как видно из приведенной классификации инвестиционных групп, инвестиции в человеческий капитал прежде всего связаны с образованием, получаемым человеком в процессе своей жизнедеятельности. Такой подход к теории человеческого капитала продолжил развивать Беккер, который определил человеческий капитал как совокупность мотивов, навыков и знаний человека, применяемых им в экономической деятельности [22]. Накопление человеческого капитала Беккер связал с экономической эффективностью системы образования, т. е. с возможностью образования предоставить качественные инвестиционно-образовательные услуги человеку, исходящему в своих целях и действиях из логики максимальной рациональности [21].

Говоря о теории человеческого капитала Шульца—Беккера, необходимо подробнее рассмотреть тот исторический контекст, в котором эта теория формировалась. Т. Шульц вывел «человеческий капитал» из противоречия темпов роста доходов экономики США и объема воспроизводимого капитала (промышленная, земельная и финансовая рента). Данное противоречие возникло после окончания Второй мировой войны и, по мнению Шульца, имело выражение в 24% несоответствия между доходами США и возможностями финансово-промышленной ренты [26, 13]. Следовательно, полагает Т. Шульц, источником возросшего дохода является человеческий капитал, объем которого постоянно увеличивался в период с 1900 по 1956 г., что отражено в возросшем финансировании образования с 2% в 1900 г. до 12% в 1956 г. от валового физического капитала, а также в увеличении количества обучающихся в вузах с 328 000 человек в 1900 г. до 2 996 000 в 1956 г. [25, 582]. Вывод Шульца о причинах возросшей доходности экономики США в послевоенный период весьма неоднозначен, так как при анализе причин роста ВВП он взял за основу земельную ренту, присовокупив к ней показатели роста производитель-

ности труда в промышленности, что охарактеризовал как «физический капитал». При таком подходе были проигнорированы структурные изменения экономики США, развернувшиеся после окончания войны, а именно:

- переход военной экономики на гражданское производство;
- развитие новых отраслей массового производства (автомобильной, потребительской электроники и др.);
- инфраструктурное строительство (электрификация и урбанизация южных штатов);
- развитие финансового сектора за счет установления доллара мировой резервной валютой;
- возросшая численность населения за счет внешней миграции из Европы, что является важным фактором экстенсивного стимулирования производительности труда.

Все эти изменения опирались на отложенный конечный потребительский спрос, возросший за годы войны. Итогом данных структурных изменений стало наращивание темпов ВВП на душу населения в пределах 3,5—4% в год [2, 28].

Таким образом, можно сделать вывод, что возросшие доходы экономики послевоенных США в первую очередь обусловлены более объективными и конкретными причинами нежели метафизикой возросшего человеческого капитала, который сам по себе не является движущей силой экономического развития. Теория человеческого капитала как движущей силы экономики не прошла проверку временем, нефтяной кризис 1973 г. оборвал «славное тридцатилетие» экономического роста в послевоенном мире, в том числе и в США.

Начиная с 1970-х гг., теория человеческого капитала разрабатывается в теориях М. Фуко и А. Горца [1, 194]. М. Фуко выделяет две составные части человеческого капитала: приобретенные и врожденные элементы [17, 286]. Приобретенные элементы определяются образованием и социализацией индивида — это жизненный опыт, который можно применить на практике. Группа врожденных элементов — это наследственные признаки, передаваемые генетически. Фуко описал эту часть человеческого капитала следующим образом: «...одна из сегодняшних возможностей применения генетики к человеческим популяциям состоит в том, чтобы различать индивидов по риску и типу риска, которому индивиды подвергаются на протяжении своего существования. Как видите, механизм производства индивидов, детей, может обнаружить целую экономическую и социальную проблематику, исходя из проблемы редкости хорошего генетического оснащения.

И если вы хотите иметь ребенка, человеческий капитал которого, понимаемый в терминах врожденных элементов и элементов наследственных, будет высок, с вашей стороны требуется вложение, то есть вы должны достаточно трудиться, иметь достаточные доходы, иметь такой социальный статус, который позволит вам взять в супруги или в со-производители того, чей капитал сам по себе значителен...» [17, 287—288]. Такой подход к проблеме человеческого капитала объясняется стремлением М. Фуко обосновать свою теорию о появлении «человека-предприятия», который через конкурентную борьбу с другими индивидами осуществляет самосовершенствование и саморазвитие. Идея Фуко о структуре человеческого капитала и о роли в ней врожденных элементов сближает его позиции с социал-дарвинизмом, с идеей дифференциации общества на основании социального происхождения, с дальнейшей социальной дискриминацией определенных слоев общества. В случае с Фуко речь идет о сортировке «человеческого материала» на основании генетически унаследованных признаков.

Идеи М. Фуко дополнил А. Горц, который выдвинул тезис о самоздании человеческого капитала в процессе жизнедеятельности человека. Тем самым, человеческий капитал выступает уникальной формой капитала, который сам себя создает и приумножает, при этом, человеческий капитал является бесплатным ресурсом для предприятия, внешней данностью, приобретаемой с сотрудником. Задача предприятия состоит в улавливании особенностей этого капитала и направлении его в нужное предприятие русло [3, 28]. Рассмотренные идеи Фуко и Горца представляют собой синтез базовых положений неолберализма и теории человеческого капитала. Для более подробного анализа этого синтеза необходимо установить принципы неолберальной модели, которыми воспользовались М. Фуко и А. Горц.

Для установления базовых принципов неолберализма необходимо обратиться к работам его отцов-основателей: Л. Мизеса и Ф. Хайека. Говоря о неолберальной модели, прежде всего необходимо понимать, что данная теория и практика социально-экономического развития представляет собой этап в эволюции капиталистических отношений. Мизес подчеркивал, что либеральное (неолберальное) общество есть общество капиталистическое, т. е. основанное на принципах частной собственности на средства производства и на рынке, независимом от государства. Капиталистическое общество использует «разумное действие», которое предусматривает «временные жертвы» в ходе становления неолберального порядка [9]. Эти жертвы есть отказ от идеи социальной справедливости как несовместимой со свободным

рынком. Хайек охарактеризовал данное положение следующим образом: «...“социальная справедливость” — это не тот принцип, исходя из которого вообще возможно действовать, не разрушая основ рыночного порядка. Отсюда с необходимостью следует, что относительный, а возможно, даже абсолютный доход некоторых людей должен сокращаться...» [18, 12]. Следовательно, одним из принципов неолиберализма является отказ от социальной справедливости, выраженной в практике социального государства. Этот принцип выводится из более фундаментальной идеи неолибералов о конкуренции. Конкуренция, по мнению Хайека, есть естественный закон природы, равный по своей объективности законам физики и биологии. Ценность конкуренции состоит в том, что она не позволяет спрогнозировать результат социального и экономического развития, а следовательно, не задается целеполаганием отдельных акторов, она включает в себя цели и мотивы всех членов общества [18, 7]. Как результат, Ф. Хайек видит в рыночной конкуренции два неоспоримых плюса: рынок использует знание всех членов общества; рынок служит частным целям индивидуумов, увеличивая их шансы на успех в достижении поставленных целей [18, 9—10]. Тем самым рыночная система создает безличное принуждение, заставляющее человека перестраивать свой образ жизни [7, 22]. Таким образом, неолиберализм предложил новую трактовку капиталистической эксплуатации. Факторы, принуждающие человека к деятельности, сместились из внешней среды во внутреннюю. Возникла модель самоэксплуатации и самопринуждения в условиях рыночной конкуренции.

Три базовых принципа неолиберализма — это рыночная конкуренция, социальная незащищенность (через приватизацию социальной сферы) и использование знаний индивида синтезировались с теорией человеческого капитала. М. Фуко емко формулирует итог этого синтеза: «...сам индивид и есть совокупность (защищающих его от опасностей) резервов, которыми он располагает либо просто в индивидуальном порядке, либо через взаимопомощь... Тенденция такова: приватизированная социальная политика...» [17, 187]. Следовательно, теория человеческого капитала получила важное место в системе неолиберальной теории. Человеческий капитал стал пониматься как совокупность врожденных и приобретенных характеристик индивида, позволяющих ему более эффективно конкурировать с другими индивидами в условиях рынка. Как следствие, перед системой образования была поставлена задача по формированию необходимого для конкуренции человеческого капитала через оказание образовательных услуг. В такой ситуации само образование как социальный институт включалось

в логику рыночной конкуренции, так как качество предоставляемых образовательных услуг влияло на ход общей конкурентной борьбы в обществе. Начался процесс интенсивной экономизации образования, который с конца XX в. приобрел глобальный характер.

Экономизация образования

Занятие неолиберализмом места господствующей идеологии глобализации определило многие черты современного глобализованного мира. Одной из таких черт является включение образования в рыночную экономическую модель, что отразилось на роли и месте системы образования в мире. Произошла смена магистральной линии в целеполагании образовательного процесса: теперь образование не является инструментом по преодолению социального неравенства, а, скорее, наоборот — выступает своеобразным фактором социальной дифференциации через предоставление разного уровня образовательных услуг в зависимости от экономических возможностей «заказчика» образования. Такая ситуация подстегивает механизм «естественного отбора», в рамках которого устанавливаются новые критерии социальной справедливости [19, 159]. Неолиберализм в образовании борется за человеческий капитал индивида, чьи цели личностного развития сопряжены с экономическими интересами [16, 264]. Изменение цели образования имеет объективный характер в том смысле, что образование испытывает на себе влияние глобализации, в ходе которой меняется вся социальная сфера.

Главным изменением в социальной сфере является развернувшаяся приватизация здравоохранения, образования и инфраструктуры. Этот процесс привел к форсированному развитию частного сектора в образовании, что на данном этапе вызывает определенные проблемы с доступностью образования на разных уровнях. Во-первых, наличие платы за образование приводит к исключению из образовательного процесса людей с низкими доходами; во-вторых, частный образовательный сектор не спешит работать в малонаселенных и отдаленных районах, что ставит под вопрос реализацию идеи о всеобщем образовании. Прежде всего приватизация в образовании коснулась дошкольного и школьного уровня. По данным ЮНЕСКО, за последние два десятилетия доля частных школ резко возросла: так, в Лаосе и Нигерии на 2011 г. частные школы контролировали до 70% образовательных услуг на начальном и среднем уровнях, в Южной Азии частные школы посещают треть детей, общая доля частного сектора в начальном образовании приближается к 20% [12, 102—103]. При этом развитие част-

ного сектора отрицательно сказалось на качестве школьного образования, что объясняется рядом причин:

- частный сектор характеризуется значительной неоднородностью (от элитных школ до недорогих);
- недорогие школы не всегда проходят государственную регистрацию;
- дорогие школы нанимают сотрудников без высшего и профессионального образования.

Перечисленные причины были выявлены при анализе качества образования в частных школах Великобритании, но подобная ситуация складывается во многих странах [12, 74]. При этом, специфика частного школьного образования заключается в том, что частные школы продолжают получать государственное финансирование. В 2015 г. 84% расходов на школьное образование в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) приходилось на государство [14, 8]. Таким образом, частные школы стремятся получить максимальную прибыль с минимальными издержками, что сказывается на понижении качества образования. Такое поведение школ вполне оправдывается логикой неоллиберализма, когда выгода агента рыночных отношений является основной целью любых действий.

Немного иначе обстоят дела с развитием частного сектора в системе высшего образования. Во-первых, история формирования вузов изначально шла по двум направлениям: создание государственных и частных университетов, т. е. традиция частного образования в высшей школе складывалась исторически. Во-вторых, университет всегда был более свободным экономическим агентом, чем школа, что основывалось на программах внедрения научных разработок в производство и продажу патентов. Но, несмотря на эти отличия, университеты испытывали серьезное воздействие неоллиберальной доктрины, что отразилось на изменении роли университета в обществе — от производства знаний к производству информации [24].

Экономизация высшей школы осуществлялась через сокращение доли государственных расходов на образовательную и научную деятельность, что заставляло вузы искать дополнительные источники финансирования. В последние годы уровень государственных расходов на образование стабилизировался в районе 5% от ВВП. В 2015 г. доля финансирования в западных странах составила в среднем — 5,4%, в России — 3,9, средний показатель по миру — 4,4% ВВП [14, 4]. Стабилизация доли государственного финансирования образования произошла после резкого спада в период неоллиберальных ре-

форм, развернувшихся в мире в последнее десятилетие XX в. Примером может служить ситуация в России, когда в период с 1991 по 1998 г. затраты на науку снизились в 5 раз, а затраты на реальную исследовательскую работу были сокращены в 10 раз, при этом в 20—25 раз сократились расходы на материально-техническую базу (оборудование и приборы) [6, 53].

Ухудшение финансирования высшей школы и научных организаций привело к формированию рынка образовательных услуг, который в условиях глобального мира стал международным, ориентированным на импорт интеллекта. Наиболее полно эта система развернулась в США, где только за период 2008—2011 гг. число иностранцев, получивших степень PhD составило 55,7 тыс. чел. [2, 34]. Общий годовой доход от иностранных студентов в США равен 22 млрд дол., что составляет до 36% мирового образовательного рынка. В процентном соотношении к общему количеству студентов, обучающихся за границей, на долю США приходится 16,5% иностранных студентов, что обеспечивает этой стране 1-е место в мире по импорту интеллекта — например, Россия в 2012 г. занимала в этом рейтинге 6-е место, обучая у себя 4% иностранных студентов от общемировых показателей [8]. Изменения в структуре финансирования высшей школы и ориентация вузов на предоставление образовательных услуг привели к возникновению идеи о «предпринимательском университете», цель которого заключается в производстве и продаже знаний-информации на глобальном рынке образования. Идея предпринимательского университета предполагает кардинальную ломку традиционной модели высшего образования: теперь перед университетом ставятся рыночные задачи, далекие от идеи университета как просветительского центра. От предпринимательского университета требуется соблюдение следующих условий [15, 274]:

- университет должен вести себя как предпринимательская организация, т. е. стремиться к получению максимальной прибыли;
- члены университета (студенты, преподаватели и др.) должны исходить из предпринимательской логики, тем самым, быть предпринимателями в образовании и науке;
- университет должен быть встроен в рыночную среду мира, страны и региона.

Эти требования отражают процесс формирования глобальной экономики образования на основе неолиберальных принципов. Рыночные отношения не просто пронизывают всю систему высшего образования, а стремятся занять место универсальных моральных норм

функционирования этой системы. Последствия столь кардинальной ломки нерыночной модели высшего образования сказываются уже сегодня [11, 42—43]. Во-первых, включение университетов в мировую гонку поставщиков образовательных услуг приводит к стандартизации образования, что разрушает научные школы и традиции. Во-вторых, разрушение научных и преподавательских традиций вызывает разрыв между образованием и национальными культурами, а, следовательно, образование становится неспособно к выполнению функции воспроизводства общества. Потеря культурной идентичности — это потеря «общего» для общества, разрушение фундамента социальной идентичности. В-третьих, сокращение доли государственных инвестиций в высшую школу способствует уменьшению фундаментальных исследований, так как их дороговизна и низкая рыночная рентабельность не позволяют предпринимательскому университету поддерживать эти исследования на высоком уровне. Помимо этого, сокращение государственного участия в высшем образовании увеличивает социальную дифференциацию. Образование становится непригодно для запуска социальных лифтов, когда в науку попадают наиболее способные, а не наиболее материально обеспеченные.

Менее заметными, но не менее важными являются изменения логики функционирования современного образования. Являясь субъектом рыночных отношений, образовательная система вынуждена заботиться о привлечении потребителей образовательных услуг, но так как сложно убедить человека дважды пройти обучение в школе или всю жизнь оставаться студентом вуза, «маркетологи» от образования разработали концепцию «непрерывного обучения». Заявляемая в этой концепции идея базируется на представлении о современном обществе как обществе знаний, т. е. базовым ресурсом в экономике такого общества является человеческий капитал — знания, трансформирующиеся в прибыль. Отсюда — провозглашается идея о необходимости перманентного образования как источника индивидуальной и общественной прибыли. Практическая реализация концепции непрерывного обучения опирается на снижение уровня профессиональной подготовки в системе высшего образования [10]. Человек получает минимум знаний, с которым не в состоянии реализовать себя как профессионал. Это заставляет человека периодически прибегать к услугам системы образования для повышения своего уровня знаний. Таким образом, рынок образовательных услуг обеспечивает себя потребителями, которые уже не в состоянии отказаться играть по этим правилам, так как убеждены во взаимосвязи между собственным материальным благополучием и количеством имеющихся у них дипломов и сертификатов. Таким

образом, глобальная экономизация образования представляет собой незавершенный процесс, состоящий из следующих элементов:

- приватизация образовательной сферы — создание частного образовательного сектора;
- коммерциализация образования — продажа образования как услуги;
- стандартизация образовательных программ — разработка единых образовательных стандартов в высшем образовании, для импорта интеллекта;
- создание системы непрерывного обучения — включение наибольшего количества людей в рынок образования в качестве потребителей;
- создание системы параллельного образования — развитие элитных и недорогих школ, колледжей и вузов как средства дифференциации и социального отбора;
- импорт интеллекта — развитие системы глобального рынка образования для получения дополнительных доходов и рекрутирования наиболее талантливых студентов.

Эти элементы свидетельствуют о реализации современным образованием программы по формированию определенного типа личности — homo есоnотісus, или индивида, чьи мотивы и желания исходят из идеи о получении максимальной прибыли как цели существования. Тем самым, приоритетная задача образования состоит в сознательной селекции массового потребителя, чье стремление к освоению экономических благ лишено всякой самокритики [20, 26]. Подобные изменения в целях образования не были бы достигнуты без включения самой образовательной системы в логику потребления. Сведение образования до статуса услуги, а человека — до статуса капитала, ставит перед современным обществом серьезную проблему. Суть проблемы состоит в противоречии между сознательным стремлением людей к получению образования (знаний, умений, навыков), которое, по их мнению, позволит достичь жизненной самореализации и того результата, который им дает экономизированное образование — информацию без знания.

Как устранить противоречие

Неолиберальная глобализация стала объективной реальностью современного мира, а социально-экономический кризис 2007—2008 гг. отчетливо показал, что глобализация — это не только новые технологии, свобода торговли и свобода перемещения капитала, это еще — глобальные проблемы, решить которые в несколько дней или месяцев просто невозможно. Главное прозрение от кризиса заключается в осознании того, что стабильной экономики и общества не существует без четко сформулированных правил. Эти правила могут задаваться государством или обществом, но они должны быть [13]. Следовательно, впервые с конца XX в. пошатнулась вера в неолиберальную догму о рыночной конкуренции как универсальном законе жизни. На повестке дня оказались вопросы, связанные с социальной справедливостью, столь нелюбимой отцами-основателями неолиберализма. Возвращение категории «социальная справедливость» в политический и экономический дискурс свидетельствуют о попытках поиска выхода из затянувшегося кризиса.

Применительно к сложившейся ситуации в глобальном экономизированном образовании под социальной справедливостью следует понимать создание системы обеспечения человека необходимым набором социальных благ, гарантирующих ему нормальное личностное развитие с последующим приобретением социального статуса, соответствующего его талантам, способностям и затраченным усилиям [5, 148]. Такая система может быть реализована на принципах конвергенции рыночных, государственных и общественных норм регуляции социально-экономической жизни [4, 189]. Подобные механизмы уже были апробированы в послевоенной Европе, в концепции «встроенного социализма» Дж. Кейнса. Эта модель не утратила свою актуальность, а лишь нуждается в адаптации к современным глобализованным условиям. С точки зрения системы образования это означает возвращение государственного финансирования, общественно-государственного регулирования и контроля за образовательным процессом и его результатами, т. е. формулирование общественного и государственного заказа на образование. Эти меры будут не полны, если не вернуть индивиду значение человека, а не капитала в условиях рыночной конкуренции. Таким образом, для преодоления противоречия современного экономизированного образования необходимо отделить образование от рынка, а его результат — от товара.

Литература

1. *Бондаренко Е.А.* Концепты «Человеческий капитал», «Общество знаний» и «Интеллектуальная собственность»: был ли прав К. Маркс? // Научные ведомости БелГУ. Сер.: Философия. Социология. Право. 2013. № 23 (166). С. 189—197.
2. *Варнавский В.Г.* Экономический рост в США: тренды и факторы // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 2. С. 26—39.
3. *Горц А.* Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 208 с.
4. *Грошева Т.А.* Россия на пути к социально ориентированной рыночной экономике // Известия ТПУ. 2005. № 5. С. 189—192.
5. *Канарин Г.Ю.* Социальная справедливость как духовная основа современного российского общества // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 146—153.
6. *Кара-Мурза С.Г.* Проблемы управления наукой на новом этапе реформ // Проблемы управления. 2003. № 1. С. 53—61.
7. *Киш Э.* Философия глобализации // Век глобализации. 2010. № 2. С. 16—32.
8. *Краснова Г.* Российское образование на экспорт // <https://issek.hse.ru/press/134790524.html> (дата обращения: 27.10.2016).
9. *Мизес Л.* Либерализм. Челябинск: Социум, 2007. 344 с. // http://socioline.ru/files/5/315/mizes_liberalizm.pdf (дата обращения: 27.10.2016).
10. *Мусаелян Л.А.* Есть ли стратегия в российских реформах образования? // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 1 // <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=5512> (дата обращения: 27.10.2016).
11. *Налетова И.* Диверсификация высшего образования: вызов университетам // Высшее образование в России. 2005. № 5. С. 39—45.
12. Образование для всех 2000—2015 гг.: достижения и вызовы / Всемирный доклад по мониторингу ОДВ. ЮНЕСКО, 2015. 513 с.
13. *Осипов Ю.М.* Неодирижизм плюс неолиберализм равняется экономика современной России // Философия хозяйства. 2012. № 2 (80). С. 9—13.
14. Проблемы финансового обеспечения сферы образования / Бюллетень о сфере образования № 9. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2016. 17 с.

15. Прохоров А.В. Влияние ценностей академического капитализма на функционирование современных университетов // Вестник ТГУ. 2012. № 5. С. 271—277.

16. Русакова О.Ф., Хмелинин А.А. Неолиберальный дискурс: стратегии и технологии конструирования новой субъектности // Научный ежегодник ИФИП УрО РАН. 2012. № 12. С. 259—271.

17. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978 — 1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. 448 с.

18. Хайек Ф.А. Конкуренция как процедура открытия // Международная экономика и международные отношения. 1989. № 12. С. 6—14.

19. Хмелинин А.А. Проблема социальной справедливости в неолиберальной политической доктрине и практике: теоретический анализ // Научный ежегодник ИФИП УрО РАН. 2014. № 3. С. 151—164.

20. Щвирко-Пилипчук Я. В поисках главной цели всеобщего обучения // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 22—32.

21. Becker G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. University of Chicago Press, 1994. 412 p.

22. Becker G.S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70. No 5. P. 2: Investment in Human Beings. P. 9—49.

23. Burnham J. The Managerial Revolution: What is Happening in the World. Praeger, 1972. 285 p.

24. Giroux H.A. Neoliberalism's War on Higher Education. Haymarket Books, 2014. 256 p.

25. Schultz T.W. Capital Formation by Education // Journal of Political Economy. 1960. Vol. 68. No 6. P. 571—583.

26. Schultz T.W. Investment in Human Capital // The American Economic Review 1961. Vol. 51. No 1. P. 1—17.

References

1. Bondarenko E.A. Kontsepty «Chelovecheskij kapital», «Obshhestvo znaniy» i «Intellektual'naya sobstvennost'»: byl li prav K. Marks? // Nauchnye vedomosti BelGU. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. 2013. № 23 (166). S. 189—197.

2. *Varnavskij V.G.* EHkonomicheskij rost v SSHA: trendy i faktory // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2016. T. 60. № 2. S. 26—39.
3. *Gorts A.* Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital. M.: Izd. dom Gos. un-ta Vysšej shkoly ehkonomiki, 2010. 208 s.
4. *Grosheva T.A.* Rossiya na puti k sotsial'no orientirovannoj rynochnoj ehkonomike // Izvestiya TPU. 2005. № 5. S. 189—192.
5. *Kanarsh G.YU.* Sotsial'naya spravedlivost' kak dukhovnaya osnova sovremenno go rossijskogo obshhestva // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2004. № 1. S. 146—153.
6. *Kara-Murza S.G.* Problemy upravleniya naukoj na novom ehstage reform // Problemy upravleniya. 2003. № 1. S. 53—61.
7. *Kish Eh.* Filosofiya globalizatsii // Vek globalizatsii. 2010. № 2. S. 16—32.
8. *Krasnova G.* Rossijskoe obrazovanie na ehksport // <https://issek.hse.ru/press/134790524.html> (data obrashheniya: 27.10.2016).
9. *Mizes L.* *Liberalizm.* CHelyabinsk: Sotsium, 2007. 344 s. // http://socioline.ru/files/5/315/mizes_liberalizm.pdf (data obrashheniya: 27.10.2016).
10. *Musaelyan L.A.* Est' li strategiya v rossijskikh reformakh obrazovaniya? // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2012. № 1 // <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=5512> (data obrashheniya: 27.10.2016).
11. *Naletova I.* Diversifikatsiya vysshego obrazovaniya: vyzov universitetam // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2005. № 5. S. 39—45.
12. Obrazovanie dlya vsekh 2000—2015 gg.: dostizheniya i vyzovy / Vsemirnyj doklada po monitoringu ODV. YUNESKO, 2015. 513 s.
13. *Osipov YU.M.* Neodirizhizm plyus neoliberalizm ravnyaetsya ehkonomika sovremennoj Rossii // Filosofiya khozyajstva. 2012. № 2 (80). S. 9—13.
14. Problemy finansovogo obespecheniya sfery obrazovaniya / Byulleten' o sfere obrazovaniya № 9. Analiticheskij tsentr pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii, 2016. 17 s.
15. *Prokhorov A.V.* Vliyanie tsennostej akademicheskogo kapitalizma na funkcionirovanie sovremennykh universitetov // Vestnik TGU. 2012. № 5. S. 271—277.
16. *Rusakova O.F., KHMelinin A.A.* Neoliberal'nyj diskurs: strategii i tekhnologii konstruirovaniya novoj sub"ektnosti // Nauchnyj ezhegodnik IfiP UrO RAN. 2012. № 12. S. 259—271.

17. *Fuko M.* Rozhdenie biopolitiki. Kurs leksij, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1978 — 1979 uchebnom godu. SPb.: Nauka, 2010. 448 s.

18. *Khajek F.A.* Konkurenciya kak protsedura otkrytiya // Mezhdunarodnaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 1989. № 12. S. 6—14.

19. *Khmelinin A.A.* Problema sotsial'noj spravedlivosti v neoliberal'noj politicheskoj doktrine i praktike: teoreticheskij analiz // Nauchnyj ezhegodnik IFiP UrO RAN. 2014. № 3. S. 151—164.

20. *Shvirko-Pilipchuk YA.* V poiskakh glavnoj tseli vseobshhego obucheniya // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2015. № 2. S. 22—32.

II

**РОССИЙСКОЕ
ПЕРЕСТРОЕНИЕ**

А.А. ПОРОХОВСКИЙ

**Системное перестроение российской экономики:
возможности «рыночной колеи»**

Аннотация. В статье поднимаются проблемы использования рыночных принципов в условиях России, а также предлагаются некоторые нерыночные меры для обеспечения экономического роста российской экономики. Особое внимание уделяется взаимодействию частных и общественных интересов и прагматизму в экономической политике.

Ключевые слова: рыночное развитие, частный интерес, общественный интерес, экономическая теория, экономическая политика.

Abstract. A chapter is rising the problems, which are blocking full utilization of market principles under Russian conditions and is offering some nonmarket measures for providing Russian economy growth as well. Special attention is marked to private and public interests and pragmatism in economic policy.

Key words: market development, private interest, public interest, economic theory, economic policy.

Четверть века прошло с тех пор, как Россия вступила на «рыночную колею» развития своей экономики. В 1990-е гг. после распада СССР и СЭВ население России не собиралось отказываться от достигнутых показателей экономики и социальных условий жизни. Потребительское общество стран Запада манило изобилием и разнообразием товаров и услуг, но мало раскрывало цену и механизм своих успехов. Российским гражданам все это стало известно, когда они потеряли ставшие привычными ориентиры жизни и оказались не умеющими «плавать в бушующем океане капитализма». Как никогда прежде абсолютное большинство людей осознало поговорку «спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Не будет преувеличением предположить, что эта поговорка относится не только к индивидууму, но и к отдельной стране, если речь идет о мировом рыночном хозяйстве. А разве может быть иначе в рыночной среде, где все пронизывает конкуренция, где критерием партнерства в бизнесе и политике выступает конкурентоспособность? Системное перестроение плановой россий-

ской экономики на рыночные рельсы развития до сих пор не завершилось, хотя по формальным признакам в стране есть все рыночные атрибуты. Есть и видимые достижения.

О наших достижениях

К 2017 г. Россия подошла в мировом хозяйстве на шестом месте по величине ВВП, измеренному по паритету покупательной способности рубля, после КНР, США, Индии, Японии, ФРГ [4, 207]. Доля предприятий в частной собственности среди всех предприятий страны превысила 86% [1, 317], что говорит о высоком уровне приватизации экономики. При этом экономически господствующей формой частной собственности стала акционерная собственность, что вполне укладывается в общемировую тенденцию. Более того, 400 крупнейших акционерных компаний производят до 70% ВВП России [2, 78, 80]. Между тем важнейшее преимущество страны — самая большая в мире территория — до сих пор не стала основой единого рыночного национального экономического пространства. Энергосырьевые товары по-прежнему остаются главной статьей экспорта. И для этой цели наша земля, богатая полезными ископаемыми, эксплуатируется растущим образом. Однако построенная до 1990-х гг. инфраструктура народнохозяйственного комплекса в значительной мере износилась или вообще пришла в негодность. А без инфраструктуры большинство регионов страны обречено на отсталость, ибо они не включаются в общенациональное воспроизводство, а их население оказывается оторванным от решения проблем страны в целом.

Оказалось, что универсальные рыночные принципы сами по себе не утверждаются на больших пространствах. Громадные расстояния требуют долгосрочных инвестиций, что предполагает, во-первых, наличие долгосрочных кредитов и, во-вторых, ориентацию бизнеса на перспективное, а не краткосрочное развитие. Поскольку все эти годы российский бизнес любого размера был нацелен на получение прибыли как можно быстрее, постольку, с одной стороны, максимально отжималась прибыль от «советского наследия» во всех отраслях, а с другой — ничего не вкладывалось не только для поддержания старого, но и для развития нового производства. Невольно встает вопрос — долго ли еще рынок будет осваивать территорию России? Если обратиться к рыночным моделям развитых стран, то на их территориях, включая такие большие, как США и Канада, имеют место одинаковые условия для предпринимательства и жизни людей практически в любой точке страны. И хотя для России требуется своя оригинальная рыночная модель, несомненной ее чертой также должна стать равнодоступность

всей территории для бизнеса и граждан. В таком случае фактор размера территории по-настоящему станет поддерживающим конкурентоспособность как национальной экономики, так и отдельной компании или человека.

О роли частного интереса

Есть немало причин, почему до сих пор не сложился единый общенациональный рынок. Но главным тормозящим обстоятельством оказалась дисгармония частных и национальных общественных интересов. Причем частные интересы предпринимателя, отдельного человека или компании в целом выглядят вполне естественным образом, поскольку они свойственны любой форме частной собственности. Совсем другое дело, когда частный интерес у лиц, находящихся на государственной службе или работающих в общественных или иных неправительственных организациях и учреждениях. Если в таком случае свою должность человек рассматривает и реально использует как дополнительный источник дохода, своеобразный бизнес, а не как представление государственных, общественных интересов, то налицо иррациональное, а не рациональное рыночное развитие. В результате в стране произошло искажение не только экономической, но и общественной роли государства и почти всех его институтов. Такое искажение проявилось в разных сферах по-разному. Однако выявились и общие черты.

Во-первых, государственные ресурсы и прежде всего бюджеты всех уровней стали наиболее лакомыми и привлекательными для бизнеса и разного рода злоупотреблений.

Во-вторых, преобладание частных интересов чиновников привело к сращиванию бизнеса и госаппарата, образованию территориальных, отраслевых и других кланово-семейных бизнес-структур, подрывающих доверие граждан и бизнеса к государственной власти и рыночным принципам экономики в целом.

В-третьих, характер проведенной в стране приватизации собственности советского государства фактически разъединил важные компоненты всякого бизнеса и нормального государственного управления — полномочия, ответственность, контроль. Прежде всего это относится как к процедуре государственного управления, так и особенно к расходованию бюджетных средств целевым образом. Нередко сами «цели» расходования заведомо носили неэффективный и коррупционный характер. Только в последние 2—3 года Счетная палата РФ стала отслеживать исполнение целевого использования бюджетных денег. Но до сих пор при громадных полномочиях чиновников их от-

ветственность за соблюдение государственных интересов минимальна. При этом бюрократический диктат чиновников, на который постоянно сетуют предприниматели, фактически стал второй стороной медали их безответственности. У населения страны сложилось устойчивое впечатление, что работники государственного аппарата слабо представляют, что такое обязанность перед государством и обществом. Напрямую это явление не связано с рыночной моделью развития, ибо в развитых странах подобное не наблюдается. Это связано с историей рыночных преобразований в России после 1990-х гг.

Именно в сфере взаимодействия частных и общественных интересов необходимо провести системное перестроение чтобы, с одной стороны, не заглушить стимулирующую роль частного интереса, и с другой — обеспечить такое понимание общественного интереса, при котором становится выгодно всем ему следовать. Ведь общественные интересы в рыночной экономике — это компас ее движения и развития, скорость и темп которого зависят уже от реализации частных интересов.

Патриотизм — явление не только нравственное

Известно, что Адам Смит пришел к исследованию природы и причин богатства народов через формирование теории нравственных чувств. При этом он рассматривал в основном экономику Англии. В наши дни в мировом хозяйстве особенно обострилась конкуренция как между компаниями, так и между странами. И хотя капитал по своей природе космополитичен, и ему важно получать прибыль в любом месте, в любой стране, где бы он ни функционировал, само страновое происхождение той или иной компании имеет громадное значение для обеспечения ее конкурентоспособности на мировом рынке. И наоборот, в условиях, когда политика вторгается в экономические отношения и в ход идут экономические санкции, российский бизнес испытывает неэкономическое давление и получает ограничения как в инвестиционный, так и в рыночных сферах. Как видно, передовые рыночные страны не прочь использовать нерыночные методы, если поведение других стран не соответствует их интересам. Однако если в национальной экономике «правила игры», в том числе и конкуренция, поддерживаются национальным законодательством, то в мировом хозяйстве и правила игры, и конкуренция носят условный характер. Поскольку финансовые и торговые центры сосредоточены в основном в США и Западной Европе, постольку они присвоили себе право судить всех остальных на предмет соответствия рыночным принципам и степени следования в фарватере их трактовки международных отношений.

И тут становится очевидным, что фактически санкциям подвергается не только Россия или другая страна, но и фирмы и банки объявивших санкции стран. Капитал из этих стран должен тоже соблюдать санкции независимо от потерь. Получается «принудительный патриотизм» поддержки власти своих правительств. Честь «национального мундира» стоит дороже, чем любая попытка для компании обойти санкции. Такой патриотизм не относится к «квасному патриотизму». Он также довольно далек от нравственных принципов, но вполне укладывается в принципы демократии западного образца.

Российский патриотизм имеет глубокие исторические корни. Он выражается в том числе и в том, что не приемлет насилия никакой модели развития страны без адаптации ее к условиям России. Российская модель была и может быть рыночной, но пригодной для решения проблем громадной страны.

Сам ход рыночных преобразований в эти годы не учитывал специфики России и при этом был нацелен на то, чтобы сделать население космополитным, не привязанным к своей родине, но подчиняющимся власти денег. В результате в стране расцвел товарный и денежный фетишизм. Наступило изобилие поддельных товаров и обманных услуг, что вызвало у людей недоверие ко всему происходящему. Трясет «рыночную колею». Без доверия и понимания цели движения трудно двигаться вперед.

Видимость плюрализма и монополизм мейнстрима

В научном сообществе не утихают дискуссии о теоретических основах российской модели развития. С позиций различных научных школ рассматриваются варианты формирования в стране единого рыночного пространства, совершенствования налоговой и бюджетной системы, создания благоприятного инвестиционного климата как для отечественных, так и для зарубежных компаний. В стране нет цензуры на теоретические взгляды и публикации. Вузам разрешено преподавать экономические дисциплины любого направления. Особой остроты дискуссии достигли после 2014 г., когда страна повернулась к отечественному производству и по-настоящему задумалась над изменениями структуры национальной экономики с активным использованием достижений науки и информационных технологий. Одним словом, теоретический плюрализм процветает.

Между тем результаты видимого плюрализма оказываются мизерными — мало что достигает практики или реализуется в экономической политике государства. Российский либеральный тренд оказался завидно живучим, так как прочно персонифицирован ведущими лица-

ми как правительства, так и крупного бизнеса. Неоклассический мейн-стрим, оседлавший монетаризм, оказался выгодной находкой для правящей элиты в деловой и гуманитарной сферах. Выгодной потому, что любая даже небольшая смена теоретической парадигмы, настроенной на вызовы времени, потенциально может сократить доходы этой «элиты», ибо исчезнет ее монополизм. Вот почему так сильны консервативные настроения, внешне представляемые как верность рыночным принципам. Только ведь рыночные принципы можно соблюдать и поддерживать по-разному. Пока же в России борьба за макроэкономическую стабильность не выводит экономику из стагнации. Тем самым еще раз демонстрируется теоретическая и практическая вредность монополизма. Только против такого монополизма пока еще нет закона о защите конкуренции.

Экономический прагматизм

История свидетельствует о том, что страны, добившиеся большого прогресса, двигаясь по «рыночной колее», не только опирались на частную собственность, но и руководствовались прагматическим подходом. Прежде всего это относится к государственной экономической политике. Известно, какое огромное влияние на общемировое развитие оказало существование СССР. Западные страны оказались вынужденными повсеместно вводить ограничения длительности рабочего дня, пенсионное обеспечение пожилого населения, не снимать с повестки дня проблемы социального развития независимо от того, партия какой политической ориентации побеждала на выборах и становилась правящей. В Европе социальные достижения оказались наиболее весомыми, но и в США не забыли об обществе всеобщего благоденствия после Второй мировой войны. Фактически во всех странах господствовал прагматический подход к решению текущих и надвигающихся проблем. При этом продолжали развиваться различные школы и направления экономической теории и науки, которые влияли на выбор экономической политики косвенным образом. Наука предпочитала ориентироваться на проблемы практики, не затрагивая, как правило, системных вопросов.

Экономический кризис 2007—2009 гг. не только всколыхнул всю рыночную систему, но и вообще вынудил всех обратить внимание на «системное перестроение» как мирового хозяйства, так и отдельных национальных экономик. Созрел вызов для новой парадигмы мирового развития после информационной революции. А в США во весь рост встала проблема обновления обрабатывающей промышленности на современной технологической базе. Один из дней октября объявлен

Национальным днем обрабатывающей промышленности. Любая администрация, находящаяся в Белом доме, традиционно отслеживает и стремится поддерживать рост производительности в американской экономике [3, 58—59, 113—122]. Теряя лидерство в мировом хозяйстве по объему ВВП, США не хотят уступать никому лидерство по темпам роста и уровню производительности труда как главного фактора национальной конкурентоспособности.

Еще более прагматический подход к экономике демонстрирует КНР. Сохраняя свою политическую систему во главе с компартией, реализуя пятилетние планы развития национальной экономики, страна в то же время во всю мощь использует рыночную мотивацию и частную собственность. Все это позволило Китаю выйти на первое место в мире по объему ВВП и величине экспорта товаров и услуг. В вузах страны студенты изучают марксизм-ленинизм с китайской спецификой одновременно с неоклассической теорией, политическая экономия соседствует с экономиксом. Таков китайский прагматизм. Порой это звучит утилитарно — неважно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей.

Ни американский, ни китайский прагматизм не решают всех проблем, ибо сложность современного прогресса такова, что он постоянно рождает новые вызовы и проблемы. Такова ситуация и в России. Есть лишь одно важное отличие — в стране торжествует неоклассическая догма, которая положена в основу государственной экономической политики. Это тормозит перестроение России на современные методы решения проблем. В России нет ни американского, ни китайского прагматизма, когда четко выражена персональная ответственность при персонификации собственности и капитала. Правящим бизнес- и политической элитам выгодно сохранять размытость ответственности, что ведет и к размытости рыночных принципов. Даже тогда, когда без «рыночной колеи» не обойтись, расплывчатая ответственность чиновников и собственников искажает эффективность рыночного пути, отталкивает население, противопоставляет разные группы работников друг другу, вызывает недоверие к тем, кто под прикрытием слов о заботе о народе на самом деле раздувает собственный кошелек.

Литература

1. Российский статистический ежегодник. 2015.
2. Эксперт. 2016. № 43.
3. Economic Report of the President. 2017. Washington, 2017.
4. World Economic Outlook, October 2016. Washington, IMF.

References

1. Rossijskij statističeskij ezhegodnik. 2015.
2. Ehkspert. 2016. № 43.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Софийный контекст русского перестроения

Аннотация. В статье разрабатывается четыре тезиса нового русского мировоззрения — софиасофии и философии хозяйства. 1. Выявлено, что новый контекст современного мира и России определяет хаосмос («апокалисмос», «цугцвангос»). 2. Доказано, что в этом контексте терпят полный крах любые реформы и революции, любые инновации и трансформации, любые модернизации и модификации современного социума, который после воздействий на него этих инструментов, превращается в суицидный хаос. 3. Доказано, что лишь русская философия и культура смогли создать спасительный контекст для современного мира, разработать его мировоззрение — софиасофию, его практическую доктрину — философию хозяйства, его методологию — полилектику, его социополитическую основу — «народ — соборность — империя», выявить его институты — МЧС и спецслужбы. 4. Доказано, что новая русская ноосфера заменяет реформы и революции преобразованиями и перестроениями, которые допускают различные конфигурации русского социума, но сохраняют его субстанциальную идентичность.

Ключевые слова: реформа, хаосмос, софийный контекст, перестроение.

Abstract. The article reveals four theses of new Russian outlook, sophiasophia and philosophy of economy. The author shows new context of the modern world and Russia which defines chaos and apocaliptics, proves that in this context any reforms and revolutions, any innovations and transformations, any modernizations and modifications of modern society which turns into suicidal chaos after impacts on it of these tools, suffer full breakdown. The author proves that only the Russian philosophy and culture could create a saving context for the modern world, develop its outlook — sophiasophia, its practical doctrine — philosophy of economy, its methodology — polilektics, its sociopolitical structural organization — «people — conciliarity — empire», its institutes — the Ministry of Emergency Situa-

tions and intelligence agencies. The article shows that the new Russian noosphere replaces reforms and revolutions with the transformations and evolutions of the Russian world allowing various configurations of society's parts, its integrity, but with its substantive identity.

Key words: reform, chaos, sophiasophia context, evolution.

Не верь в Святую Русь, кто хочет,
Лишь верь она себе самой, —
И Бог победы не отсрочит
В угоду трусости людской...
Русь, в этом испытанье строгом,
В последней, в роковой борьбе,
Не измени же ты себе
И оправдайся перед Богом...

Ф.И. Тютчев

Современный мир и Россия находятся в непостижимом и крайне неустойчивом суицидном состоянии, которое Дж. Джойс обозначил термином «*хаосмос*». Хотя софиасофия, учитывая спонтанное самоотрицание этого мира, обозначает его более адекватным термином «*апокалисмос*»; для Запада его состояние можно обозначить словом «цугцвангос», когда любое «телодвижение», любой симулякр его мысли и сознания (подлинную мысль и сознание Запад заменил «потреблядством»), лишь освобождает беспощадные легионы хаоса. А первое русское мировоззрение, обновляющее русскую ноосферу, неизбежно требует новых терминов.

Каковы смысловая телеология и эсхатология этих терминов? Если до XX в. наука, религии, общество, человек, бытие, природа, инфернал и сакрал признавали своей высшей властью Логос, законы, призванные упорядочивать хаос, полностью не изгоняя его из мира, то с начала XX в. соотношения хаоса и порядка, Логоса и абсурда, закона и беззакония радикально изменились. Вселенская власть быстро стала переходить к хаосу, энтропии. Определяющий толчок этому переходу дало открытие физикой квантового мира, в котором микрочастицы движутся не по законам Логоса, а сообразно своим неопределяемым (!) импульсам. Принцип неопределенностей Гейзенберга закрепил метафизическое право квантового мира на самоопределение, признав высшим его началом неопределенность, беззаконие хаоса, наглядно подтверждая этот статус ядерными грибами.

Всевластное самоуправство хаоса создало контекст, в котором мир, бытие, общество, человек, инфернастика могут сохраняться лишь в том случае, если будут работать на умножение и совершенствование

хаоса, энтропии. Сам Логос в этом контексте плодит антилогосные семена абсурда, бреда, алогизма и безумия, превращаясь в симулякр еврорацио. И в контексте хаоса познание, науки, теории, все методы исследования неведомо для себя работают на сокрытие нашествия хаоса, содействуют его агрессии, становясь мошенничеством, лженауками, активными и ловкими призраками знания.

Сегодня само вселенское и человеческое бытие не поддается теоретическому, концептуальному постижению и осмыслению, логосному и методологическому выражению, ибо в нем хаос и энтропия властвуют («паразитируют») над мерой, законом, числом, порядком, гармонией, ладом и строем, высвобождая чудовищные запасы добытийного произвола диких бездн, черных дыр, мятущихся небес, потерявшего самого себя человека. Само бытие становится мистериальным превращением, в котором «все поедает все», в котором формы, не успев возникнуть, устремляются к некоей однородной и беззвучной сплошности, в которой исчезают все различия, смыслы, слова, а сам Логос вырождается в абстрактные и виртуальные призраки, ищущие своих интернавтов в прошлогодних снегах Сахары.

В контексте хаоса качественно видоизменяется практика людей, инструменты их воздействия на социум. Сегодня все, все без исключения, реформы вопреки своим благим намерениям неизбежно превращаются в средства порождения хаоса и расширения его территории. Примером могут служить все реформы в России после развала СССР, загоняющие страну в черные воронки мертвого хаоса и многоликого мошенничества. И лишь прекращение реформ в армии, замена их модернизацией, перестроением спасают до сих пор армию и страну от кислотного хаоса, от плутовства евроцинизма. И революции в контексте хаоса теряют даже малую долю своих конструктивных потенциалов, превращаясь в дикую фурию исчезновения жизни, делая территории стран лунным ландшафтом.

Россия первой оказалась в странном бытии, ставшем вдруг морем-окияном хаоса. И не утонула, а выплыла, и плывет дальше, руководствуясь неведомой нам навигацией софийного контекста, неведомыми инструментами воздействия на свое бытие. Россия отчасти приспособилась к хаосмосу, отчасти подчинила его себе, а отчасти повинуетя скрытой воле его самоорганизации. И произошло это не без провиденциального влияния Русского Ордена, не без его философии хозяйства и софиасофии. Ведь хаосу и самому по себе присущи свои — ненаучные, нерелигиозные, неэкономические, неинфернальные, вообще — небытийные и неведомые нам регуляторы, порядки и алгоритмы, которые поддерживают и сохраняют его хаосность и апо-

калитичность, его лукавое самоуправство. Волны, вибрации поля, уркации, фуркации, бифуркации, полифуркации¹ поддерживают нормальный тонус хаоса, его готовность к новым разрушениям, его поиск своей... Премудрости Софии.

Софийная интуиция смыслового Ордена России уловила, что русский хаос — это не реальность вечности, а это новый смысловой и мозговой замес, из которого София порождает, возрождает новую Россию, новых людей, привлекая их к созиданию Дома ее мира Иного. И важно осознать, какие новые инструменты воздействия, изменения социума возможны в контексте хаоса, где реформы и революции работают только «наоборот»; важно осознать софийные смыслы, используемые Россией в освоении хаоса.

Известно, что умом и Логосом Россию не понять. Это не поэтическая метафора, а метафизический факт. Россия постигает саму себя лишь посредством своего мыслящего сознания. А способы взаимодействия разума и сознания с властью, с принятием решений принципиально разные. Новые мысли, идеи, теории Логоса доходят до власти через посредников — ученых, экспертов, клубов, деятелей искусства и религиозных лидеров, через протесты людей и оппозиции, через эзотерические «нашептывания».

Но вот новые смыслы сознания не могут идти через подобные посредничества, ибо выработка, освоение нового сознания — это длительный и тяжелый процесс, а властные решения нужно принимать срочно. Поэтому София учредила особое — ноосферное — посредничество между смысловыми плодами сознания и власти. Плоды сознания непосредственно падают в лоно ноосферы, которая рассылает всем реальностям свои смысловые смс-ки. У кого есть софийный «смартсофон», тот примет послание Премудрости и поймет, что есть, как ему быть, что делать, чего ожидать и на что не стоит надеяться. Поэтому плоды философии хозяйства, софиасофии Центр общественных наук доходят до власти через ноосферу России, охраняя страну через смысловое обогащение ее сознания, хотя эта работа ведома лишь единицам.

¹Уркация — преодоление препятствий через создание обходных путей движения материи, информации и смыслов, через создание новых контекстов. Пример — «Северный поток» и «Турецкий поток» взамен Украины. Фуркация — смена конфигураций частей при сохранении контекста. Пример — контрсанкции против «евриканцев». Бифуркация — доминирующий вектор, направление, через которое может пойти энергия контекста. Пример — БРИКС. Полифуркация — одновременное движение во все стороны. Пример — рост дерева, организмов, софийных смыслов, любое светило, любой источник света.

Современный мир не имеет цельного мировоззрения, метода, адекватных институтов, которые могли бы заменять реформы, войны и революции, посредством которых можно было бы осмысленно и безопасно воздействовать на социум, на историческую эволюцию человечества. А без подобных смысловых инструментов любые мысли, деяния, преобразования будут лишь умножать суицидный хаос.

Но такое мировоззрение, такой метод, такие институты уже работают в России, являясь незримыми ее ориентирами в хаосмосном и апокалиптическом мире. Это — софиасофия, философия хозяйства, полилектика и... МЧС (Министерство по чрезвычайным ситуациям).

Софиасофия представляет тип жреческого, волховского, ведического знания, которое опирается не только на традицию, но прежде всего на Премудрость Софии. Это знание во многом эзотерическое и не предназначено для массового изучения. Вообще, есть знания, смыслы, продукты, вещи, которые используются лишь малыми сообществами или одиночками, посвятившие этим сингулярам всю свою жизнь. Судьба марксизма в этом плане показательна, ибо если бы он остался уделом кучки идеологов, то его уже давно бы трансформировали в мудрость для мира Иного, а, став массовой идеологией, он сам удушил бы себя в клетке своего знания, ибо массы не могут творчески работать с доктриной. Например, в Древней Греции для масс предназначалось лишь разбавленное водой сухое вино. Крепкие напитки, табак и наркотики могли употреблять лишь избранные жрецы, чтобы через их искусственно измененное сознание другие жрецы получали доклады из Аида. Но они и в самом страшном сне не могли допустить массовое употребление алкоголя и наркотиков, которые сразу же стали суицидным оружием человека против самого себя.

Познавательное и знаниевое своеобразие софиасофии и философии хозяйства состоит в том, что они суть носители инознания, знания мира Иного, который признает и допускает взаимодействие мыслящего сознания людей с внечеловеческой Премудростью Софии, с ее онтогносеологическими спецслужбами, выступающими в качестве непостижимых для человека реалий Ничто, Незнания, Тайны; но именно эти недоступные нам реалии являются источниками смыслов, знания и кое-какого понимания. Источник реки — это не река, он не нуждается в воде, ибо сам ее собирает, но попытки проникнуть в тайну родника, источника загубит его, реку, а сам субъект, оставшись без воды, станет реальной жертвой своего гносеологического самоуправления. Но без взаимодействия с источниками не будет и реки. Как неизвестное, икс, участвует в порождении высшего математического знания, так и Премудрость Софии со своими спецслужбами в экстремаль-

ных ситуациях кризиса, апокалиптики и цугцвангоса содействует порождению людьми нужного им знания.

Бог дает откровения, а София дает откровение этих откровений, и без ее содействия оно не дойдет до людей. Бог уделяет людям крохи своей Премудрости, но без софийного перевода ее на смысловой язык сознания она так и останется неведомой людям. Бог позволяет человеку обретать различные знания, а София раскрывает их смысловые истоки, их телеологическое и эсхатологическое содержание, ибо человеку ведома лишь середина знания, лишь знания-средства, но не их начальные и конечные цели, их блага, но не их миссия и приговоры. Говоря языком «вульгаты», Бог создал домофон, а София дает его шифры и коды, без чего этот прибор может сгубить человека, не пустив его в мороз домой. София содержит в себе морально-смысловую меру взаимодействий сакральных и мирских начал в человеке, во всех реалиях бытия. Софиасофия и философия хозяйства содержат в себе и агентурные, резидентные, конспирологические и криптократические смыслы Премудрости Софии; и эти смыслы превращают данные дисциплины в инознание, в знание Иного мира.

Иное, мир Иной представляют в софиасофии и в философии хозяйства миротворный проект, идеал общественного и личного устройства жизни, проект, осуществляемый только через смысловое взаимодействие человека и Премудрости Софии.

Мир Иной — это не капитализм, не социализм, не тоталитаризм, не либерализм, не глобализм, не солидаризм, не регионализм, но это и не утопический проект. «Иное царство» пришло в русскую нососферу с древнейших времен, память о которых сохраняет наш фольклор и наше ведическое сознание. Мир Иной созидает саму субстанцию онтологии — радость и веселье.

Пока никто точно не знает, что собой представляет мир Иной, ибо ключи от него хранит Премудрость Софии. Но все же намеки, аналогии, метафоры могут эскизно начертить его устройство. Так, монахи называют себя *иноками*, хотя живут в мире тутошнем, отчасти следуя его законам, но в целом повинувшись императивам Духа. И. Златоуст считал иночества подлинной философией. Диагональ (биссектриса) — геометрический символ мира Иного; есть у диагонали своя цель, своя миссия, не совпадающая с абсциссой и ординатой, хотя она и корректирует с ними свой полет. И мир Иной не совпадает с Царством Божиим и с земными царствами, хотя вбирает в себя их отдельные части. А.С. Пушкин мечтал об «иных правах», «иных свободах», искал их в «Ином царстве» фольклора и русского ведизма. Мир сей — это вода мертвая, технологическая, а мир Иной — вода живая, душевная, оду-

хотворяющая и софийная. Даже Логос предоставляет услуги своего рации в постижении мира Иного. Так, водород — иное в отношении кислорода, а кислород — иное в отношении водорода, но это их общее «иное» обретает реальность в воде. Свойство «инобытия», «быть иным» присуще всем реалиям бытия, но лишь в софийном контексте это свойство становится созидающей субстанцией Мира Иного.

Мы не должны в своих попытках найти более точное определение миру Иному, чем его реальная определенность и точность. В.И. Ленин в ответ на вопросы рьяных социалистов об организационном устройстве новой власти отвечал, что люди сами найдут, откроют нужные им формы своей хозяйственной и социокультурной жизни, когда полностью рухнет мир экономического живодерства. Ивановские ткачи и открыли эту новую форму — Советы, которая стала клеточкой советского строя. Не надо навязывать людям проекты, как им жить, а нужно выявлять реальные формы их коллективного бытия, посредством которых осуществляется незримое метафизическое наставничество Премудрости Софии, софийная натура русского мира. Кстати, ивановские ткачи своей практикой открыли, возродили, обновили сакрально-метафизический общинный, соборный строй Руси, возникший не без подсказки Софии. Советская власть — это не только социум, но и софийная метафизика, которая не исчезает, а лишь на время уходит, чтобы свершить перестроение своих земных сил.

Поэтому мир Иной в меру неопределен для Логоса, для ума мира тутощного, дабы избежать военных конфликтов с ним, но мир Иной достаточно определен в самом себе как возможная невозможность, как путь, как спонтанный выход бытия и человека при содействии Премудрости Софии из тупиков диалектического прогресса, не ведающего того, что его сражающиеся и погибающие противоположности лишь умножают и расширяют контекст хаоса и энтропии. Мир Иной — это начало русского пути, а потому России суждено вновь использовать его воду живую.

Мир Иной — это основное метафизическое и стратегическое преимущество России, имеющей проект, идеал, мечту неизвестного, но неизбежно грядущего устройства своего бытия. США заменили свой идеал и свою голубую мечту голубым глобализмом. Европа подвесила себя на крюк мультикультурной толерантности, оправдывающей ее гендерный геноцид. Китай занят демографической и потребительской колонизацией Земли, насельники которой забыли о том, что они подданные Поднебесной, платящие налоги «не туда». Идеал, мечта, проект грядущего остались только у России, которой содействует не только Премудрость Софии, но и сама неизвестность, сама судьба открыли

ей «зеленую линию», само ее мыслящее сознание давно работает над реализацией этого идеала-проекта-мечты, преодолевая догматическое сопротивление Логоса, его абстрактов, истерику каркающих экспертов, фининфернастов, ЛГБТ-первертов, рацииобеснования.

И конфронтация США, всех ее вассалов с угрозами России вплоть до ядерной, обусловлена не материальными интересами, которые Америка легко удовлетворяет, прямо или косвенно грабя и оскверняя Землю, а отсутствием у нее метафизической перспективы, отказом метафизики обслуживать мамону глобализма. Нет, конфликт, Endkampf России и США обусловлен бледной метафизической немощью Америки. США не представляют для метафизики никакого интереса, ибо эта страна целиком закупила себя в материальном контексте, и никакая метафизика ей не нужна. Но если США не нужна метафизика, то и метафизике не нужны США; а потому метафизика лишает сакральной поддержки всю громаду материального богатства США, всю ее военную мощь. А практически это означает, что мечта-идеал-проект мира Иного, сама радость и веселье Премудрости Софии уходят из США, частично переливаясь в Россию. Через радость и веселье, через мечту-идеал-проект к России обращается сам мир Иной, сама неизвестность твердо обещает помощь и поддержку. Сегодня судьба на стороне России, говоря ей: «Добро пожаловать в мой лабиринт, в котором я зажгу софийные свечи и поставлю указатели в мир Иной!»

И зачем тогда власть над всем миром и материей, если она не приносит удовольствий и радости, а лишь умножает скорбь и страх от надвигающегося хаоса. Метафизика же напоминает, что радость, веселье, мечта-идеал-проект суть более глубинные константы бытия и человека, утверждающие свою правду на развалинах мира золотого тельца и «потреблядства», мира чисто материального богатства и властной мощи.

Софиасофия и философия хозяйства имеют не только свой уникальный и неподражаемый мир Иной, но они создали сообразно новому контексту и нуждам мира Иного и новую методологию — *полилектику*. Этот метод, вбирая в себя позитив монолектики, диалектики, триалектики, изучает любую реалию как полигибридное образование, излучающее смысловые послания во все стороны контекста и за его пределы. Каждый предмет есть тайная реалия, внутри которой скрытое светило разносит благие вести о ней по всей Вселенной; каждый предмет внутри себя светится своим иным миром, стремится к нему, вызывает к нему. Метафорически полилектику можно представить в качестве софийного метода, воспринимающего согревающие, освещаю-

щие, сжигающие лучи понимания, исходящие от каждого изучаемого предмета, включая и саму полилектику.

Политический проект философии хозяйства основывается на трех китах: «народ — соборность — империя». Признаешь Премудрость Софии — признавай и данную формулу. Вл. Соловьев, Ф.М. Достоевский признавали структурно-смысловой и софийной единицей истории народ, а не отдельных индивидов, в соборности же Вл. Соловьев видел организационный принцип Софии, а в империи — софийный принцип и волю самого бытия.

Итак, имея новое мировоззрение, новую методологию, свой проект-идеал-мечту, Россия может ставить вопрос о новых инструментах, институтах для воздействия на свой социум в целях его адаптации к новым типам своих изменений. Эти институты должны работать не только в контексте хаоса, но и преобразовать его в контекст мира Иного.

Новыми типами изменений социума, заменяющими собой реформы и революции, могут стать *перестроение* и *преображение*. Оба этих термина означают как изменения взаимодействий частей, так и качественное обновление целого, но при условии сохранения его субстанциального качества. Термин «преображение» взят из христианской социологии, и он означает изменение форм, функций, взаимодействий частей при сохранении базового качества целостности. Важно то, что преобразование включает в себя установление новых типов взаимодействий видимых и невидимых миров, «физики» и метафизики. Так, Преображение не изменило божественность Христа, но выявило ее новые соотношения с человечностью.

Перестроение — «военный» термин, что вовсе и вовсе не случайно. Пример перестроения — движение воинской колонны, на ходу меняющей конфигурацию своих частей, но сохраняющей субстанцию колонны.

Преображение и перестроение современной России в контексте хаосмоса должны учитывать, как присущие ему алгоритмы самоорганизации, так и внешние инструменты воздействия на него, в то же время не стремясь полностью его устранить, ибо хаос тоже есть миротворная реалья. В России же действует некий алгоритм хаоса, который использует все реформы и революции как средство сохранения России, отмечая цели революционеров.

Особенно загадочно в контексте хаосмоса то, что глобальные проекты, изменяющие форму целого, создающие новые целостные объекты, обычно «проходят». В качестве примеров можно назвать создание в России ВКС, космодрома «Восточный», Керчинского моста, МЦК в Москве, проведение Олимпиады. А вот попытки реформиро-

вать Академию наук, школу, образование, здравоохранение ведут к полному развалу. Глобальные проекты США в сфере информатики (Интернет), финансов «проходят», а все остальные реформы внутри США и за рубежом завершаются катастрофами.

Причина этих парадоксов кроется в том, что глобальные проекты-реформы содержат в себе метафизические компоненты, а потому они больше соответствуют бытию, которое допускает их реализацию. А реформы и революции в контексте хаосмоса закрыты для скорой помощи метафизики, а потому они не могут создавать целостные структуры, и обречены стать хаосом из-за своей замшелой поработченности «физикой».

В этом плане все малые государства и страны обречены на то, чтобы стать филиалами хаосмоса. Так, Украина, Белоруссия, другие малые страны суть неразвернутые катастрофы, ибо в них звезды захотели стать Солнцем, их «физика» забыла свою метафизику. Империи — это метафизические центры, охраняющие государства и народы, а остальные страны — это звезды, которые могут лишь мигать и мерцать, пока не погаснут вовсе. Сегодня именно метафизика посредством преобразений и перестроений «физики» осуществляет необходимые изменения бытия.

Каковы же институты, посредством которых метафизика осуществляет нужные ей перестроения, преобразования социума?

Одним из важнейших институтов современной России является МЧС (Министерство по чрезвычайным ситуациям). Само название МЧС содержит в себе метафизику, а посему его можно считать институцией метафизики. Ведь всякая чрезвычайная ситуация — это прорыв метафизики в мир физики. Ф. Шеллинг писал, что метафизика есть чрезвычайное состояние сознания и разума, вынужденных работать с невидимыми реалиями, действующими в сфере физиса. Поэтому всякая чрезвычайщина есть софийное чудо, отменяющее законы физического мира.

А возникают чрезвычайные события как возмездие на забвение, отрицание человеком софийной метафизики, дающей энергии и смыслы миру тутошнему. Поэтому непризнание софийной метафизики мыслящим сознанием приводит к тому, что она сама утверждает свою правду посредством чрезвычайных физико-биологических и социальных катастроф.

И в ответ на это безмолвное самоуправство хаосмоса Россия создала МЧС — структуру, призванную бороться с самим контекстом хаосмоса, осуществляя тем самым в формах хозяйства метафизику Премудрости Софии. Но МЧС призвано осуществить еще одну мета-

физическую миссию Софии — преобразить экономику в формы хозяйствования. Поэтому МЧС нужно сегодня в полной мере осознать все свои софийные полномочия, осознать, что именно оно должно проводить преобразования и перестроения социума. МЧС, философия хозяйства и софиасофия должны стать единой софийно-практической структурой, в которой софиасофия выполняет роль метафизики, идеологии МЧС, философия хозяйства служит телеологией МЧС, а само МЧС становится основным институтом преобразования, перестроения социума, дабы овладеть его движением в мир Иной. Все преобразования в России должны проходить тестирование в МЧС на предмет того, содействуют ли они укреплению или же гибели страны, а не насколько они умножают прибыль или убыль экономических монстров. И все наше общество должно под эгидой МЧС пройти курс хаосмосной безопасности, чтобы уметь противостоять хаосмосному контексту и соответствовать русскому софийному контексту,

В контексте хаосмоса качественно изменяется роль, функции спецслужб, которые из средств политики сами становятся высшей властью, а политику превращают в свое средство. До обретения властной автаркии спецслужбы активно участвовали во всех реформах и революциях, умело скрывая свою реальную роль в чрезвычайных ситуациях истории.

Много ли мы знаем о работе и функциях древнеегипетских, древнеримских спецслужб. Вовсе не исключено, что преобразование Римской империи в империю христианскую осуществили именно римские спецслужбы, лучше всего знавшие роковую болезнь государства, которое можно было исцелить посредством христианских реформ. М.А. Булгаков — первый мыслитель-художник, открывший феномен превращения спецслужб из средств политики в самостоятельную властную силу. Главный герой его «романа века» — Афраний, работник римских тайных спецслужб.

Особую роль в истории России, особенно в Революции 1917 г., сыграла (играет?) царская охранка, ставшая органом софийного возмездия и софийного преобразования страны. У Софии особое отношение к России, ибо София сделала Россию своим земным Домом. И революционный погром России, Церкви последовал как ответ на церковное, философско-культурное отрицание Премудрости Софии. И никто из революционеров, из церковных иерархов и богословов даже не подумал о том, какую роль в этом революционном погроме сыграло отрицание софийной мудрости. Церковь и сегодня упорно работает на новый погром, обращаясь не к Премудрости Софии, а к «мерседесам», на которых нынче возят Слово Божье. Ведь возникшую в России со-

фийную философию Церковь православная осудила, большевики изгнали из страны, многих ее служителей уничтожили, а Запад даже не обратил на нее внимания, хотя почувствовал что-то неладное в своем Логосе, раз организовал «философский пароход» из России.

Но главное в Революции 1917 г. осталось за кадром. Видимо, вершили ее не слепые революционеры, а тайные службы русской империи, убедившиеся в полной властной неспособности династии Романовых. И тайные службы сместили Романовых, передав власть сначала Временному правительству, а затем, убедившись в его поной импотенции, вручили власть большевикам. А чтобы сохранить эту власть, спецслужбы империи укрылись под маской ВЧК, которая и провела индустриализацию, коллективизацию, создала новую армию и школу. Нельзя ничем доказать, что группка большевиков, не имеющих никакого властного опыта, сумела вдруг захватить огромную империю, создать самую лучшую в мире спецслужбу без более опытных наставников, знающих, как подобные вещи делаются. Да и царских офицеров у «красных» было намного больше, чем у «белых»; поэтому «красные» разгромили элитные войска русских и европейских «белых». Кроме «царской охранки» создать Красную Армию просто было некому.

Либеральные стенания о сталинизме показывают полное непонимание грозной правды софийной метафизики. Можно не знать о Софии, не размышлять о ней, но признавать ее тайную силу, пообаять ее, ибо Россия — это созданный ею для себя Дом, который она никому и никогда не отдаст, хотя обитателей этого Дома за несофийное поведение ждет не радость и веселье Софии, а кары несусветные. Премудрость Софии — метафизическая святыня России; и эту святыню невозможно просто познавать, а ее нужно свободно признавать, открыть врата своего сознания и разума для свободного вхождения в них ее смысловых посланий.

С обретением высшей власти спецслужбы вынуждены ходом самого контекста цугцванга становиться основными институтами, проводящими уже не реформы и революции, которые в контексте хаосмоса (апокалисмоса) неизбежно завершаются суицидным хаосом, а преобразование и перестроение социума, меняя его формы, его целостность, но сохраняя его субстанциальную идентичность. А «ладить» с этим контекстом могут лишь чрезвычайные институты, опирающиеся на содействие незримых смыслов бдительной метафизики Софии. Если экономика работает в контексте «прибыль — убыль», хозяйство — в контексте «жизнь — неизвестность», софиасофия — в контексте «мир этот — мир Иной», то Премудрость Софии и спец-

службы работают в предельном, чрезвычайном контексте «жизнь — гибель». Хаосмос и апокалисмос превращают весь мир в одну чрезвычайную суицидную ситуацию, бросить вызов которой могут лишь Премудрость Софии и ее земные спецслужбы, видящие возможность ее преобразования и перестроения, ибо настоящая мудрость отнимает или дарует жизнь для мира Иного, а не для хаоса, и никак иначе.

Тайные спецслужбы в том или ином виде есть не только в государствах; есть они и в познании, где их волю представляют тайные смыслы Ничто и Незнания Премудрости Софии.

Мировой олигархат, одержимый алчностью, тупо прет в суицидную воронку бытия, не видя, что в контексте хаосмоса все его усилия превращаются в сырье апокалисмоса. Россия призывает мир соблюдать международное право, сознавая, что в контексте хаосмоса сие невозможно, а потому она ищет опору в софийном мирострое, работая на него.

В контексте хаосмоса в полной мере работает сакральный закон, согласно которому нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и нет ничего явного, что не превращалось бы в тайну. Даже религии в контексте хаосмоса работают не на благо людей, а на суицид хаоса. Ислам, миролюбивые православные на Украине практически доказывают эту хаосому энтропии. Да и другие религии почти готовы в любой миг поддержать черную мистерию хаоса. А все институты религии с какой-то яростной нетерпимостью выявляют свои скрытую антицерковность и псевдорелигиозность, свою алчность, свое властное произвол и холуйство, скрывая в то же время правду русской религии.

Наука в контексте хаосмоса выявляет свою тайную пустоту, свое скрытое мошенничество и некрофилию, в то же время скрывая то, что она становится основным оружием против человека, пытаясь заменить его клонами. Искусство в контексте хаосмоса выявляет за обликами красоты уродство, патологию, в то же время скрывая свое служение Воланду. В контексте хаосмоса философия выявляет свое скрытое безумие, скрывающее гносеологический геноцид правды. В контексте хаосмоса технологии выявляют свою темную апокалиптику, в то же время скрывая свою смертельную угрозу искусственного мира для жизни. В контексте хаосмоса культура выявляет свою античеловечность, в то же время скрывая содержащуюся в ней антикультуру, прямой суицид.

И только преобразование, перестроение контекста хаосмоса в софийный контекст сознания и мира Иного выявляют перспективы сохранения бытия, жизни, человека, при этом не скрываются эзотерич-

ность софиасофии, наличие в ней нераскрываемых тайн Премудрости Софии.

Центр общественных наук МГУ— единственная институция, которая спасает Россию, Церковь от нового возмездия Софии, предлагая осуществлять перестроение и преображение России, не дожидаясь, когда мандаты на эти изменения София вручит МЧС и спецслужбам. Уже сейчас софиасофия и философия хозяйства концептуально преобразуют контекст хаосмоса (апокалисмуса, цугцвангоса) в софийный контекст. И духовно-смысловая сокровищница Центра (ЦОН), возглавляемого ипостасной мудростью Ю.М. Осипова, служит «центро-стремительной и центрообразующей, россиемыслительной и россиеобразующей лабораторией», в которой наша Родина возвращает свой световой, софийный мир Иной [1, 158].

Литература

1. *Мойсейчик Г.И.* Софит Софии // Отражения. К юбилею Ю.М. Осипова / Под ред. Е.С. Зотовой. М.: Теис, 2016.

References

1. *Mojsejchik G.I.* Sofit Sofii // Otrazheniya. K yubileyu Yu.M. Osipova / Pod red. E.S. Zotovoj. M.: Teis, 2016.

А.В. КУЗНЕЦОВ

Россия между глобализмом и неодирижизмом

Аннотация. На основе метода диалектики (с применением логико-исторического подхода и системного анализа) исследованы англосаксонские истоки глобализма. Целью работы является выявление субъективного характера глобализации как процесса управления национальными хозяйствами и национальными обществами в интересах технократического англосаксонского мир-системного ядра. На примере «европейского проекта» продемонстрированы способы манипуляции сознанием больших масс населения с целью установления тоталитарного контроля над глобальным социумом. Показана неспособность Европы в выдвижении эффективных альтернатив глобализму. Обоснована роль России как одного из новых центров мира, призванного открыть человечеству качественно Иную перспективу развития. Раскры-

та цель информационной атаки на потребительское общество. Подтверждена необходимость активизации деятельности государства в сфере проведения информационной политики на постсоветском пространстве. Сформулированы условия для практической реализации модели общегосударственной автоматизированной системы управления хозяйством (ОГАС).

Ключевые слова: глобализм, Россия, неодирижизм.

Abstract. On the basis of the dialectic method (using logical-historical approach and system analysis) the Anglo-Saxon origins of globalization are proved. The aim of article is to identify the subjective nature of globalization as a process of managing national economies and national societies in the interests of technocratic Anglo-Saxon world-systemic core. "European project" is presented as a typical example of how the consciousness of large masses of the population is being manipulated. Such manipulation is aimed at establishing the order of totalitarian control over the global society. Europe is unable to offer an effective alternative to globalism. The author argues that Russia constitutes one of the new world centers engaged in designing a qualitatively different perspective of development to humanity. The purpose of information attack on the consumer society is disclosed. The author reaffirms the need to intensify the activities of the state in the sphere of information policy in the post-Soviet space. The article offers conditions for the practical implementation of the system of nationwide automated management of economy (OGAS).

Key words: globalism, Russia, neodirigism.

Капиталистическая форма общественного устройства, первоначально сформировавшаяся как национальная экономическая модель Англии, к концу XX в. трансформировалась в англосаксонский глобализм, который под прикрытием «общечеловеческих ценностей» распространился по всему остальному миру. После разрушения СССР Россию упорно и настойчиво встраивали в эту систему глобокапитализма, в которой императивы накопительства, отчуждения и удовольствий взяли верх над духовными традициями и нравственными законами человеческого общежития.

Первый этап глобализма

Случайно или намеренно, но направляющая «невидимая рука» Англии в процессах глобализации имеет историческую предопределенность. События, происходившие в Англии на протяжении последних двух с половиной столетий, послужили основой для возникнове-

ния институциональной матрицы универсальных принципов, моделей и стандартов социального взаимодействия, принятие которых к концу XX в. стало «естественным» для большинства суверенных государств мира.

Процесс подведения мира под англосаксонский знаменатель можно условно разделить на два временных этапа (табл. 1).

Таблица 1

**Эволюционный вклад Великобритании
в формирование институциональной матрицы глобализации**

Первый этап (революции в сферах производства и финансов) 1770—1970-е гг.	Второй этап (информационная революция) 1980-е гг. по н. в.
• Промышленная революция	• Финансовое дерегулирование
• Теории свободного рынка	• Большая приватизация
• Империализм	• Офшоризация
• Экономический либерализм	• Международные стандарты финансовой отчетности
• Централизация денежно- финансового обращения	• Английское общее право
• Золотой стандарт	• Контрциклическая политика
• Система международных фи- нансовых организаций	• Таргетирование инфляции
• Рынок евродолларов	• Государственно-частное парт- нерство
	• Всемирная паутина

Первый этап длился два столетия (1770—1970) и характеризовался революциями в сферах производства и финансов. Так, продукты английской *промышленной революции* (железные дороги, пароходы, каналы, телеграф) впервые позволили объединить мир в единую систему торговли и коммуникаций.

Теории свободного рынка, разработанные британскими экономистами А. Смитом и Д. Рикардо, в значительной мере способствовали устранению таможенных барьеров между странами и развитию системы международного разделения труда.

Империализм (в котором Британия достигла беспрецедентного размаха) послужил основным инструментом в навязывании правил и внешнего контроля со стороны развитых стран всему остальному миру.

Британская идеология *экономического либерализма* превратилась в единую систему убеждений, разделяемую лицами, принимающими экономические и политические решения во всех уголках земного шара [16, 73—75].

Централизация денежно-кредитного обращения, впервые осуществленная с созданием Банка Англии в 1694 г., поставила государственные финансы под контроль частного капитала. Отныне каждая новая денежная эмиссия должна была сопровождаться увеличением государственного долга на эквивалентную сумму. Следовательно, государственный долг одновременно стал служить и в качестве обеспечения денежной эмиссии, и в качестве источника дохода для его держателей (как правило, частных банков). В 1913 г. эта модель была положена в основу создания Федеральной резервной системы, а позднее через МВФ распространилась на все остальные государства мира.

Золотой стандарт, окончательно введенный в Англии в 1821 г., обеспечил международной торговле неизвестную ранее свободу движения капиталов без рисков колебания курсов валют. В это время впервые вводится понятие резервной валюты.

Англия стала родоначальником создания *международных финансовых организаций* (МФО), в частности, первой из них — Банка международных расчетов (1931 г.), а также наряду с США выступила главным соучредителем других ключевых МФО — МВФ и Всемирного банка.

Еще в середине 1950-х гг. в Лондоне возник *рынок евродолларов*. И уже к сегодняшнему дню на различных финансовых площадках Лондонского Сити ежедневно совершаются сделки в долларах, объемы которых многократно превышают соответствующие показатели в США. Таким образом, ключевая мировая резервная валюта (доллар США) была выведена из-под контроля сугубо национальной американской юрисдикции.

Второй этап глобализма

Главной отличительной чертой второго этапа англобализации (1980-е гг. по н. в.) стала революция в сфере информационных технологий. Этот этап совпал с приходом к власти в Великобритании премьер-министра М. Тэтчер в 1979 г. (одновременно с избранием в США президентом Р. Рейгана). Именно тогда в мире начинается масштабное

финансовое дерегулирование, вследствие которого снимаются ограничения на свободное международное движение капиталов. Американские инвестиционные банки снова получают возможность беспрепятственно проводить свои операции в Лондонском Сити.

В это же время Великобритания первой среди стран Запада проводит «*большую приватизацию*» государственных предприятий (что служит образцом для подражания в других странах мира). В результате приватизации ключевые производственные активы выходят из-под непосредственного государственного контроля.

С 1990-х гг. активизируется «бегство» национальных капиталов в «налоговые гавани», которые не подотчетны и не подчиняются органам регулирования стран их происхождения. В результате *офшоризации* государства фактически лишаются полноценного контроля над своими фискальными системами. Офшорный капитал служит важным источником пополнения ресурсов для глобально оперирующих инвестиционных компаний и фондов, большинство которых зарегистрированы в офшорах. Немаловажным в данной связи является тот факт, что в британской юрисдикции до сих пор находится 18 наиболее богатых офшорных зон мира.

Однако вывести капитал из-под контроля государства — это еще не значит осуществлять его эффективный учет. Поэтому в период 1973—2001 гг. специально созданным в Лондоне комитетом были разработаны *Международные стандарты финансовой отчетности (МСФО)*, которые сегодня применяются в 120 странах мира.

Кроме того, *английское общее право* выступает наиболее востребованным при разрешении международных коммерческих споров, выпуске иностранных долговых займов и регулировании транснациональных сделок слияний и поглощений.

Достаточно наивно полагать, что рыночная стихия способна к саморегулированию. Еще Дж.М. Кейнс для устранения провалов рынка разработал основы *контрциклической политики*. Однако в условиях доминирования государства в системе финансового регулирования в послевоенный период данная политика была востребована крайне незначительно. Но, уже начиная с кризиса 2008 г., инструменты контрциклической политики были задействованы в полном объеме. Только за счет налогоплательщиков США были спасены активы прогоревших банков на сумму 16 трлн дол. [6, 28].

Очевидно, что США так и не извлекли необходимых уроков из «рукотворного» кризиса 2008—2009 гг. Кризис был запрограммирован в результате изменений банковского регулирования (Базель 2 — стандарт, разработанный в Европе Банком международных расчетов), а

именно — ослаблением требований резервирования к банковским залоговым активам [17]. В 2010 г. США были «спасены» после того, как была «санкционирована» программа выкупа «токсичных» долгов.

Необходимо учесть, что возможность задействования эмиссионного ресурса ФРС зависит от благосклонности его главных акционеров, которые, по некоторым данным, представляют не только интересы американского, но и английского капитала [5, 629—630]. Стоит отметить, что политика выкупа «токсичных» активов была инициирована Банком Англии, первым предоставившим гарантии на активы британского ипотечного банка Northern Rock, оказавшегося на грани банкротства. Это произошло еще до того, как был показательно обанкрочен один из флагманов американской инвестиционной индустрии Lehman Brothers. Активы этого банка перешли к британскому глобальному банку Barclays [13, 188]. По итогам проведенного в 2011 г. в Швейцарии исследования «Сеть глобального корпоративного контроля», Barclays plc. была признана экспертами мощнейшей финансовой группой мира с точки зрения подконтрольных ей транснациональных корпоративных активов [20].

Lehman Brothers фактически был отдан на заклание англосаксонским финансовым олигархатом, поскольку своими финансовыми обязательствами он был больше связан с европейской клиентурой. Банкротство поспособствовало финансовому коллапсу в Еврозоне и значительно осложнило дальнейшее укрепление евро на мировой арене как главного конкурента доллара [4, 87].

Еще одним инструментом ослабления суверенитета государств в пользу глобального финансового капитала является *таргетирование инфляции*. Этот монетарный режим приобрел особую популярность во всем мире после его введения в Великобритании в 1992 г.². Исключительной целью инфляционного таргетирования является поддержание внутренней стабильности национальной денежной единицы. Таким образом, Центробанк законодательно освобождается от необходимости содействия другим задачам социально-экономического развития государства, эмитентом денежной единицы которого он является.

Новаторской идеей для подчинения государственных активов финансовому капиталу является и механизм *государственно-частного партнерства* (ГЧП), который также впервые стал активно применяться в Англии в начале 1990-х гг. В рамках ГЧП финансовый капитал

²До этого режим таргетирования инфляции был опробован в двух бывших британских доминионах — Новой Зеландии и Канаде, до сих пор признающих британского монарха главой государства.

получает возможность внедряться в сферы государственного контроля, которые традиционно считались «неприкосновенными», — инфраструктуру, коммунальные службы, пенитенциарную систему.

И, наконец, в 1980-х гг. британец Тим Бернес Ли изобрел *Всемирную паутину*. При помощи этого виртуального ресурса сегодня происходит обработка массового сознания под непротивление дальнейшему распространению англосаксонского глобализма, конечная цель которого начинает ясно прорисовываться: можно с достаточной долей уверенности предположить, что формально (тактически) она заключается во всеобщей коммерциализации (капитализации, технократизации) глобального социума, а по сути (стратегически) — в *расчеловечивании* мира.

«Бумажная Европа»

Следует подчеркнуть, что англосаксонская идентичность является продуктом смешения кровей различных европейских народов. Однако именно англосаксы использовали Европу как трамплин для реализации своих глобальных амбиций.

Исторически попытки островитян овладеть Европой уходят в эпоху правления нормандской монархической династии. Вместе с тем последовавшее за этим почти тысячелетнее военное противостояние между «Коварным Альбионом» и странами континентальной Европы не привели к существенному перераспределению сил в пользу англосаксов. Даже после Великой французской революции и создания Веймарской республики континентальные «империи» продолжали довольно успешно конкурировать с английской монархией как в культурном, так и в экономическом плане. Так, в последние 86 лет существования Британской империи британские паспорта оформлялись на французском языке [7, 220] (который до конца 1990-х гг. также оставался главным официальным языком объединенной Европы). В свою очередь Германия по сей день выступает крупнейшим производителем и экспортером Евросоюза, несмотря на попытки ее деиндустриализации, предпринятые англосаксами по итогам двух мировых войн, ими же спровоцированных. Поэтому для осуществления своих глобальных амбиций англосаксам приходится действовать своеобразно и неожиданно, зачастую нарушая собственные «правила игры». Например, отмена Великобританией золотого стандарта в 1931 г. привела к дестабилизации мирового экономического и финансового порядка, во многом созданного самими же англичанами. Итоги референдума о выходе Британии из Евросоюза (брекзит) фактически ознаменовали начало конца проекта создания единой Европы. Активным сподвиж-

ником данного проекта был сам Уинстон Черчилль, под непосредственным влиянием которого в 1949 году в Лондоне было заключено соглашение о создании первой европейской международной организации — Совета Европы.

Несмотря на достигнутые успехи и грандиозные стратегии строительства «Соединенных Штатов Европы», Старому Свету так и не удалось добиться паритетного положения со своим трансатлантическим «детищем». Европейская армия не дееспособна. Европа зависима от англосаксов и проигрывает им на военном (НАТО), финансовом (доллар), информационно-технологическом (отсутствие европейских аналогов американских компаний Amazon, Apple, eBay, Facebook, Google, Microsoft, Twitter [20, 84]) и корпоративно-культурном фронтах (доминирование английского языка и англосаксонских стандартов в сферах международного бизнеса, образования и науки). Сегодня Европа прогибается под тяжестью накопившихся социально-экономических проблем и противоречий, которые раздирают и деморализуют ее изнутри.

Британский экономист Д. Лал безапелляционно утверждает, что европейский интеграционный проект, отклонившись от пути классического либерализма, превратился в интровертный протекционистский экономический блок. «ЕС, — отмечает Д. Лал, — порожден не силой, а слабостью своих участников. Для Франции, при всей ее бравате и гордыне, эпоха величия давно миновала. Она стала свидетелем всемирного триумфа англосаксов — не в последнюю очередь в сфере языка и культуры» [10, 116].

Еще более пессимистично оценивает положение объединенной Европы бывший директор Лондонской школы экономики (1997—2003) Э. Гидденс. Всемирно известный британский социолог называет Европу «бумажной», имея в виду, что планы, проекты и сценарии европейского развития существуют только на бумаге, а эффективные средства для их реализации отсутствуют. Гидденс связывает слабость Европы с дефицитом демократии и нехваткой эффективных лидеров. Он подчеркивает, что сегодня управление Европой осуществляется посредством двух пересекающихся структур, которые именуется ЕС1 и ЕС2. Первая структура (ЕС1) состоит из формальных органов управления — таких, как Еврокомиссия, Европейский совет и Европарламент. Вторая структура (ЕС2) фактически управляет Европой. В нее входят канцлер Германии А. Меркель, президент Франции Ф. Олланд, а также главы Европейского центрального банка и МВФ [2, 14—15].

Россия перед выбором

По сути, единственным государством, способным нарушить планы англосаксов по установлению тоталитарного контроля над человечеством, является Россия. Но для реализации возрастающего потенциала сопротивления необходимо дальнейшее укрепление российской государственности. В данной связи формирование адекватных выводов из «украинского опыта» является одной из наиболее злободневных задач.

С самого начала в «европейском проекте» Украине была уготована роль служения в качестве ударного механизма для пробивания бреши в монолитном российском оборонительном периметре. Когда же выяснилось, что выполнение этой задачи для Украины оказалось непосильным, она вообще перестала рассматриваться на Западе как нечто, представляющее какую-либо ценность.

Следует отдавать себе отчет, что все происходящее сегодня на Украине — следствие многовековой информационной атаки на сознание украинского населения с целью возбуждения русофобских настроений. Данная кампания проходила и продолжает проходить в значительной степени при пассивной и отстраненной позиции России. Современная Украина, не выполнившая свою геополитическую задачу по дестабилизации России, доказала свою «неэффективность» и оказалась выброшенной из «европейского проекта». Но Россия не в праве отказаться от Украины ни при каких геополитических раскладах. И речь не о том, что украинский народ наряду с русским и белорусским народами составляли колыбель русской цивилизации. Все это в прошлом. Проблема в другом. Сегодня Украина является не созидательным, а разрушительным атомом в ядре русской цивилизации, выступает полем битвы российских, украинских и европейских капиталов [15, 45]. Неурегулированность украинского вопроса отвлекает массу сил и ресурсов России, которые требуются ей для поддержания своей жизнеспособности в противостоянии иезуитским планам глобализаторов.

Следует напомнить, что СССР как сверхдержава состоялся в результате объединения многочисленных народов и их гармоничного развития. Сегодня вследствие разрушительной работы англосаксонской пропагандистской машины эти народы пропитаны чувством враждебности по отношению друг к другу.

Подчеркнем, что подобно советской цивилизации западная (англосаксонская) цивилизация своим глобальным успехам также во многом была обязана объединению генетически взаимодополняющих друг друга народов — кельтов, англов, саксов, данов и норманнов. Однако

принципиальное различие этих двух цивилизаций заключалось в том, что Запад (Англия) для поддержания своей жизнеспособности захватывал чужие ресурсы, а СССР (Россия) наоборот выступал донором этих ресурсов по отношению к входящим в его состав народам.

Важно осознать, что, занимая крупнейшую в мире территорию, наделенную практически неисчерпаемыми ресурсами, Россия не может конкурировать с Западом на поле капитализма — системы, основанной на дефиците ресурсов. Это противоречит здравому смыслу. Но главное не в этом. В попытке стать «вторым Западом» Россия включается в богоборческую повестку дня, отклоняясь от своего пути.

Ведущими представителями *школы философии хозяйства* активно обсуждаются проблемы взаимосвязи этнонационального сознания и хозяйственного поведения [12], неизбежного перехода от изжившей себя неолиберальной экономической доктрины к «новой религии» [1]. На данной интеллектуальной платформе уже создана мощная смысловая конструкция — софиасофия (автор — Ю.М. Осипов [11, 426—443]) — способная обеспечить прорыв человека и человечества в качественно Иной мир «нашедшей себя непознанной человечности» [18, 53]. Россия находится в самом центре формирования подлинно человеческой смысловой перспективы Иного мира, и готова была бы бросить вызов всему тому, что до сих пор предлагала эпоха Постмодерна. Но вход в этот Иной мир преграждают «информационные барьеры».

Информационная контрреволюция

Итак, сегодня первостепенная задача России — в восстановлении своей жизнеспособности и цивилизационной идентичности, в основе которой *служение*, а не стяжание.

Украинский опыт должен стать поводом для проведения массовой информационной кампании по искоренению из постсоветского пространства потребительской культуры путем разоблачения всей пагубности искусственно созданных ценностей англосаксонского глобализма. Необходимо активно возрождать значение здорового (одухотворенного) образа жизни человека для гармоничного развития личности. Проведение подобной кампании по трансформации системы ценностей в общественном и индивидуальном сознаниях под силу только *государству*. Тем не менее восстановление морального авторитета и суверенитета российского государства в условиях отсутствия контроля над своим информационным пространством является невозможным.

Необходимо подчеркнуть, что информационная атака на потребительское общество осуществляется с одной лишь целью — увести человека в сторону от реализации своего гуманистического потенциала, заставить отказаться от ответственности за самого себя и передать себя в управление бездушной информационно-денежной машины. Именно поэтому главная задача современной государственной политики, какой бы сферы она не касалась, заключается в формировании информационных каналов по передаче тех знаний, которые помогут отдельному индивиду и обществу в целом встать на прочную основу развития своего собственного духовного мира, позволят самостоятельно отличать жизнеутверждающие ценности от мертворожденных, всякий раз восставать против несправедливости и, в конечном итоге, не допустить эскалации опасных тенденций деления человечества на «высших» и «низших» существ с целью превращения последних в звероподобную зомбированную биомассу [8].

Необходимо выстраивание информационной блокады путем разработки и внедрения информационных контртехнологий («закрывающих технологий»³), способных противостоять дальнейшей культивации пропаганды злокачественной индивидуалистической потребительской модели.

Анархия производства и потребления, огромные массивы создаваемой, но не перерабатываемой информации привели человечество в состояние неуправляемого хаоса. Главное препятствие развития на современном этапе глобализации связано с достижением так называемых «информационных барьеров», когда управление производством на основе товарно-денежных отношений без прямого качественного и количественного учета и контроля потребностей и ресурсов для их удовлетворения является более невозможным. Выход из сложившейся ситуации видится в объединении современных информационно-вычислительных технологий с системами управления экономикой (а в более широком смысле — управления хозяйством).

³В научной литературе термин «закрывающая технология» имеет самые различные интерпретации. В нашем случае под этим термином подразумевается такая система управления народным хозяйством, которая позволяет радикально снизить издержки воспроизводственного процесса за счет изменения целевых установок функционирования социума — от материального (информационного) накопительства (перепроизводства) в сторону всестороннего духовного развития человека (удовлетворения психофизических потребностей) — и достижения на этой основе расширения реального (а не виртуального) жизненного пространства человечества.

Теоретические концепции для решения данной задачи были разработаны еще в 1970-х гг., например, общегосударственная автоматизированная система управления хозяйством (ОГАС⁴) [3]. Однако внедрение системы ОГАС требует особой политэкономической платформы. Во-первых, необходимо поменять местами субъект и объект управления. В условиях торжества англосаксонского глобализма субъектом выступает транснациональный капитал, не подконтрольный наднациональному регулированию, что служит причиной перманентных кризисов товарно-денежного перепроизводства в мировом масштабе. Объектом же выступают национальные общества и хозяйства, которые играют роль подсистем (секторов) глобального рынка.

Во-вторых, целью современного развития является накопление финансового капитала в форме максимизации фиктивной прибыли. В новой системе целью хозяйственных процессов должно стать удовлетворение потребностей человека в обеспечении как его материального, так и психологического комфорта (всестороннего развития). Таким образом, цели развития общества лежат вне экономики. Экономика — только инструмент в достижении целей.

В-третьих, реализация концепции ОГАС возможна только при полном раскрытии информации всеми хозяйствующими субъектами с целью ее централизованной обработки в режиме реального времени, что несовместимо с коммерческими интересами, коммерческой тайной, монополиями, межфирменной конкуренцией и частной собственностью на средства производства (в том числе на информационные технологии) как таковой [14, 165—168, 182].

В преследовании цели удовлетворения потребностей необходимо избегать крайностей. Решение XXI съезда КПСС о «более полном удовлетворении растущих материальных и духовных потребностей народа» возникло вслед за лозунгом «догнать и перегнать Америку». Но уже на XXII съезде ЦК КПСС был принят Моральный кодекс строителя коммунизма, практически воспроизводящий библейские заповеди. Таким образом, цели и методы их достижения вошли в непримиримый конфликт друг с другом, что в конечном итоге и разрушило СССР.

⁴Полное название — общегосударственная система сбора и обработки информации для учета, планирования и управления народным хозяйством на базе государственной системы вычислительных центров и единой автоматической сети связи страны. Одним из главных разработчиков данной системы в 1970-х гг. выступил основатель советской кибернетики академик АН СССР В.М. Глушков.

Выводы

С 1991 г. Россия интегрирована с систему глобокапитализма, функционирующего по неподконтрольным России «правилам игры». В рамках глобализации происходит противостояние двух полюсов развития: вещественного (техноцентричного) и духовного (человекоцентричного). Главным проводником овещствления (коммерциализации, капитализации, технократизации, роботизации) мира выступает Великобритания. Начиная с промышленной революции, Соединенное Королевство, последовательно насаждало разнообразные институты и технологии управления глобальными процессами — от золотого стандарта до Всемирной паутины. Тем самым постепенно были созданы условия для подчинения глобального социума целям борьбы с Высшим началом и отрицания связи между Богом и человеком. При этом США выступали лишь подручным исполнительным механизмом, мускульной силой *англобализации* [9].

Долгое время активное и действенное сопротивление протестантской англобализации оказывала католическая Европа. Однако сегодня моральный дух Европы сломлен. Она оказалась неспособной реализовать проект создания единого европейского государства — Соединенных Штатов Европы. Поэтому можно считать, что богоборческая повестка дня англосаксов в европейской части Евразии во многом является выполненной.

Пожалуй, последним препятствием на пути англобализации выступает Россия, которая продолжает бороться за сохранение своей уникальной цивилизационной идентичности. Однако для усиления эффективности данной борьбы необходимо установление жесткого контроля над своим информационным пространством с целью его ценностного переформатирования и недопущения дальнейшей обработки индивидуального и общественного сознания иезуитскими максимумами глобализма.

Литература

1. *Альпидовская М.Л.* От интеллектообщества к обществу колониальной демократии (накануне еще более важных перемен) // *Философия хозяйства*. 2016. № 4. С. 60—72.
2. *Гидденс Э.* *Неспокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем?* Пер. с англ. А. Матвеевко, М. Бенедет. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 240 с.
3. *Глушков В.М.* *Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС.* М.: Статистика, 1975. 159 с.

4. *Иршиев Б.К.* Кризис евро и глобальные риски. М.: Издательство «Весь мир», 2014. 464 с.
5. *Катасонов В.Ю.* Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / Научный редактор О.А. Платонов. Изд. 4-е, дополненное. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 1120 с.
6. *Катасонов В.Ю.* Мировая финансовая пирамида. Финансовый империализм, как высшая и последняя стадия капитализма. М.: Книжный мир, 2016. 288 с.
7. *Кинг С.Д.* Запад теряет контроль. Три модели финансового будущего мира. Пер. с англ. А. Яковенко. М.: Карьера Пресс, 2015. 336 с.
8. *Кузнецов А.В.* Судьба англосаксонского глобализма // Мир перемен. 2015. № 3. С. 133—148.
9. *Кузнецов А.В.* Тайна Британской короны. Англобализация. М.: Книжный мир, 2016. 288 с.
10. *Лал Д.* Возвращение «невидимой руки»: Актуальность классического либерализма в XXI веке. М.: Новое издательство, 2009. 426 с.
11. *Осипов Ю.М.* Белые скрижали. Сумма иного знания. М.: ТЕИС, 2016. 464 с.
12. *Осипов Ю.М.* Этнонациональное сознание и хозяйственное поведение // Философия хозяйства. 2016. № 4. С. 39—42.
13. *Павленко В.Б.* Глобальная олигархия. Клань в мировой политике: история и современность. М.: ОГИ, 2015. 720 с.
14. *Пихорович В.Д.* Очерки истории кибернетики в СССР. М.: ЛЕНАНД, 2016. 264 с.
15. *Пихорович В.Д.* Украина между Западом и Востоком: Хроники Евромайдана. М.: ЛЕНАНД, 2014. 200 с.
16. *Родрик Д.* Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики. Пер. с англ. Н. Эдельмана / Под ред. А. Смирнова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 576 с.
17. *Фридман Д., Краус В.* Рукотворный финансовый кризис: системные риски и провал регулирования. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2012. 318 с.
18. *Шулевский Н.Б.* Человек и мир Иного // Философия хозяйства. 2016. № 4. С. 42—59.
19. *Charter D.* Europe: in or out? Everything you need to know. London: Biteback Publishing, 2016. 263 p.
20. *Vitali S., Glattfelder J. B., Battiston S.* The Network of Global Corporate Control // PLoS ONE. 2011. Vol. 6. No. 10. Pp. 1—6.

References

1. *Al'pidovskaja M.L.* Ot intellektoobshhestva k obshhestvu kolonial'noj demokratii (nakanune eshhe bolee vazhnyh peremen) // *Filosofija hozjajstva*. 2016. № 4. S. 60—72.
2. *Giddens Je.* Nespokojnyj i mogushhestvennyj kontinent: chto zhdet Evropu v budushhem? Per. s angl. A. Matveenko, M. Benedet. M.: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2015. 240 s.
3. *Glushkov V.M.* Makroekonomicheskie modeli i principy postroenija OGAS. M.: Statistika, 1975. 159 s.
4. *Irishev B.K.* Krizis evro i global'nye riski. M.: Izdatel'stvo «Ves' mir», 2014. 464 s.
5. *Katasonov V.Ju.* Kapitalizm. Istorija i ideologija «denezhnoj civilizacii» / Nauchnyj redaktor O.A.Platonov. Izd. 4-e, dopolnennoe. M.: Institut ruskoj civilizacii, 2015. 1120 s.
6. *Katasonov V.Ju.* Mirovaja finansovaja piramida. Finansovyj imperializm, kak vysshaja i poslednjaja stadija kapitalizma. M.: Knizhnyj mir, 2016. 288 s.
7. *King S.D.* Zapad terjaet kontrol'. Tri modeli finansovogo budushhego mira. Per. s angl. A. Jakovenko. M.: Kar'era Press, 2015. 336 s.
8. *Kuznecov A.V.* Sud'ba anglosaksonskogo globalizma // *Mir peremen*. 2015. № 3. S.133—148.
9. *Kuznecov A.V.* Tajna Britanskoj korony. Anglobalizacija. M.: Knizhnyj mir, 2016. 288 s.
10. *Lal D.* Vozvrashhenie «nevidimoj ruki»: Aktual'nost' klassicheskogo liberalizma v XXI veke. M. : Novoe izdatel'stvo, 2009. 426 c.
11. *Osipov Ju. M.* Belye skrizhali. Summa inogo znanija. M.: TEIS, 2016. 464 s.
12. *Osipov Ju.M.* Jetnonacional'noe soznanie i hozjajstvennoe povedenie // *Filosofija hozjajstva*. 2016. № 4. S. 39—42.
13. *Pavlenko V.B.* Global'naja oligarhija. Klany v mirovoj politike: istorija i sovremennost'. M.: OGI, 2015. 720 s.
14. *Pihorovich V.D.* Ocherki istorii kibernetiki v SSSR. M.: LENAND, 2016. 264 s.
15. *Pihorovich V.D.* Ukraina mezhdum Zapadom i Vostokom: Hroniki Evromajdana. M.: LENAND, 2014. 200 s.
16. *Rodrik D.* Paradoks globalizacii: demokratija i budushhee mirovoj jekonomiki. Per. s angl. N. Jedel'mana; pod nauch. red. A. Smirnova. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2014. 576 s.
17. *Fridman D., Kraus V.* Rukotvornyj finansovyj krizis: sistemnye riski i proval regulirovanija. M.: IRISJeN; Mysl', 2012. 318 s.

18. *Shulevskij N.B.* Chelovek i mir Inogo // *Filosofija hozjajstva*. 2016. № 4. S. 42—59.

К.А. ХУБИЕВ

О количественном и качественном подходе к государственному дирижизму

Аннотация. В статье исследуется проблема роли государства в экономике России. Критически разбирается широко распространяемая, в том числе и в правительственных кругах, оценка доли государства в ВВП в объеме 70% и основанные на этом выводы о том, государство является главным тормозом конкуренции и развития. Предлагается перейти от количественной оценки роли государства к качественным оценкам на основе экономической и социальной эффективности.

Ключевые слова: ВВП, государственная собственность, государственный сектор, закон Вагнера, качество государственного участия в экономике.

Abstract. The article investigates the problem of a role of a state in Russia's economy. The author critically understands widely extended, including in government, assessment of a state share in GDP of 70% and conclusions based on it about the state is a main brake of competition and development. The author offers to pass from quantitative assessment of a role of a state to quality standards on the basis of economic and social efficiency.

Key words: GDP, state property, public sector, Wagner's law, quality of the state participation in economy.

Экономические кризисы побуждают экономическую науку к исследованию их природы, причин происхождения, характера протекания и последствий. Вялотекущая стагнация настойчиво ставит конкретные и злободневные вопросы о главной причине и путях выхода на позиции устойчивого развития. В этой связи вопрос о роли государства становится одним из главных.

Обсуждение данного вопроса в российской экономической науке усугубляется тем обстоятельством, что саму науку упорно и последовательно ориентируют на зарубежные издания. В зависимости от зарубежного признания напрямую ставятся престиж ученого, финан-

сирование учреждений науки и образования, выделение грантов. В подобной ситуации затрудняется объективное научное исследование. Российская наука и образование существуют за счет бюджета государства. Естественно ожидать, что и работать она должна в интересах России и ее граждан. При этом не может быть никаких ограничений свободного научного творчества. Но ситуация выглядит парадоксально: приближенная к государственной власти экономическая наука обильно питается из государственного источника, тратит немало ресурсов на доказательство избыточного присутствия своего «кормильца» в экономике, и в этом видит основную проблему стагнации. Из этих незамысловатых построений делаются определенные выводы: для оживления экономики надо сократить государство, в том числе и за счет «новой волны» приватизации. Все эти изыскания псевдолиберального толка хорошо ложатся на интересы зарубежных изданий и всевозможных фондов, выделяющих гранты. Создается впечатление, что только сверхлиберальное государство может из своих ресурсов подкармливать научные изыскания, направленные на внешние и отнюдь недружественные интересы, особенно в сложившихся конкретно-исторических условиях. Можно ли представить себе зеркальную ситуацию со стороны зарубежных государств, питающих науку, работающую в интересах России?

Парадоксальность описанной ситуации ярко проявляется на примере заявленной темы. Она не нова, и нам приходилось участвовать в ее обсуждении, о чем будет сказано ниже. Но с самого начала хотелось бы заявить о том, что мы всегда были против «количественного» обсуждения роли государства в экономике. Нами был предложен качественный подход к исследованию экономической роли государства по критериям экономической и социальной эффективности [15; 17].

В процессе обсуждения поставленного вопроса в течение XXI в. произошли два волновых всплеска. Первый относится к началу нового века, второй приходится на текущее время. Первый этап уже был нами рассмотрен, в том числе и на страницах журнала «Философия хозяйства» [16]. Десять лет назад были приведены неопровержимые аргументы, доказывающие несостоятельность формулы обратной зависимости экономического роста от доли государства в экономике [6; 7—9; 11; 12; 18—21]. Критические аргументы теоретического и модельно-математического [13] порядка не были творчески преодолены сторонниками упомянутого направления, поэтому мы не будем к ним возвращаться и основное внимание уделим текущему периоду, а настоя-

щая статья явится продолжением предыдущих публикаций, посвященных теме.

В интенсивный оборот, в том числе и в правительственных кругах, запущена впечатляющая цифра: 70% доли государства в экономике. При этом терминологическая путаница сродни загадочности происхождения магической цифры, которая призвана напугать образом Левиафана. Одни под этой цифрой понимают вклад государственного сектора в производство ВВП: «государство стремительно наращивает присутствие в экономике. Вклад его и госкомпаний в ВВП вырос до 70% в 2015», — пишет ФАС» [4]. Здесь сразу следует обратить внимание на два момента. Во-первых, ФАС, на который ссылаются «Ведомости», правительственный орган, и его данные используют министры в публичных выступлениях и даже некоторые представители академической науки [14]. Во-вторых, каким образом государство помимо госкомпаний участвует в производстве ВВП (далее мы вернемся к этому сюжету)? Другие этой цифрой оценивают долю госсектора в экономике: «в российской экономике общая доля госсектора, по оценке МВФ, составляет не менее 71%, в том числе госкомпании формируют порядка 29% ВВП...» [10]. Важно отметить, что здесь указан первоисточник — материал МВФ. И опять загадкой остается другой участник производства ВВП, кроме госкомпаний. Забегая вперед, выскажем предположение: произведенный ВВП складывается с государственным бюджетом. Тогда получается заветная цифра. Но к анализу содержательности определений и подходов мы еще вернемся. Третьи употребляют более расплывчатое понятие «участие государства в экономике». Анализ начнем с последнего. В это расплывчатое понятие можно вместиť не только госкомпании и бюджет, но и всю легальную экономику, поскольку на нее распространяется налоговая и монетарная политика государства. Обширное и всеобъемлющее понятие не имеет научного и точно определенного смысла. Но оно служит основой для спекулятивных заявлений о том, что государство везде расставило свои шупальца, поэтому его участие огромно, и надо его сократить. Что касается вклада государства в ВВП, то откуда берется эта цифра, если по официальной статистике в государственной собственности после тотальной приватизации осталось менее 3% предприятий, основных фондов — менее 20%, а занятых — менее 30%? Ведь ВВП включает в себя блага, т. е. товары и услуги, которые без участия людей и средств производства не создаются. Ну а если меньшей долей ресурсов государству удастся проводить большую долю ВВП, то надо этот сектор поощрять и на него переключать ресурсы от других менее производительных секторов. Но ведь сторонники рассматриваемой точки зрения

хотят обратного. Они предлагают сократить этот сектор, в том числе и путем запуска новых волн приватизации. Создается впечатление, что некоторые авторы настолько ангажированы, что не видят противоречивости своих изысканий. Если, по данным официальной статистики, занятых в госсекторе около 30% и на их долю приходится 70% ВВП, то следует определенный вывод о высокой эффективности госсектора. И отсюда никак не может следовать вывод о необходимости его сокращения. Однако изобретательность в том-то и состоит, что вместо обоснования научных аргументов развернуться в противоположном направлении.

На основе впечатляющих цифр, терминологической путаницы, методологической и методической неопределенности изысканий делаются далеко идущие выводы и предложения. А именно: за вычетом 70% «неэффективной» государственной доли в экономике на долю «эффективного» частного бизнеса остается лишь 30%. Вот где усматриваются основные беды российской экономики. Вот красноречивое заявление: «Государство и госкомпании контролируют 70% российской экономики. ФАС признал государство главным врагом конкуренции» [10]. Виновник указан, остается принимать решения, в том числе о «второй волне» приватизации, — и действовать. Конкуренция — это благопристойная ширма, за ней скрывается полюбившаяся на вкус устремленность к дешевой приватизации оставшихся у государства предприятий оборонного комплекса и естественных монополий.

Алчущим господам хотелось бы напомнить, что два десятка лет нас уверяли в том, что стоит только передать «неэффективные» государственные предприятия в «эффективные» негосударственные руки, как развернется конкуренция и другие чудотворные силы рынка. Более 97% предприятий было приватизировано. Сперва следует запустить в этом огромном частном секторе конкурентно инновационный процесс, потом можно будет обсуждать продолжение того, что дало драматические результаты в 1990-х гг. Поскольку подобные блюда с псевдолиберальной начинкой периодически подсовываются с завидной настойчивостью, без всякой оглядки на научную аргументацию, а их практическое использование не раз приводило экономику к кризисно-депрессивному состоянию, то не следует в очередной раз поддаваться ложным рецептам.

Важность обсуждаемого вопроса требует обратиться к попыткам разобраться в методах определения доли и роли государства в экономике.

Нам не удалось обнаружить методику расчета ФАС 70% доли государства в экономике, на которую ссылаются периодические изда-

ния, средства массовой информации, чиновники правительственного уровня и даже представители академической науки. Наш анализ публикаций выявил любопытную логику событий, достойную описания. «Газете. RU в ФАС пояснили, что данная оценка является экспертным мнением, с которым Служба согласна» [5]. К этому следует добавить, что здесь же утверждается что «Министерство экономического развития также не смогло привести расчетов доли государства в экономике, ограничившись цитатой бывшего главы ведомства А. Улюкаева» [5]. Два экономических ведомства правительства ссылаются на экспертное мнение. «В частности, можно привести экспертное мнение, подготовленное Кириллом Андросовым (председатель совета директоров Аэрофлота на Гайдаровском форуме 2016)» [5]. Замечательно то, что эксперт и методику приводит, и источник указывает, что дает возможность продолжить целенаправленный анализ. «Просто чтобы дать понимание того, как эта доля менялась, десять лет назад в 2005 году, эта доля оценивалась на уровне 35%. При этом около 30% формируют компании с государственным участием, оставшиеся 40% — это вклад бюджетов всех уровней, — утверждает К. Андросов»⁵.

Метод сложения производства ВВП госкомпаниями расходов госбюджета, да еще и всех уровней, прямо выводит на отчеты МВФ. Это конечная инстанция и конечный источник мифической цифры. В докладе МВФ мы обнаруживаем следующее: «на государственный сектор приходится значительная доля экономической активности с выручкой не менее 71% ВВП, расходы не менее 68% ВВП, а по оценкам профицит в размере 3 процентов от ВВП» [22]. Названная здесь цифра в 71% не имеет никакого отношения к доле государства в производимом ВВП. Используются понятия «активность государства» и «выручка». Здесь вообще речь идет о государственных финансах, о чем свидетельствует последующее изложение, посвященное активам и обязательствам государства и корпоративного сектора. При этом используется методология «доходы — расходы» применительно к финансам, о чем свидетельствует и указание на профицит. Выручкой в финансовой сфере могут считаться доходы от продажи государственных ценных бумаг, что отразится на обязательствах государства. Возникают и другие вопросы. Если бюджет государства в два раза мень-

⁵Следует отметить, что на том же Гайдаровском форуме (2016) Денис Мантуров оценил этот показатель в 50%. Он сказал, что пользовался другими источниками, но не привел их, поэтому оценить происхождение данного показателя не представляется возможным. Цифра в 50% употребляется в том числе и представителями академической науки.

ше, то откуда берется остальная часть финансовых доходов, как она минует законодательный бюджетный процесс, на что тратится, и кто ее в итоге присваивает? В данном случае ВВП используется как универсальный, но пассивный объект для сравнительной оценки, как это делается с другими показателями (объем инвестиций в сравнении с ВВП, государственный долг в сравнении с ВВП). О субъектах *производства* ВВП речь не идет. Вообще, доклад МВФ посвящен фискальной проблеме и государственным финансам, а не методам расчета ВВП, определению доли государственного участия в этом процессе. Поэтому ссылка на данный материал МВФ для определения доли государства в ВВП или госсобственности некорректна. А других источников нет. Вот на такой научно-методической основе делаются громкие выводы: «государство поглотило 70% экономики». «При этом госкомпания неэффективны и в нынешнем виде являются тормозом развития, заявил 23 сентября на Московском экономическом форуме глава ЦСР А. Кудрин» [24].

Итоговый приговор российской экономике в приведенном источнике такой: в России сложился неэффективный государственно-монополистический капитализм. Можно даже уточнить эту формулу — государственно-олигархический капитализм. Только следует поставить вопрос: как и откуда он возник? А он не с неба упал, а явился в результате массовой приватизации, включая залоговые аукционы. Куда же приведут призывы ко второй волне приватизации? Прежде чем предлагать «второй сеанс» уже пройденного, надо подтянуть до эффективного уровня приватизированную массу ресурсов, принадлежавших ранее государству. Дальнейший разбор приведенной позиции не имеет смысла.

Среди источников, посвященных обсуждаемому вопросу, в отдельную категорию следует выделить публикации, выполненные в жанре научного исследования. В последнем (декабрьском) номере журнала «Вопросы экономики» опубликована статья, посвященная обсуждаемой теме, и она заслуживает особого внимания, поскольку в ней содержится методика, отличная от МВФ [1].

Авторы справедливо отмечают, что нет универсальной оценки определения анализируемых показателей: доли государственной собственности и ее роли в экономике. Сами авторы выбрали метод прямой и косвенной оценки владения государством ценными бумагами корпораций. В рамках данного подхода используются две методики. Первая включает в государственную собственность прямое и косвенное владение не менее 10% акций (метод ЕБРР); вторая — владение любым количеством акций (метод Госкомстата).

Данная работа заслуживает внимания, поскольку не ограничивается ссылкой на МВФ, в ней предпринимается оригинальная попытка самостоятельного исследования сложного вопроса. Но обоим методам присущ недостаток, который мы считаем коренным: они основаны на владении вторичными активами, или фиктивным капиталом. Блага, составляющие ВВП, создаются не фиктивными, а реальными ресурсами в виде производственных фондов, вовлеченных в создание ВВП, и трудовым ресурсом (рабочая сила). И собственность, в том числе и государственная — довольно сложная категория. Она должна оцениваться стоимостью ресурсов (основного и оборотного капитала), потоком произведенных благ и доходов. И только в последнюю очередь собственность может быть охарактеризована вторичными активами (фиктивным капиталом. У данного подхода есть и другие более частные недостатки. Не будут охвачены государственные и муниципальные предприятия, не имеющие акционерную форму, но производящие блага, включаемые в ВВП. Волатильность цен корпоративных акций на фондовом рынке имеет ряд причин, в том числе и неэкономических.

Если придерживаться данного подхода, то имеет смысл владение государством контрольным пакетом, позволяющим реализовать собственность в ее экономическом содержании: контролем над движением ресурсов (включая слияния и поглощения), процессом производства благ (включая менеджмент), и распоряжение потоками доходов. В остальных случаях миноритарное владение имеет номинальный смысл. Эти компании будут функционировать как частные, включая контроль над доходами, дивидендную и инвестиционную политику. В данном случае можно говорить о собственности государства в рамках приходящихся на ее долю доходов через дивиденды. Для определения доли в ВВП это имело бы косвенный смысл, если бы ВВП определялся методом суммирования первичных доходов. Но с этой задачей справляется прибыль, относящаяся к первичным доходам и включающая в том числе и дивиденды.

Для продолжения анализа, как нам представляется, сначала надо отдельно изучить государственную собственность как таковую и участие государства в производстве ВВП, что имеет свои сложности. Это пересекающиеся, но не тождественные проблемы.

Собственность вообще и государственная в частности относятся к числу самых сложных проблем. «В докторантах, по свидетельству экономиста Стива Чена, права собственности долгое время считались “запретной зоной” в качестве тем докторской диссертации» [2, 24].

Если подойти к ее содержанию не только с позиций имущественной принадлежности, в особенности, если иметь в виду принадлежность государству вторичный актив, а более комплексно и с учетом методологии запасов и потоков, то можно выделить следующие элементы:

- принадлежащее государству имущество;
- собственность на неимущественные права;
- государственный бюджет;
- элементы экономической политики.

Отметим сразу, не вся государственная собственность участвует в производстве ВВП.

Первый элемент состоит из природных ресурсов, недвижимого имущества производственного и социального назначения, фондовых активов (акций, облигаций). Естественные ресурсы являются общенародным достоянием и должны служить государственным интересам. В конкретном экономическом смысле доходы от разработки и реализации естественных ресурсов, имеющих рентное происхождение, как уже отмечалось, должны присваиваться государством и использоваться на общенародные цели.

Государственное имущество социального назначения по предназначению для реализации интересов населения. Однако при государственных учреждениях социального назначения создаются коммерческие структуры, легально оказывающие платные услуги, что служит реализации индивидуальных или групповых экономических интересов с использованием государственного имущества. В данном случае на практике реализуется разрыв между запасами (госимущество) и потоками доходов. Но при этом создаются блага, входящие в ВВП, которые через владение акциями не могут быть учены.

Что касается государственного имущества производственного назначения, то проблема реализации интересов здесь представляется более сложной. Организационно оно представлено в виде унитарных и казенных предприятий. Если их функционирование направлено на реализацию исключительно государственных нужд, то цикл реализации интересов замкнут на государственном секторе, хотя и происходит дифференциация коллективных и государственных интересов. Работники таких предприятий должны иметь гарантированную оплату труда с элементами внутрихозяйственного экономического стимулирования. Положение других государственных предприятий, не полностью работающих на государственный заказ, двойственно. С одной стороны, они в приоритетном порядке должны удовлетворять государственные

нужды, а с другой — функционировать на коммерческих условиях, реализуя групповой экономический интерес. Продукция казенных и иных государственных и муниципальных предприятий, не имеющих акционерную форму, также не может быть учтена в ВВП через владение акциями.

Особого внимания заслуживают производство и реализация продукции, связанной с монопольным положением. Если монопольное положение получено за счет создания новых технологий и продукции, то результаты монопольного положения должны приоритетно удовлетворять интересы тех субъектов, которые их создали. Сверхдоходы, полученные в сфере функционирования естественных монополий и приравненной к ней (алкоголь, табак и др.), должны служить реализации общественного интереса. Едва ли может быть оправдано экономически положение, когда государство отторгает от себя потоки доходов, приватизируя отрасли, приносящие рентный и монопольный доход и монопольную ренту, а затем прилагает огромные, зачастую малоэффективные усилия по получению в бюджет части этих доходов, которые целиком ей принадлежали изначально (пример ЮКОСа).

Доходы — важнейший элемент экономической реализации собственности и интересов. Каждый участник экономических процессов может претендовать на долю доходов, в формировании которых принял участие. Доходы от естественных ресурсов и монопольных товаров, не будучи результатом экономической деятельности отдельных физических и юридических лиц, должны присваиваться государством и служить реализации общегосударственных или общенациональных интересов.

К государственному имуществу относятся приносящие доход активы, в том числе и акции. Это особая сфера функционирования государственной собственности, где отчетливо проявляется отсутствие контроля со стороны социального субъекта общенародного уровня. Это проявляется в низкой доходности корпоративных акций, принадлежащих государству. В компаниях со смешанной собственностью интерес представителей частного капитала значительно мотивированней представителей государства.

Следующим элементом государственной собственности является бюджет, который в исследованиях по собственности оставался в тени и не включался в содержание государственной собственности. Объясняется это тем, что в трактовке содержания государственной собственности преобладал ресурсно-факторный, или «вещный», подход. Между тем бюджет представляет собой важный поток доходов (и расходов), который реализует социально определенные интересы.

В условиях рыночной экономики бюджет служит главным фактором реализации общегосударственных и общенациональных интересов. Правда, речь в данном случае идет об экономической возможности, которая осуществляется не автоматически, а под взаимодействием социально-политических сил в бюджетном процессе. Некоторые авторы расходы бюджета включают в ВВП, исчисляемый методом расходов. Такой подход корректен, если берется не весь бюджет, а только та его часть, которая идет на закупку товаров и услуг. Но включением бюджета в ВВП совершается ряд ошибок, в том числе и повторный счет.

Собственность на неимущественные права государства — особый элемент содержания государственной собственности. Совместно с экономической политикой она может оказаться главным элементом ее содержания в условиях индустриального и постиндустриального общества. Государственной собственностью, приносящей доход для реализации общесоциальных интересов, могут служить транспортные коридоры (наземные, водные, воздушные); контролируемое космическое пространство; эфирные частоты; основные коммуникации и объекты инфраструктуры; службы, связанные с обеспечением безопасности движения всех видов транспорта. Перечень этот можно продолжить. Представляется, что в ВВП могут быть включены не созданные блага, а доходы как важнейшая форма экономической реализации собственности.

В качестве особого элемента государственности мы включили экономическую политику. Такой подход нельзя считать традиционным для основных направлений экономической теории, специально занимающихся вопросами теории собственности. Он может быть обоснован воспроизводственным подходом к собственности и трактовкой ее содержания как процесса реализации определенных интересов. Экономическая политика существенным образом влияет на направления, структуру и интенсивность потоков доходов, которые могут быть учтены в ВВП по доходному методу. Налоговая, таможенная политика, политика доходов, динамики ВВП и занятости — эти и иные направления экономической политики служат реализации социально определенных интересов. Новейшая история России содержит достаточное количество свидетельств на сей счет. Явление «олигархов» в России объясняется тем, что экономическая политика была выстроена таким образом, что стала возможной концентрация значительной части прав собственности и экономической власти в руках узкой группы людей. Конкретизация экономической политики, приводящей к олигархизации экономики; последовательность и направленность

реализации такой политики требуют особого исследования и описания. Основная суть заключается в том, что экономическая политика, влияя на потоки доходов и реализацию интересов, выступает важным фактором государственной собственности.

Как воспроизводственный процесс все указанные моменты государственной собственности выступают в единстве. Но из этого не следует, что в ВВП можно объединять разные методы расчета для получения устрашающих цифр государственного участия в ВВП.

Теперь кратко о корпоративной собственности, поскольку государственному участию в ней придается решающее значение при определении доли государственной собственности и его участия в ВВП.

Логика образования эффективных корпораций состоит в том, что в исходном пункте их образования находится инвестиционный проект. Под этот проект, если он перспективен, мобилизуются средства акционеров, с помощью которых он реализуется. Активы фирмы складываются из средств заинтересованных этим проектом лиц. Мотивы контроля базируются на интересе акционеров. Получение и распределение доходов венчают этот жизненный цикл, который повторяется заново. Главная причина неэффективности корпоративной формы в переходной экономике России кроется в нарушении эффективной логики ее образования. Вместо концентрации активов под перспективный инвестиционный проект здесь происходило рассредоточение государственных активов без всякой связи с инвестиционным процессом. Если путем акционирования приобретались прибыльные фирмы, то «улавливание» доходов было главной целью приватизаторов. То, что в эффективно формируемой корпорации является завершающим этапом, в переходной экономике России было исходным пунктом. По сути эта была рентноориентированная приватизация. Разрушение логики эффективности имело определенные последствия. Доходы и даже оборотные средства приватизированных предприятий отвлекались в спекулятивный сектор, который был более доходным по сравнению с реальным сектором. Инерционно приносящие доход средства производства невозобновляемо изнашивались. К такому же результату приводило инвестирование полученных доходов за рубежом. Разрыв прямой связи между доходами и их источниками разрушал логику эффективного функционирования акционерных обществ. Конечным выводом упомянутой выше статьи является неэффективность государственной собственности [1]. На самом же деле проблема значительно шире. Неэффективность российских компаний, независимо от того, участвует в них государство или нет, определяется характером их происхождения,

противоречащим экономической логике эффективного происхождения данной формы организации предпринимательства.

Наша позиция по отношению к роли государственной собственности в структуре отношений собственности нуждается в некотором уточнении. Когда она измеряется исключительно принадлежащим государству имуществом, то и действительная ее величина искажается. Приватизаторы в России ссылаются на то, что в развитых странах (например, в США) доля государственной собственности невелика. Отсюда делается вывод: чтобы стать развитой страной, надо «доприватизировать» все, что еще осталось неприватизированным. Предлагается даже приватизировать учебные заведения, учреждения культуры и т. д.

Собственность в данном случае рассматривается как запас, как принадлежащее государству имущество. Но если рассмотреть собственность как поток, которым распоряжается государство, то окажется, что государственная собственность в США составляет около половины ВВП. Имея в распоряжении ресурсы такого масштаба, государство может проводить эффективную внешнюю и внутреннюю политику, в том числе и экономическую.

Опыт именно развитых стран дает ориентиры на усиление роли государственной собственности. Ее структура в разных странах формировалась под влиянием конкретно-исторических причин. В одних странах государственное предпринимательство играет существенную роль, в других — основной центр тяжести государственной собственности ложится на бюджет. Ставку на бюджет в структуре государственности могут делать те страны, где установлен баланс межсоциального распределения национального дохода, отлажен национальный механизм эффективного сбора налогов, высока налоговая дисциплина, гражданская и предпринимательская этика.

Россия пока еще очень далека от наличия подобного рода традиций. В условиях коррупции, высокой доли теневой экономики и олигархизации приватизация является неэффективной, поскольку ее результаты направлены на усиление указанных негативных тенденций. В этих условиях в России следует укреплять государственную собственность и прежде всего в отраслях, где доходы не имеют предпринимательской основы.

Подведем итог. Государственная собственность имеет многофункциональную и многофункциональную структуру. Через нее определить долю государства в ВВП крайне сложно. Если ставить такую задачу, заранее зная для чего ее надо решать, нужен другой подход.

Суть ВВП — произведенные блага. Блага производятся с использованием ресурсов, в том числе и трудовых. Официальная статистика предоставляет возможность анализа в данном направлении.

Основные фонды в государственной собственности составляют около 17%. Среднегодовая численность занятых в государственной и муниципальной собственности составляла в 2014 г. 27,9%. Поскольку статистика по оборотным средствам не приводится, рассчитать долю государства в производимом ВВП лучше через долю занятых. Большинство источников отводит государству 28—30% производимого ВВП. «По расчетам МВФ, проведенным методом сложения расходов, в 2012 г. 26 крупнейших государственных компаний производили 28% российского ВВП, что почти соответствует вкладу КГУ в ВВП 61 крупнейших компаний» [1, 75]. Приведенная цифра соответствует доле занятых в госсекторе. Скорректировать этот показатель можно через разницу в средней производительности труда в государственном и негосударственном секторе. Если доля госсектора в ВВП не меньше доли занятых в нем, то нет оснований говорить о более низкой производительности труда и вообще неэффективности госсектора. И, наконец, «в то же время оценка вклада в ВВП всего государственного сектора, включая бюджетные организации, сделанная МВФ по данным за 2012 г., в размере 68% примерно совпадает с аналогичными расчетами ФАС (2016), согласно которым совокупный вклад государства и государственных компаний в ВВП России составил около 70%, а в 2005 г. эта доля не превышала 35%». Методику и расчеты ФАС нам обнаружить не удалось, а ведомство, по свидетельству Газеты.RU, сообщило что ни методики, ни расчетов нет, а на материалы МВФ мы уже ссылались. В них есть обе цифры 71 и 68. Первая означает доходы, вторая — расходы. Разница называется профицитом. Скорее всего ФАС взяло первую цифру из доклада МВФ, авторы статьи — вторую. Основной темой доклада МВФ является фискальная политика, долговая нагрузка и т. п., а не методы расчета ВВП. Об этом свидетельствует ссылка на бюджетные организации, которая прямо выводит на сложение бюджетных расходов и производимого ВВП. Метод расходов смешивается с производственным методом расчета ВВП, кроме того, очевиден повторный счет. И все это ради получения впечатляющей и даже устрашающей цифры, дающей карт-бланш на достаточно легкое обоснование основных причин экономических трудностей и столь же легкую возможность по их преодолению.

В заключение следует отметить два важных момента. Пора отказаться от количественного подхода к оценке доли и роли государства в экономике, в особенности от тех изысканий в этом направлении,

которые на научно несостоятельной основе отстаивают идею «сокращения» государства новых «волн» приватизации. Экономической науке следует перейти к не ангажированному обсуждению качества роли государственного участия в экономике по критериям экономической и социальной эффективности. Хорошего (по данным критериям) государства должно быть как можно больше, плохого — как можно меньше.

Литература

1. *Абрамов А., Радыгин А., Чернова М.* Компании с государственным участием на российском рынке: структура собственности и роль в экономике // Вопросы экономики. 2016. № 12.
2. *Беттелл Т.* Собственность и процветание. М.: ИРИСЭН, 2008.
3. Бюллетень о развитии конкуренции // Ведомости. 2016. Март.
4. Ведомости. 2016. 29 сент.
5. Газета RU. 2016. 18 окт.
6. *Гайдар Е.* Тактика реформ и уровень государственной нагрузки на экономику // Вопросы экономики. 1998. № 4.
7. *Илларионов А., Пивоварова Н.* Размеры государства и экономический рост // Вопросы экономики. 2002. № 9.
8. *Илларионов А., Пивоварова Н.* Как Россия потеряла XX столетие // Вопросы экономики. 2000. № 1.
9. *Илларионов А., Пивоварова Н.* Экономическая свобода и благосостояние народов // Вопросы экономики. 2000. № 4.
10. Коммерсант. 2016. 29 дек.
11. *Мау В.* Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития // Вопросы экономики. 2002. № 7.
12. *Мау В.* Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики. 2009. № 2.
13. *Нигматулин Р.* Об оптимальной доле государственных расходов в ВВП и темпах экономического роста // Вопросы экономики. 2003. № 3. С. 125—131.
14. *Сидорова Е.А., Клинова М.В.* Гайдаровский форум 2016: государство в экономике. М.: МГИМО, 2016.
15. *Хубиев К.А.* О количестве и качестве роли государства в трансформационной экономике // Государство и общество / Под общ. ред. А.В. Бузгалина, А.И. Колганова. М., 2005.

16. Хубиев К.А. О количестве и качестве государственного участия в экономике в системе альтернатив дирижизма и либерализма // *Философия хозяйства*. 2012. № 2. С. 14—28.
17. *Экономический рост и вектор развития современной России* / Под ред. К.А. Хубиева. М.: Теис. 2004.
18. Ясин Е. Бремя государства и экономическая политика (либеральная альтернатива) // *Вопросы экономики*. 2003. № 1.
19. Ясин Е. Модернизация российской экономики: повестка дня // *Модернизация российской экономики*. Кн. 1 / Отв. ред. Е. Ясин. М., 2002.
20. Ясин Е. Перспективы российской экономики: проблемы и факторы роста. М.: Российская экономика. МВЭШЕ, 2002.
21. Ясин Е. Функции государства в рыночной экономике // *Вопросы экономики*. 1997. № 6.
22. International Monetary Fund. May 2014. P. 8.
23. <http://kommersant.ru/doc/2480928>.
24. Finanz.ru 29.09.2016/.

References

1. Abramov A., Radygin A., Chernova M. Kompanii s gosudarstvennym uchastiem na rossijskm rynke: struktura sobstvennosti i rol' v ehkonomie // *Voprosy ehkonomiki*. 2016. № 12.
2. *Betell T. Sobstvennost' i protsvetanie*. М.: IRISEHN, 2008.
3. Byulleten' o razvitii konkurentsii // *Vedomosti*. 2016. Mart.
4. *Vedomosti*. 2016. 29 sent.
5. *Gazeta RU*. 2016. 18 okt.
6. Gajdar E. Taktika reform i uroven' gosudarstvennoj nagruzki na ehkonomiku // *Voprosy ehkonomiki*. 1998. № 4.
7. Illarionov A., Pivovarova N. Razmery gosudarstva i ehkonomicheskij rost // *Voprosy ehkonomiki*. 2002. № 9.
8. Illarionov A., Pivovarova N. Kak Rossiya poteryala KHKH stoletie // *Voprosy ehkonomiki*. 2000. № 1.
9. Illarionov A., Pivovarova N. EHkonomicheskaya svoboda i blagosostoyanie narodov // *Voprosy ehkonomiki*. 2000. № 4.
10. *Kommersant*. 2016. 29 dek.
11. Mau V. Postkommunisticheskaya Rossiya v postindustrial'nom mire: problemy dogonyayushhego razvitiya // *Voprosy ehkonomiki*. 2002. № 7.
12. Mau V. Drama 2008 goda: ot ehkonomicheskogo chuda k ehkonomicheskomu krizisu // *Voprosy ehkonomiki*. 2009. № 2.

13. *Nigmatulin R.* Ob optimal'noj dole gosudarstvennykh raskhodov v VVP i tempakh ehkonomicheskogo rosta // *Voprosy ehkonomiki*. 2003. № 3. S. 125—131.

14. *Sidorova E.A., Klinova M.V.* Gajdarovskij forum 2016: gosudarstvo v ehkonomike. M.: MGIMO, 2016.

15. *KHubiev K.A.* O kolichestve i kachestve roli gosudarstva v transformatsionnoj ehkonomike // *Gosudarstvo i obshhestvo / Pod obshh. red. A.V. Buzgalina, A.I. Kolganova*. M., 2005.

16. *KHubiev K.A.* O kolichestve i kachestve gosudarstvennogo uchastiya v ehkonomike v sisteme al'ternativ dirizhizma i liberalizma // *Filosofiya khozyajstva*. 2012. № 2. S. 14—28.

17. *Ehkonomicheskij rost i vektor razvitiya sovremennoj Rossii / Pod red. K.A. KHubieva*. M.: Teis. 2004.

18. *YAsin E.* Bremya gosudarstva i ehkonomicheskaya politika (liberal'naya al'ternativa) // *Voprosy ehkonomiki*. 2003. № 1.

19. *YAsin E.* Modernizatsiya rossijskoj ehkonomiki: povestka dnya // *Modernizatsiya rossijskoj ehkonomiki*. Kn. 1 / *Otv. red. E. YAsin*. M., 2002.

20. *YAsin E.* Perspektivy rossijskoj ehkonomiki: problemy i faktory rosta. M.: *Rossijskaya ehkonomika*. MVEHSHE, 2002.

21. *YAsin E.* Funktsii gosudarstva v rynochnoj ehkonomike // *Voprosy ehkonomiki*. 1997. № 6.

Ф.И. ГИРЕНКОК

**Россия: что делать, когда мы не понимаем,
что нужно делать?**

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам современного состояния России. Текст состоит из двух частей. В первой части автор анализирует особенности устройства России и делает вывод о том, что лучше ничего не делать, чем что-либо делать наобум. Во второй части автор рассуждает об истории и приходит к выводу о том, что история все-таки закончилась и началась эпоха принципиальной неопределенности. По мнению автора статьи, в ситуации неопределенности, в первую очередь, необходимо обратить внимание на образование и воспитание детей. Важную роль в этом воспитании должна играть философия, ибо она учит говорить от своего имени и уклоняться от пустых разговоров на языке другого. Автор подчеркивает,

что не менее важно решить вопрос о собственности, о структурировании общества и о понимании того, что есть экономика.

Ключевые слова: устройство России, российское общество, российская элита, конец истории, образование, философские журналы в России, кризис гуманизма, русское сознание, русский космизм, современная Украина

Abstract. Article is devoted to actual problems of a current state of Russia. The text consists of two parts. In the first part the author analyzes features of the device of Russia and draws a conclusion that it is better to do nothing, than to do something at random. In the second part the author argues on history and comes to a conclusion that the history after all ended and began an era of basic uncertainty. According to the author of article, in an uncertainty situation, first of all, it is necessary to pay attention to education of children. In this education the philosophy has to play an important role because it learns to speak on own behalf and to evade from insignificant talks in language of another. The author emphasizes that it isn't less important to resolve an issue of property, of structuring society and of understanding of that there is an economy.

Key words: the device of Russia, the Russian society, the Russian elite, the end of history, education, philosophical magazines in Russia, crisis of humanity, Russian consciousness, the Russian cosmism, modern Ukraine.

Первая часть

1. Когда мы не знаем, что делать, а делать что-то надо, нужно обратить внимание на детей и на тех, кто с ними работает. Почему? Потому что дети могут научиться говорить, не научившись думать. Приведу два примера.

Один из истории Гражданской войны в России. Мой дед, георгиевский кавалер, Иван Жердев во время Гражданской войны три раза сам со своими детьми смог построить дом, потому что их три раза сжигали то белые, то красные. Он научил детей быть самостоятельными.

Другой пример из истории гражданской войны на Украине. У меня в Киеве живет одна знакомая семья. В ней есть отец, мать и сын. У папы и мамы университетское образование. Мама закончила МГУ. У их сына украинское образование. Сейчас ему далеко за 30. Он поклонник Бандеры. Борец за независимость Украины от России. Сын терроризирует отца и мать. Отец сбежал от сына в Крым и принял гражданство России. Сын называет отца сепаратистом. Мать осталась

с сыном в Киеве. Она мало-помалу начала принимать его взгляды. Приехав однажды в Москву, она удивилась, что мы не умираем с голоду. И позвонила сыну. Сын пообещал посадить ее на карантин за то, что она поверила русской пропаганде.

На Украине сформировано целое поколение молодых людей, которые не имеют с нами ничего общего. У них другой Ярослав и другой Владимир. Они не читали Булгакова и не поют военные песни. Мы ментально не похожи. Они могут уверять нас, что при немцах украинским крестьянам было спокойно работать и наслаждаться плодами своего труда. Для нас это безумие. Возможно, они создадут национальное государство. Они, видимо, знают, что надо делать. Но вряд ли они понимают сделанное.

2. Для того чтобы наши дети не сажали нас на карантин, нам нужно научить их строить вокруг себя барьеры. Зачем? Затем, чтобы быть умными. Чтобы ничто не смогло проникнуть в наших детей, не спрашивая на то их разрешения. Как строить эти барьеры? Очень просто. Нужно приучить детей к чтению русских сказок, а затем приобщить их к русской литературе и просмотру фильмов, в том числе мультипликационных, из классического репертуара. И слушать радио «Орфей». В завершении приобщить детей к философии. Давно уже нужно выкинуть из системы образования не любимый мною предмет под названием «обществознание». И немедленно ввести в образование философию. Начинать можно с сочинений Г.П. Федотова, а заканчивать — А. Камю или Ортега-и-Гассетом. Философия научит наших детей говорить от своего имени и уклоняться от пустых разговоров на языке другого.

3. Если мы не понимаем, что делать, то значит у нас проблемы с культурой. Что такое культура? Это то, что в нас понимает за нас. Если она есть, то мы не спрашиваем каждый день, просыпаясь, что нам делать. Есть вещи, которые за нас уже решила наша культура, и нам не надо всякий раз заново что-то придумывать. Например, мы православные. Но это значит, что, как говорит Н. Ростова, религия не личное дело каждого [2, 181—190].

4. Если мы не понимаем, что делать, то это значит, что у нас проблемы с элитой. Вернее, это знак того, что ее нет. У нас нет политиков и депутатов, у нас есть, как говорил Данилевский, шуты гороховые. У нас нет министров. Ведь министр в России — это империалист. А не тот, кто однажды прочитал журнал «Финансы и кредит» и стал магистром. Нельзя быть членом правительства, не проштудировав «Россию и Европу» Данилевского, не читая Стебута и Чайнова с Кондратьевым. Депутат не тот, кто выгодно примкнул к партии и съездил

в командировку в Америку. А тот, кто изучал «Письма о русской культуре» Федотова и наладил свое дело. Мы смотрим на наше правительство, и нам не до смеха. Мы смотрим на бизнесменов и говорим про себя: воры.

Для того чтобы у нас появилась элита, нам нужно решить вопрос о собственности. Пока мы верим Прудону, который сказал, что собственность — это кража, никто нас не убедит, что у нас есть элита. Нам не сможет помочь ни пятый, ни шестой технологический уклад, если мы точно будем знать, что политика — всегда ложь и демагогия. Элиту выбирают не на выборах. Ее растят. Наша нынешняя элита абсолютно не легитимна. Пока мы думаем, что все из правящего класса должны отвечать за содеянное, за разорение России, элита не может быть элитой.

5. Если мы не понимаем, что нам нужно делать, то это значит, что у нас проблемы с учеными и особенно с философами. Вы думаете, что в журнале «Вопросы философии» кипят страсти, бушуют дискуссии? Нет, вы ошибаетесь. Там болото, тина и лягушки квакают. Там заняты историей мысли, там все еще читают и перечитывают Маркса и Спинозу с Гегелем. Наши философские журналы не знают, что им делать. Они нас все еще просвещают в делах континентальной и аналитической философии. Хотя решение вопроса о просвещении давно уже решено в мифе Платона о пещере и, конечно, в рассуждениях Канта. Эти журналы не учат думать, они учат говорить на языке другого и предназначены исключительно для расширения кругозора посредственных преподавателей. Им нужны фактура и объективность. Нам нужны концепты.

6. Если мы не понимаем, что делать, то это значит у нас проблемы с обществом. Это значит, что у нас его нет. Для того чтобы было общество, нужен самообман, разрыв между тем, что мы чувствуем, и тем, что мы говорим. Никто из нас не хочет себя обманывать. Поэтому у нас нет социальных групп с ясно выраженной позицией, с четкими взглядами. У нас нет социальных институтов, на которые мы могли бы полагаться. У нас есть аморфное общество, множество непониманных других. Для того чтобы у нас возникло общество, нам нужно не объединяться под какими-то выдуманными титулами, а нужно структурироваться. «Россиянин» нас не структурирует. Это всего лишь пустышка для чиновников. Я — русский и никогда не буду россиянином. Но я знаю обрусевших немцев и люблю их.

Что значит структурировать общество? Это значит отделить человека от места, которое он занимает. Структура — это место, а не человек, который его занимает. И связь между местами, а не антропо-

логия их качеств. Где есть структуры, там есть и социальные машины. Но там уже не будет ручного управления.

7. Если мы не понимаем, что экономика — это не финансы, то это значит, что у нас нет ни того, ни другого. Экономика нам нужна не для того, чтобы продавать нефть за границу, а для того чтобы у нас были рабочие места. А финансы нам нужны не для того, чтобы считать, кто и сколько украл из бюджета, и не для того, чтобы обменивать рубли на доллары, а для того, чтобы у нас в стране были условия для обмена, чтобы вообще был возможен обмен между людьми. Конечно, придет время, когда производство не будет нуждаться в людях, а люди — в производстве. И тогда мы займемся практиками дословного. Сегодня наши финансы — это согласованная с Западом галлюцинация. А наша экономика — это бред, согласованный производителями сырья с его потребителями.

Пояснения к первой части

История

Исторический взгляд на вещи предполагает, что все мы находимся внутри того, что когда-то началось и когда-то должно закончиться. Нам казалось, что все имеет свое время. Все конечно. И мы конечны. И поэтому слово «понимать» означало для нас одно — идти в ногу со временем. Но иногда нужно идти не в ногу со временем. И нужно понимать, когда это следует делать.

До недавних пор в России понимали, что нужно делать. В результате мы стали очень большими с богатыми природными ресурсами.

Однако вечное возвращение к одному и тому же заставило нас отказаться от времени. Вернее, заставило нас признать в нем плодотворную иллюзию. И теперь, когда мы говорим о времени, всем нам нужно иметь в виду, что мы говорим об искривленном пространстве.

История все-таки закончилась. И теперь то, что мы можем начать делать, не будет иметь шансов на успех, не сможет завершиться, закончиться. То, что не может завершиться, не может иметь начала.

Особенность существования нас, русских, состоит в том, что мы научились переживать развязку конца, не испытав радости завязывающего начала. Мы никогда не были при рождении смысла, но мы всегда были на похоронах события. Мы и сейчас хороним Европу, хороним Россию 1917 г., как похоронили до этого Ренессанс, гуманизм и социализм. И вот теперь мы хороним похороны, т. е. самих себя. Что же нам делать, когда мы не понимаем, что нужно делать? Видимо, полагаться на авось.

Авось

Европейского человека воспитала агора. Местом же мысли и чувств русского человека была не агора, а церковь. Наша философия — это не когитальная философия. Наша философия — философия «авось». Что это значит? Это значит, как удачно разъяснил в свое время В. Ключевский, что мы мыслим так же, как ходим. А ходим мы не по прямой, а окольными путями, по тропинкам и проселкам. Поэтому у нас не гнозис, не знание, а фронтисис. То, что способно направлять человека вне связи с его рассуждениями. Так складывались наши практики дословного, наше авось.

Мудрость души

Дословность требует не метафизики, а контакта, прикосновения к вещи самой по себе. Мы не любим посредников. Нам нужно то, что греки называли мудростью души. По словам Ксенофонта, Сократ вселил в своих последователей прежде всего мудрость, а лишь затем умение говорить и действовать. Ибо те, кто умеет говорить, не имея мудрости, наиболее несправедливы и наиболее способны творить зло. Особенно опасны сегодня политики, философы и финансисты, ибо их ум редко связан с душой. Они умеют анализировать, но, как правило, не умеют синтезировать.

России не нужна интеллигенция, не нужна развязность ее ума. Ибо она и погубила всех нас. И продолжает губить. России нужна новая элита. Нужен ум, связанный с душой. Нам нужны практики дословного [1].

Конец истории

Россия своей кентаврической природой забросила нас на «концы» истории. Конец истории — это не часть истории, а разрыв с нею. И вот на этих «концах» прямая истории пророка Даниила вновь свернулась в кольцо. Она взвешена и найдена очень легкой, ибо в ней не оказалось точек, называемых раем и адом. Без них история исчезает, и вместо нее проступает не знающий истории космос.

Космос

Христиане когда-то освободили нас от объятий мира, вынув человека из космоса и отдав его Богу. Человек был поднят над миром. Мир опустел и стал называться природой. Вернуть человека на место попытался русский космизм. Но в природе уже не было места для человека и его души. И тогда русские философы стали сооружать особую сферу, в которой должна была разместиться наша душа. Флоренский назвал ее пневматосферой. Вернадский — ноосферой. Европейские философы и, прежде всего, Ницше решили вернуть человека при-

роде, дав ему новое имя — «сверхчеловек». Нам не нужны сверхлюди. Нам нужны святые, гении и порядочные люди.

Не от мира сего

Пустой природой мы заплатили за возможность существования человека не от мира сего, за наше несовпадение с явлениями природы. Когда-то греки подчинили человека и его богов идее целого, космоса. Мы не греки. Мы христиане. Мы покинули этот космос, оставили нашу землю и пошли за Спасителем. Конечно, христианская культура погасила в нас чувство радости от земной жизни. Мы потеряли интерес к миру фактического. Наука, пользуясь случаем, превратила пустую природу в бесконечную плоскость, сделав человека одномерным.

Гуманизм

Пока у нас была мысль о Боге, мы могли поднять себя над собой и удержать себя на этой высоте. Но что человек может сделать, если у него нет Бога? Если мы сами его убили, если он не родился в наших душах? Только падать в низость низкого и обсуждать проблемы секса с роботами. Гуманизм убил в нас человека. Чем лучше создавали мы общество, тем хуже становились сами. Теперь машины могут думать вместо нас. Но пока мы грезим и у нас есть сознание, мы будем делать то, что никакие машины никогда не смогут сделать: воображать и вообразаемое соединять с реальностью.

Литература

1. *Гиренок Ф.И.* Археография наивности // *Философия наивности*. М.: МГУ, 2001.
2. *Ростова Н.Н.* Не-личное дело религия // *Философия хозяйства*. 2012. № 5.

References

1. *Girenok F.I.* Arheografiya naivnosti // *Filosofiya naivnosti*. M.: MGU. 2001.
2. *Rostova N.N.* Ne-lichnoe delo religiya // *Filosofiya hozyajstva*. 2012 № 5.

Г.Н. ЦАГОЛОВ

Куда пришли, куда идти

Аннотация. В статье рассматриваются составляющие понятия «мягкая мобилизация», дается диагноз текущего состояния российской экономики и высказываются рекомендации по ее оздоровлению.

Ключевые слова: капитализм, социализм, планово-рыночная система, новое интегральное общество.

Abstract. The article describes the content of the category of «soft mobilization», it gives the diagnosis of the current situation in Russian economy and suppose the recommendations to its sanitation.

Key words: capitalism, socialism, planned-market economy, the new integral society.

Постановка темы дискуссии «Российская экономика: мягкая мобилизация?» весьма актуальна. Термин «мобилизация» применяется в военной сфере и означает совокупность мероприятий, направленных на приведение вооруженных сил и государственной инфраструктуры в военное положение в связи с чрезвычайными обстоятельствами. Впервые это слово было применено для описания мероприятий, проводимых Пруссией в 1850—1860 гг. В XX в. появился термин «экономическая мобилизация», под которым стало пониматься сосредоточение усилий для противодействия угрозам существования страны как целостной системы. Другое определение гласило, что это комплекс мер, направленных на выход экономики из кризиса. В истории нашей страны экономическая мобилизация применялась, например, в период «военного коммунизма» и во время Великой Отечественной войны.

Профессор А.А. Аузан отметил, что мы находимся в глубокой кризисной ситуации и привел в качестве иллюстрации тот факт, что доля нашего ВВП сократилась с 10% до менее 3% мирового ВВП. Есть и другие оценки, но и они не многим лучше. Такое положение требует, конечно, каких-то чрезвычайных мобилизационных мер.

Но если экономика больна, то, прежде всего, логичен вопрос о характере заболевания. Нашими экспертами выдвигаются разные версии. Недавно мне доводилось слушать одного из наиболее известных и осведомленных ученых-экономистов России академика РАН

А.Г. Аганбегяна. Обрисовав детально картину текущего упадка, он пришел к выводу, что главным движущим моментом деградации является снижение инвестиций в основной капитал. Отсюда его старение и все меньшая отдача. Конечно, такая взаимосвязь существует, и она важна. Но исчерпывает ли этот глубинный фактор на кризис? Думаю, нет.

В.И. Ленин как-то говорил, что тот, кто пытается решить частные задачи, не разобравшись в общих, будет то и дело наткаться на последствия общих задач, не имея даже представления о том, как с ними справиться. Необходимо, прежде всего, определить, в каких условиях мы живем, в каком обществе, в какой экономике. Раньше мы твердо знали, что существуют различные способы производства и общественно-экономические формации. Мы исходили из того, что жили при социализме, правда, бюрократическом. Но где мы сейчас?

На эту тему написано немало книг. К какому же выводу пришли эксперты? К тому, что мы находимся в системе координат сформировавшегося капитализма, причем далеко не высшей пробы. Его надо охарактеризовать как *бюрократическо-олигархический капитализм*. Это не бранное сочетание слов, а диагностика. Мы пребывали прежде в системе бюрократического социализма и ощущали его недостатки. Но вместо того, чтобы сохранить его преимущества и освободиться от пороков, мы просто перевернулись на другой бок. Теперь мы испытываем иные негативы, причем похлеще прежних, и ужасаемся при созерцании ряда несуразиц нашей нынешней экономики. К этому можно добавить и другие черты. То, что наш капитализм полупериферийный. Он также больше спекулятивный, чем созидательный. Таков вкратце диагноз наших экономических хворей, наиболее рельефно выражающихся в охватившем страну длительном экономическом кризисе. В отличие от 2009 г. он не привнесен извне, а, как выражаются часто аналитики, «рукотворен», а вернее, носит имманентный природе нашего капитализма характер.

Из такого диагноза вытекает и ответ на вопрос о том, что требуется для преодоления наших основных невзгод в экономической сфере. И, наоборот, становится понятно, почему многие из даваемых рецептов не срабатывают. Кто-то говорит, что ключ к решению задачи сводится к сокращению налогов в производственной сфере и обложению по прогрессивной шкале потребителей и частных лиц. Другие ратуют за таргетирование инфляции, улучшение климата в деловой сфере. Третьи то и дело призывают совершенствовать институты, бороться с коррупцией. Представляется, однако, что все вышеперечис-

ленные рекомендации направлены лишь на внешние проявления глобального недуга.

Состоявшиеся четверть века назад и чуть позже «реформы» имели далеко идущие последствия. Дело не ограничилось тем, что под ударами «шоковой терапии» нищали десятки миллионов наших соотечественников, пенсионеры лишались всех своих сбережений, а многие просто вымирали. По рекомендации «Вашингтонского консенсуса» было ликвидировано худо-бедно действующее плановое хозяйство и вымощен путь вначале к бандитскому, а затем и бюрократическо-олигархическому капитализму. Именно отсюда идут тенденции паразитизма и загнивания, имеющие самые различные формы проявления, в том числе и нынешнее состояние российской экономики.

Если мы приходим к такому выводу, то возникает вопрос о рецептуре излечения, выводе нашего хозяйства из текущего состояния. И при этом не следует надевать шоры и рассуждать лишь о России. Стоит оглядеться на весь мир. Важно понять, что сделали другие страны при реформировании бюрократического социализма. Не нашли ли некоторые из них правильный путь? Если да, то не надо ли присмотреться к нему?

Мы видим, что Китай и Вьетнам провели грамотные «перестроения» и, расставшись с бюрократическим социализмом, сохранили многие достоинства этого строя и не перешли к ущербному капитализму. При этом в Китае реформы начались задолго до наших, и можно было бы использовать их опыт, чтобы не промахнуться. Но мы от этого отвернулись. Мне не раз приходилось писать об этом. Дэн Сяопин говорил, что «не важно, какого цвета кошка, важно, чтобы она ловила мышей». Затем появилась формула «социализма с китайской спецификой». Теперь многие китайские ученые говорят о поддержании разумного симбиоза между социализмом и капитализмом. В Китае, на мой взгляд, построено новое интегральное общество, в котором присутствует комбинация социалистических и капиталистических отношений (подробнее см.: [2]). Там успешно претворяется в жизнь 13-й пятилетний план. На протяжении последних десятилетий отсутствуют экономические кризисы. Ежегодные темпы роста ВВП, хотя и несколько опустились, но составляют около 7%. Китай стал второй после США экономикой мира. Жизненный уровень его населения неуклонно растет.

Вьетнам учился не только на положительном опыте китайских преобразований, но и на ошибках наших реформ. Руководство коммунистической партии Вьетнама на своем VI съезде в конце 1986 г. провозгласило политику обновления — по-вьетнамски — *дой мой*. Однако

лидеры Вьетнама решили начинать не с расшатывания устоев политической власти, а с конкретных преобразований в хозяйственной сфере. Кто-то даже обозначил формулу: дой мой = «перестройка минус гласность». Патриотически мыслящие вожди партии и государства как будто заранее предвидели, что произойдет с Россией, где под шумок деклараций о «демократических реформах» развалили все, что было связано с социализмом, экономикой и государством. За последние четверть века ВВП на душу населения Вьетнама увеличился в 6 раз, а темпы экономического роста составили около 8%, являясь вторыми в мире после Китая (подробнее см.: [3]).

Постараемся теперь раскрыть содержание понятия «мягкая мобилизация». Что же это означает? Какие цели нам надлежит преследовать? Думается, необходимо вернуться к плановой системе хозяйствования. Но не к той плановой системе, которая существовала прежде, а к системе в новом виде: она должна регулировать лишь самые важные пропорции хозяйства, отдавая на откуп рынку все остальное. Тогда экономика окажется во власти закона планомерного, пропорционального развития, на смену хаоса и стагнации придут поступательные темпы роста и гармоничное развитие. Содержание и цели «мягкой мобилизации» довольно ясны — необходимо создать планово-рыночную систему экономики, находящуюся под контролем сил, выражающих интересы подавляющего большинства нашего общества, а не его бюрократическо-олигархической касты. Для этого не обязательны революции, но необходимо видеть ориентиры.

Если мы этого не сделаем, то будем непрестанно о чем-то говорить, встречаться на конференциях, указывать на те или иные вопиющие проблемы, а воз по-прежнему будет там. Правда, здесь есть еще один важный момент. О необходимости вышесказанного не так уж редко говорится, но к этому не прислушиваются, что неслучайно. Олигархии и высшей бюрократии это не интересно. У них свои форумы типа Гайдаровского.

Известный деятель А. Вассерман в своей новой книге «Чем капитализм хуже социализма» сделал такой вывод: развитие информационных технологий позволит в скором времени заменить рынок плановым регулированием и обеспечить победу социализма во всем мире (см.: [1]).

В заключение отметим, что ближайшее будущее, на наш взгляд, связано с формированием нового интегрального общества, сочетающего в себе аванжные черты двух предыдущих формаций, при желательном преобладании социалистических компонентов. Такой жизне-творный симбиоз следует принять за основу при выстраивании эконо-

мической стратегии нашей страны. Слово «социализм» не должно быть пугающим. Да, в первом его издании мы обожглись на том, что так и не нашли способа контролировать верхи со стороны народа. Но ведь это можно сделать, о чем опять же говорит опыт таких стран, как Китай или Вьетнам.

Известный американский писатель Фрэнсис Скотт Фитцджеральд заметил, «проверкой подлинного разума является способность удерживать в сознании две прямо противоположные идеи и при этом сохранять способность действовать».

Литература

1. *Вассерман А.* Чем капитализм хуже социализма. М.: АСТ, 2017.
2. Новое интегральное общество. Общетеоретические аспекты и мировая практика / Под ред. Г.Н. Цаголова. М.: Ленанд, 2016.
3. *Цаголов Г.* Тайны Малого Дракона. Куда идет Вьетнам? Чему у него поучиться? М.: Экономика, 2013.

References

1. *Vasserman A.* Āem kapitalizm huĹe socializma. M.: Izdatel'stvo AST, 2017.
2. *Novoe integral'noe obĹestvo.* ObĹeteoretiĹeskie aspekty i mirovaâ praktika / Pod red. G.N. Cagolova. M.: Lenand, 2016.
3. *Cagolov G.* Tajny Malogo Drakona. Kuda idet V'etnam? Āemu u nego pouĹit'sâ? M.: Ēkonomika, 2013.

В.М. КУЛЬКОВ

Российское системное перестроение и колеи экономического развития

Аннотация. Содержание российского системного перестроения связывается в статье с осуществлением модернизации российской экономики и формированием адекватной национальной экономической системы. Особое внимание уделяется роли новой индустриализации. Дается оценка роли старых и новых «колеи» в развитии России.

Ключевые слова: национальная экономическая система, национально-ориентированная альтернатива глобализации, новая индустриализация, эффект колеи.

Abstract. In the article the content of the Russian system rebuilding is linked to the implementation of modernization of the Russian economy and the formation of an adequate national economic system. Special attention is paid to the role of the new industrialization. The evaluation of path dependency in Russia's development is given.

Key words: the national economic system, national-oriented alternative to globalization, new industrialization, path dependency.

Российское системное перестроение, проблемам и путям которого была посвящена интересная и содержательная научная конференция (МГУ имени М.В. Ломоносова, декабрь 2016 г.), должно, как представляется, быть нацелено на осуществление модернизации российской экономики и формирование адекватной национальной экономической системы. Трансформация, происходившая в России в недавние 1990-е гг., оказалась оторванной и от модернизации, и от подлинного национального моделирования: в итоге не получилось ни синхронизации, ни триединства этих процессов. И мы до сих пор не можем поэтому утверждать, что переходный период в России завершен [1, 47].

Курс на модернизацию, выстраданный и сверхвостребованный в России, «сдулся» во многом под влиянием конъюнктуры политического цикла рубежа 2010-х гг. и двух последних экономических кризисов, присутствуя только в форме красивых оберток «Стратегии инновационного развития». Что же касается национальной экономической модели (системы), то она с самого начала была деформированной — и не в силу пресловутых деформаций конкурентной и институциональной среды, как принято считать, а прежде всего, потому что слабо соответствовала всему комплексу национально специфических факторов и целей экономического развития, присущих России.

Национальная экономическая система как выражение экономической самоидентификации страны должна быть шире и объемнее стандартной системы, описываемой известным теоретическим мейнстримом. И если определять ее структуру, то она должна содержать не только национальные спецификации универсальных характеристик (по принципу «общее и особенное»), но и отклонения от них и, более того, национальные эксклюзивы, свойственные только данной стране. Она представляет собой своего рода проекцию «локальной цивилизации»

на национальную экономику. В этой связи к самим явлениям деформации надо относиться дифференцированно: одно дело — негативные деформации, связанные с неразвитостью рыночного типа экономики (которые чаще всего и имеются в виду), и другое — деформации как отклонения, вызванные особенностями национальной среды как таковой. Это, в частности, относится к роли государства в российской экономике, которая на разных этапах отечественной истории была более значимой и заметной.

В период, начиная с рубежа 1980—1990-х гг. — особенно после трудов видного представителя институциональной экономической теории Д. Норта [2, 125—130], — появилось немало работ, привлекающих внимание к проблеме «зависимости от предшествующего развития» («эффекта колеи»), а в последнее время и работ российских авторов, посвященных более конкретной проблеме отечественной «колеи». При этом нередко эта «колея» трактуется в негативном свете («как бы с нее сойти»). Как представляется, вывод о благе или антиблагости национальной «колеи» должен учитывать широкий набор критериев, и они не должны сводиться только к узкоэкономическим критериям. Надо вначале определиться именно с этим — с набором критериев. Многие российские ценности кому-то кажутся нелиберальными, а значит — заведомо непродуктивными, но ведь многие из них имеют государствообразующее значение, консолидируют общество, страну — и в этом отношении жизненно необходимы. Они исторически воплотились в жизнестойкости и могуществе российской державы, что само по себе является выражением успеха. Нацеленность на национальную консолидацию, ориентация на общие цели и интересы должны присутствовать при оценке исторической «колеи» национального развития, и тогда выводы могут быть совершенно иными.

Кроме того, за последние 25 лет рыночного развития появились многие новые «колеи», по оценке которых пора провести инвентаризацию, поскольку они тормозят наше развитие. Это, в частности, гипертрофия финансового подхода, заикленность на финансовой стабилизации и антиинфляционных задачах как «идея-фикс», монополизм определенной школы и ее представителей. Прежде чем бороться с российской исторической «колеей», надо подумать, как выйти из той новой колеи, в которую мы попали в экономике и которая связала наше развитие по рукам и ногам. И в целом стоило бы дать комплексную оценку той «колее», в которую втиснули Россию с начала 1990-х гг. и которая обрекла отечественную экономику на глубокую деградацию и губительные диспропорции.

В современной России сложилась (как результат «колеи», тянущейся с 1990-х гг.) специфическая система, или квазисистема, направленная не столько на развитие, сколько на сохранение ложно понимаемой стабильности (экономической, социально-политической и пр.), адекватно отражаемая осуществляемой макроэкономической политикой. В центр такой системы и политики выдвинут финансовый аспект: финансовая стабилизация с характерными для нее консервативной бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политикой, бюджетной консолидацией, стерилизацией нефтедолларов, инфляционным таргетированием и т. п. Если разобраться, то такой подход спорен даже для краткосрочного периода (ведь известны, по крайней мере, кейнсианские рецепты стимулирования выхода из кризисно-депрессивной экономики), тем более если этот подход перенести на долгосрочный период. А если принять во внимание более широкий спектр финансовых параметров, к которым привязывалась макроэкономическая политика, то этой уже сложившейся в России «колее» — при всех ее видоизменениях — 25 лет. И тогда это можно считать выражением не просто макрополитики, а экономической системы, которую надо как-то цельно идентифицировать — возможно, как систему «макроэкономического выживания» или «инертного хозяина» (по аналогии с известной институциональной моделью государства Мак-Гира и Олсона). И хотя, как известно, нельзя прямо отождествлять политику и систему, но многолетнее и хроническое угнетение системы однопольной экономической политикой и инертными институтами способно вызвать ее существенные изменения (по крайней мере, глубокие деформации) в способах координации, типах присвоения, институциональных взаимодействиях, т. е. в системных характеристиках экономики. Такая система (точнее — квазисистема) обречена на застой и не имеет перспективы.

Если же говорить о более общих и широких процессах, то такими «колеями» стали финансизм и постиндустриализм вкуче с глобализацией. Об этих трех процессах (трендах) не говорил в последние десятилетия только ленивый. Отсылка к ним стала чуть ли не ритуальной. Между тем такая установка дезориентировала теоретиков и практиков, во многом исказила формирование мышления молодых экономистов, породила всякого рода «флюсы» — причем все равно, кто продвигал и в какую общественную форму облакал ту же глобализацию или тот же постиндустриализм — в либеральную или социально-ориентированную. Одинаковым был результат: пренебрежение к реальному сектору экономики, к материальному производству, к индустриальному базису, к национальной ориентации, безудержный уни-

версализм и «прогрессизм». С точки зрения глобалистов (добавим: и финансистов, и постиндустриалистов), «конечной целью глобализации должно стать “растворение” национального в глобальном вплоть до исчезновения первого ... такого рода подход сопровождается призывами о необходимости разрыва с “национальной аксиоматикой”» [4, 18].

В современном мире зреет протест против глобализации в ее сложившейся форме: причем протест не столько социально-ориентированный (как это было в последние десятилетия — в форме антиглобализма и альтерглобализма), сколько национально-ориентированный. Вызревает новая альтернатива глобализации, идущая от национально-ориентированных сил (включая евроскептиков, сторонников брексита и т. п.), желающих поднять роль национальных интересов, растаптываемых глобализацией. В этом ряду объективно находится и Россия. Нашими союзниками становятся те, кого у нас, как и на либерально-социалдемократическом Западе, до недавнего времени считали периферийными или даже маргинальными силами. Россия заинтересована в укреплении этих сил, в расширении их влияния (конечно, я не беру крайних радикалов: не о них разговор). Надо преодолевать инерцию обвинения европейских консерваторов, уходить из той «колеи» политкорректности, куда нас заталкивали много лет.

Что здесь видится наиболее ценным — учет традиций, национальных интересов, разрушение однополярного мира, тоталитаризма и универсализма, вырастающих из глобализации. Это выгодно нам не столько в краткосрочном аспекте, сколько в долгосрочном: ведь вырастает новая модель глобализации, не подрывающая национальных интересов и национального своеобразия, новая структура отношений, новые принципы сотрудничества. Такая новая конфигурация должна находить свое выражение и в политике — не только внешней, но и внутренней, в ценностных установках. Стоит напомнить слова Президента РФ В.В. Путина из знаменитой Валдайской речи 2013 г.: «Наше движение вперед невозможно без национального самоопределения... Вопрос обретения и укрепления национальной идентичности носит для России действительно фундаментальный характер» [3].

Эта выросшая потребность должна находить свое выражение и в теоретических исследованиях. Экономическая идентификация России нуждается в адекватном теоретико-методологическом оформлении. Стоит более внимательно посмотреть на сочетание не только принципов методологического индивидуализма и холизма, но и принципов методологического национализма и универсализма, на способы

включения национального ракурса в экономическую теорию, на адекватные формы отражения национальной специфики. Было бы полезным заново (с учетом новых реалий) оценить теоретическое наследие исторической школы, подумать над его адаптацией к нынешним условиям. Стоит отметить в этой связи, что в 2016 г. исполнилось 175 лет со дня выхода в свет фундаментального труда Ф. Листа «Национальная система политической экономии», и было бы уместным вспомнить С.Н. Булгакова, считавшего бессмертной заслугой Листа его указание на то, что экономическая жизнь протекает в рамках национального государства.

Российское системное перестроение должно вбирать в себя названные процессы, идущие в мире и крайне актуальные для России. Оно должно учитывать также и новую индустриализацию, которая, на наш взгляд, может быть представлена как совокупность трех процессов: реиндустриализации (восстановления утраченной промышленной базы при условии сохранения ее перспективы), неоиндустриализации (выхода на передовой индустриальный уровень) и «сверхиндустриализации» (если можно так выразиться), которая представляет собой сочетание нового передового индустриального базиса с информационными технологиями, с экономикой знаний и инноваций (этот процесс особенно явно выражает стратегию опережения). Итак, восстановление, преодоление отрыва и опережение — вот триединство новой индустриализации, способной вывести экономику страны из «колеи» деиндустриализации, в которой она оказалась с 1990-х гг.

Именно такая новая индустриализация может и должна стать стержнем модернизации и формирования адекватной экономической системы России. Чрезмерный акцент на постиндустриализме задает неточные ориентиры, отрывает от реальности, девальвирует фундаментальную роль индустриального базиса и важное значение промышленной политики, укрепляет глобалистский, универсалистский взгляд на современные процессы, разрывает связь с национальными ценностями и интересами — и здесь либеральные и социально-ориентированные сторонники постиндустриализма льют воду на одну и ту же мельницу.

Индустриальный базис не исчерпал своего потенциала, его «похороны», прямо скажем, сильно затягиваются. Так называемые «постиндустриальные» инновации предполагают, по крайней мере, индустриальное сопровождение или означают их прямое единство, а так называемая «новая экономика» немыслима без ее соединения с индустриальной основой. Можно сказать, что «новая экономика», скорее, может быть представлена как «постстарая» индустриальная экономи-

ка, но не как чистая постиндустриальная экономика. Именно промышленный базис в силу его масштаба и глубины создает устойчивость материально-технической базы суверенной национальной экономики, возможность удержания и накопления потенциала «новой экономики». Кстати, ведущие страны по-прежнему обозначаются в международных классификациях как «индустриально развитые страны». Рисую романтические перспективы, нельзя отрываться от реальности, от насущных задач и стратегических целей национального развития, от адекватной экономической идентификации России.

Таким представляется влияние различных «колея» (как старых, так и новых) на российское системное перестроение.

Литература

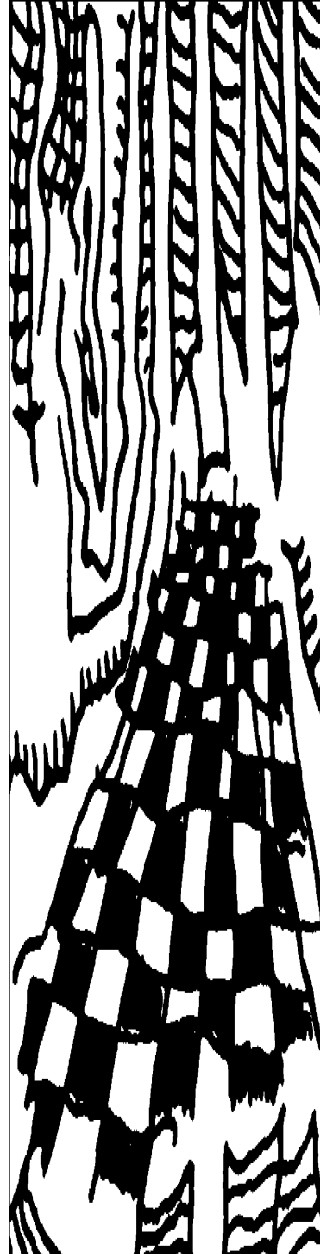
1. *Кульков В.М.* Завершился ли переходный период в экономике России? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 4.
2. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд «Начала», 1997.
3. Речь В.В. Путина на заседании клуба «Валдай». 22 сентября 2013 г. // <http://kremlin.ru/news/19243>.
4. *Рязанов В.Т.* (Не)Реальный капитализм. Политэкономика кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016.

References

1. Kul'kov V.M. Zaveršilsâ li perehodnyj period v èkonomike Rossii? // Èkonomičeskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2015. № 4.
2. Nort D. Instituty, institucional'nye izmeneniâ i funkcionirovanie èkonomiki. M.: Fond «Načala», 1997.
3. Reč' V.V. Putina na zasedanii kluba «Valdaj». 22 sentâbrâ 2013 g. // <http://kremlin.ru/news/19243>.
4. Râzanov V.T. (Ne)Real'nyj kapitalizm. Politèkonomiâ krizisa i ego posledstvij dlâ mirovogo hozâjstva i Rossii. M.: Èkonomika, 2016.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

В.Н. СОКОЛОВ

Дихотомия между категориями: «личный фактор производства» и «человеческий капитал»

Аннотация. В экономической науке категории «личный фактор производства» и «человеческий капитал» находятся в противостоянии, так же как являются оппонентами марксистская и неоклассическая теории. В статье дается подробный анализ невозможности отождествления этих двух категорий. Основа личного фактора производства — человек и его труд, а базис человеческого капитала — капитал с его свойствами накапливаться и обесцениваться, что ничего общего с человеческой деятельностью не имеет. Именно личный фактор производства позволяет распространять и внедрять технологии и обеспечивает смену качественных состояний экономики, а также диверсифицирует ее.

Ключевые слова: личный фактор производства, человеческий капитал, индекс экономической сложности, марксизм, неоклассическая теория.

Abstract. In economics there are categories such as personal industrial factors and human capital which stand against each other like Marxist and neoclassical theories are opponents to each other. In the article there is a detailed analysis of impossibility making an equivalent between two categories. Inherently personal industrial factor is based on a person and one's work and human capital is based on capital and its features of accumulation and depreciation, which it does not have any in common with human activities. Certainly personal industrial factor allows spreading and implementing technologies and stimulating changing the quality of economy and diversifying economy as well.

Key words: personal industrial factor, human capital, economic complexity index, Marxism, neoclassical theory.

Экономическая наука всегда занималась конструированием новых показателей сопоставления стран по уровню благосостояния. Один из первых показателей экономического развития страны — ВВП на душу населения, который разработал в 1930-е гг. нобелевский лауреат по экономике Саймон Кузнец [20]. Данный показатель остается

достаточно популярным и в наши дни среди экономистов и широкой общественности. Одной из причин популярности является простота в сравнении стран по данному показателю. Однако ВВП на душу населения уравнивает между собой следующие группы стран: Швейцарию и Катар, Италию и Кувейт, Россию и Габон [17]. Он не учитывает многие социально-экономические составляющие: характер проводимой экономической политики, диверсифицированность экономики, способность экономики к устойчивому экономическому развитию.

В поисках альтернатив показателю ВВП на душу населения появились следующие экономические индикаторы: чистое экономическое богатство (net economic welfare) [22], индекс человеческого развития (human development index) [14], оценка человеческого счастья Э. Освальда [23] и из последнего — индекс экономической сложности (economic complexity index) [15].

Индекс экономической сложности был разработан двумя латиноамериканскими учеными: профессором Гарвардского университета экс-министром планирования Венесуэлы Рикардо Хаусманном и профессором Массачусетского технологического университета Цезарем Идальго [16].

Лейтмотивом индекса экономической сложности выступает степень диверсифицированности экономики страны. Хаусманн и Идальго построили индекс в контексте теории экономической сложности. Концепция экономической сложности активно противостоит неоклассическому подходу. Она основывается на политической экономии и утверждает, что экономика не находится в равновесном состоянии, а хаотична и динамична.

Многие зарубежные и российские экономисты выступают с критикой неоклассического подхода: Блауг [8], Бронк [9], Кассиди [10], Коландер [11], Дэвис [12], Фармер и Гинакопос [13], Кругман [19], Мировский [21], Симпсон [26], Коппл и Лютер [18], Артур [7], М.Л. Альпидовская [1], Чечелева Т.В. [6], Ельмеев В.Я. [3], В.И. Корняков [4] и др. Как отмечает У. Артур, «неоклассическая экономика существует в платоновском мире порядка, статичности, познаваемости и совершенства. В отсутствии порядка, статичности, познаваемости и совершенства мир неоднозначен, беспорядочен, реален» [7].

Неравновесие в экономике является ее естественным состоянием. У. Артур приводит две фундаментальные причины этого: 1) неопределенность и 2) технологические инновации. Именно новые технологии порождают очередные новые технологии: появление мобильных телефонов породило спрос на средства телекоммуникации, хране-

ния данных, обмен данными, вычислительные алгоритмы и т. д., что обеспечило появление следующих технологий.

По индексу экономической сложности Россия занимает 98-е место из 121, а первое место принадлежит Японии. Существуют некоторые товары, которые не приводят к росту диверсификации в экономике, например, нефть: рядом с таким товаром вряд ли можно создать что-то новое.

Безусловно, драйверами в распространении и внедрении новых технологий выступают человек и его навыки, его компетенция. В экономической науке мы находим два важных, но достаточно разных понятия, характеризующих человека и его навыки: «человеческий капитал» и «личный фактор производства».

Согласно марксизму и неомарксизму, использование в экономической науке человеческого капитала не представляется возможным. Обратившись к экономико-философским рукописям К. Маркса, можно найти, что труд символизирует человеческую деятельность, а капитал детерминирован прошлым и обозначает накопления. Как интересно отметил Э. Фромм, «капитал пахнет нафталином, а, в конечном счете — мертвечиной» [5].

Марксовый антагонизм между трудом и капиталом был основным полем битвы в его исследованиях, здесь в глобальном плане решалась судьба всего человечества, где живое, т. е. труд, возьмет верх над капиталом, над мертвым. Критика Маркса капиталистической системы сводилась к тому, что данная система сделала полностью нежизнеспособной самодеятельность (неотчужденный труд), целью же всех социально-экономических преобразований является возрождение человечества через восстановление самодеятельности. Примером воплощения отчужденного труда в современном мире служит «офисный планктон».

Кроме того, человеческий капитал исключает достаточно важный аспект человеческой деятельности — творчество. Так, концепция человеческого капитала детерминируется гедонистическим отношением к жизни, где модус обладания берет верх над экзистенциальным модусом, согласно фроммовской концепции человека. Однако в экзистенциальном модусе человека проявляются его творческие способности, которые исключает теория человеческого капитала.

Оппонентом теории человеческого капитала выступил Томас Пикетти — французский экономист и автор бестселлера «Капитал в XXI веке», который отметил, что «...понятие капитала исключает человеческий капитал (который не может обмениваться, по крайней мере в нерабовладельческих обществах)» [24].

Кроме того, Т. Пикетти приводит несколько причин, отрицающих жизнеспособность категории «человеческий капитал». Первая причина — невозможность владения человеческим капиталом другим лицом и его обмена. В этом его ключевое отличие от всех остальных форм капитала. Но оппоненты могут выдвинуть тезис, согласно которому услуги можно одолжить в соответствии с трудовым договором — однако делать это можно в течение ограниченного периода времени и нельзя обладать всеми правами в отношении человеческого труда, в отличие от рабовладельческого строя.

Совмещение труда и капитала в экономической категории «человеческий капитал» предполагает определение через теорию стоимости, а потребительная стоимость полностью вынесена на «задворки». Для того, чтобы определить вклад каждого конкретного субъекта труда необходима категория «личный фактор производства».

Общественное развитие определяется уровнем развития производства и его составляющими. Категория «личный фактор производства» соотносится с понятием «вещественные факторы», так как и те и другие детерминируют уровень развития экономики.

Личный фактор производства определяется как человек/индивид, реализующий в производстве свой труд, что предполагает соединение труда с вещественными факторами в производственном процессе. Именно личный фактор производства определяет господствующий технологический базис в социально-экономической системе общества.

Особенности в использовании экономических категорий «человеческий капитал» и «личный фактор производства» представлены на рис. 1 (составлено автором).

Отметим, что именно личный фактор производства является основной силой при внедрении и распространении технологий. Например, развивающиеся страны имеют преимущества перед странами «центра», так как могут смело заимствовать новейшие технологии и лучшие практики при производстве товаров и оказании услуг.

Однако, как часто, бывает, технология есть, но применить и адаптировать ее к своим эндогенным условиям весьма непросто. М. Поланьи еще в 1962 г. выдвинул теорию неявного, личного знания (tacit knowledge) [25]. Явное знание — задокументированное в виде патентов, инструкций, регламентов; неявное (личностное) — знание, которое не может быть передано посредством обучения, например, мастерство шеф-повара.

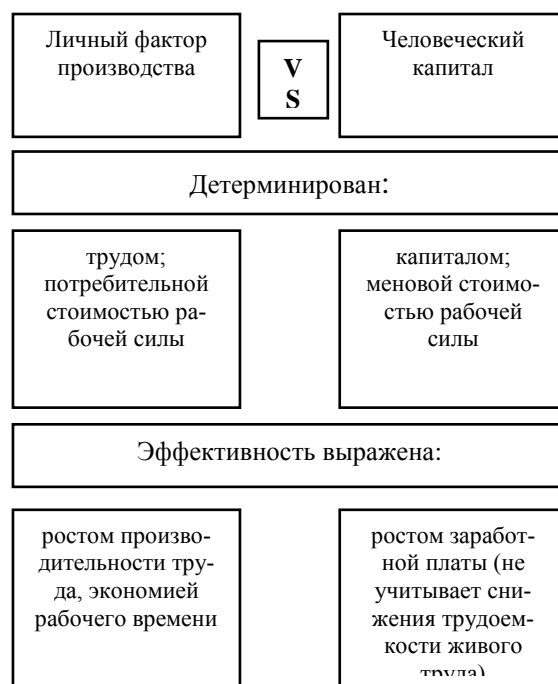

Рис. 1. Дихотомия между личным фактором производства и человеческим капиталом

Именно личное, неявное знание и является основной преградой при имплементации новых технологий и практик в хозяйственной жизни развивающихся стран. Однако здесь основное внимание отдается личному фактору производству.

Россия по технологическому развитию отстает от стран ЕС на 40 — 50 лет, т. е. на два поколения [2]. Безусловно, переход из точки технического развития на более высокую ступень определяется уровнем развития производственных сил и производственных отношений.

Таблица 1

**Уровень расходов на здравоохранение
и образование в России (2013 — 2015), % от ВВП**

Показатели	2013	2014	2015
В	1	2	3
Государственные расходы на образование	4,07	4,05	4,03
Государственные расходы на здравоохранение	3,71	3,69	3,67
Итого государственных расходов на образование и здравоохранение	7,78	7,74	7,70

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка.

Однако в последнее время Россия систематически сокращает государственные расходы на формирование и развитие личного фактора производства (табл. 1). Неуклонное сокращение расходов на развитие образования и здравоохранения, в конечном итоге, не позволит осуществить новый качественный переход экономики. Страна, которая постоянно сокращает государственные расходы в сфере развития человека, лишена будущего.

Литература

1. *Альпидовская М.Л.* Кризис и противоречия современного общества потребления, или По дороге к «новой» экономике // *Философия хозяйства*. 2014. № 4.
2. *Гайдар Е.Т.* Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: АСТ, 2015.
3. *Ельмеев В.Я.* Социальная экономия труда. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007.
4. *Корняков В.И., Альпидовская М.Л.* О «дорожной карте» России и ее месте в мировой экономике: преодоление препятствий // *Вестник Тверского государственного университета*. Сер.: Экономика и управление. 2015. № 1-1.
5. *Фромм Э.* Иметь или быть. М.: АСТ, 2008.
6. *Чечелева Т.В., Супрун В.А.* Информационно-технологический этап в развитии НТР и формирование «новой экономики» // *Бизнес в законе*. Экономико-юридический журнал. 2012. № 2.

7. *Arthur W.B.* Complexity economics: a different framework for economic thought. Oxford : Santa Fe Institute Working paper, 2013.
8. *Blaug M.* The Formalist revolution of the 1950s // *J. History of Economic Thought.* 2003.Vol. 25. No. 2.
9. *Bronk R.* The romantic economist: imagination in economics. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2009.
10. *Cassidy J.* How markets fail: the logic of economic calamities. N. Y: Farrar, Straus and Giroux, 2009.
11. *Colander D., Kupers R.* Laissez-faire activism: the complexity frame for policy. Princeton: Princeton University Press, 2012.
12. *Davis J.* The turn in recent economics and return of orthodoxy // *Cambridge J. Econ.* 2008.Vol. 32.
13. *Farmer J. Geanakoplos J.* The virtues and vices of equilibrium and the future of financial economics // *Complexity.* 2008 .Vol. 14. No. 8.
14. *Haq M.* Reflections on human development. Oxford, UK: Oxford University Press, 1995.
15. *Hausmann R.* The Atlas of economic complexity: mapping paths to prosperity. Cambridge, 2011.
16. *Hidalgo C. Hausmann R.* The building blocks of economic complexity. Cambridge, United Kingdom: Proceedings of the National Academy of Sciences, 2009.
17. *IMF World Economic Outlook Database* // URL://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/02/ weodata/download.aspx (15.10.2015).
18. *Koppl R. Luther W.* BRACE for a new interventionist economics. Fairleigh Dickinson University, 2010.
19. *Krugman P.* How did economists get it so wrong? // *New York Times.* 2009. September 6.
20. *Kuznets S.* National income and capital formation. N. Y.: National Bureau of Economic Research, 1937.
21. *Mirowski P.* Machine dreams: economics becomes a cyborg science. Cambridge, UK: Cambridge university press, 2002.
22. *Nordhaus W. Tobin J.* Is growth obsolete? Economic Research: Retrospect and prospect // National Bureau of Economic Research. 1972. Vol. 5.
23. *Oswald A. Blanchflower D.* International Happiness // National Bureau of Economics Research, 2011. Working paper 16668.
24. *Piketty T.* Capital in the Twenty-First Century. Cambridge, Massachusetts, L., England: The Belknap Press of Harvard University Press, 2014.
25. *Polanyi M.* Personal knowledge: towards a post-critical philosophy. L., UK: Routledge, 1962.

26. *Simpson D.* Rethinking economic behaviour. N. Y.: St. Martin's Press, 2002.

References

1. *Al'pidovskaja M.L.* Krizis i protivorechija sovremennogo obshhestva potreblenija, ili po doroge k «novoj» jekonomike // *Filosofija hozjajstva*. 2014. № 4 (94).
2. *Gajdar E.T.* Dolgoe vremja. Rossija v mire: ocherki jekonomicheskoj istorii. M.: AST, 2015.
3. *El'meev V.Ja.* Social'naja jekonomija truda. Spb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2007.
4. *Kornjakov V.I., Al'pidovskaja M.L.* O «dorozhnoj karte» Rossii i ee meste v mirovoj jekonomike: preodolenie prepjatstvij // *Vestnik tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, serija: jekonomika i upravlenie. 2015, g. 1 — 1.
5. *Fromm Je.* Imet' ili byt'. M.: AST, 2008.
6. *CHecheleva T.V., Suprun V.A.* Informacionno-tekhnologicheskij ehtap v razvitii NTR i formirovanie «novoj ehkonomiki» // *Biznes v zakone. EHkonomiko-yuridicheskij zhurnal*. 2012. № 2.

К.В. ХЛЕБНИКОВ

Является ли традиционная методология исследования экономических явлений, процессов, состояний методологией устойчивого развития?

Аннотация. Конфликтно-компромиссные экономические отношения, отражающие конкуренцию между хозяйствующими субъектами, реализуют задачу устойчивого развития. В свою очередь устойчивое развитие базируется на освоении высоких технологий. Высокотехнологичное производство развивается в Российской Федерации достаточно стремительно. Однако практика требует научного описания, проведения соответствующих научных исследований. Автором анализируются возможности проведения научных исследований на базе традиционной методологии экономической науки. В статье обосновывается вывод о необходимости расширения инструментария научных исследований процессов формирования высокотехнологичных производств. Аргументируются положения, согласно которым

определение трендов динамики высокотехнологичных производств является необходимым условием для прогнозирования временных лагов перехода российской экономики к шестому технологическому укладу. Подчеркивается, что формирование новой экономики объективно требует развития методологии экономической науки, приведения ее состояния в соответствии с изменяющейся практикой и философией хозяйства.

Ключевые слова: высокотехнологичное производство, методология исследования экономических процессов и форм производства, практика и философия хозяйства.

Abstract. Conflict-compromise economic relations, reflecting the competition between business entities, the task of implementing sustainable development. In turn, sustainable development is based on the development of high technologies. High-tech manufacturing is developing in the Russian Federation rapidly enough. However, the practice requires a scientific description of the relevant research. The author analyzes the possibility of conducting research on the base of the traditional methodology of economics. The article substantiates the conclusion of the need to expand the toolkit of research of processes of formation of high-tech industries. Argues the position, according to which the definition of trend dynamics of high-tech industries is a prerequisite for predicting the time lag of the Russian economy transition to the sixth technological order. It is emphasized that the formation of the new economy requires the development of an objective economic methodology, bringing her condition, in accordance with the changing practices and philosophy of management.

Key words: high-tech manufacturing, research methodology of economic processes and modes of production, the practice and philosophy of management.

Мир стремительно меняется. Меняется и технический базис экономики. Меняются экономические отношения и в своей структуре, и в своих характеристиках, и в своих свойствах. Все чаще они превращаются в конфликтно-компромиссные. Одновременно все большее количество ученых подвергает жесткой критике концепции экономического роста, предпочитая им концепции устойчивого развития. Отмеченные (и другие) обстоятельства предъявляют к традиционной методологии экономической науки требования к ее развитию.

Назовем лишь несколько возможных направлений развития методологии экономической науки. Это развитие методологии прогнозирования и моделирования инновационной деятельности, создание ме-

тодологии исследования процессов управления интеллектуальной собственностью (включая методы оценки стоимости интеллектуальной составляющей высокотехнологичного продукта), формирование методологии анализа многоуровневого экономического пространства, создание методологии исследования процессов, формирование и функционирование высокотехнологичных секторов и производств.

Анализ литературы методологической направленности позволяет постулировать несколько утверждений. Во-первых, в изданных за последние десять лет работах новые методологические инструментариумы если и начинают реализовываться, то лишь фрагментарно. В фундаментальном труде М.И. Скаржинского и В.В. Чекмарева присутствуют главы, посвященные институциональной и революционной экономике (см.: [6]). Но их взгляды требуют дальнейшего развития. Во-вторых, в ряде работ предложены теоретико-методологические принципы и подходы к оценке эффективности высокотехнологичного производства [2]. Однако нельзя не заметить высокую степень абстракции ряда положений, высказанных, например, Е. Деруновой [2]. Можно сделать вывод о том, что указанные обстоятельства делают задачу разработки более операционального инструментариума актуальной. С.А. Белов определяет направления совершенствования научно-методического базиса стратегического планирования высокотехнологичных предприятий, однако его подход требует детальной привязки к предприятиям различных секторов экономики [1].

Достаточно интересные положения содержатся в работе Д.Ю. Фраймовича [7], который сформулировал ряд конкретных критериев для характеристики состояний отдельных секторов экономики, разработал показатели определения модернизационного потенциала федеральных округов, создал алгоритм многомерного порядка расчета частных и интегрального индикаторов инновационно-воспроизводственного развития регионов. Идеи, высказанные Фраймовичем, позволяют осуществлять вычисления реализации высокотехнологичных процессов в регионах России. Разработанные им методические положения, учитывающие неоднородность в развитии субъектов, а также динамические аспекты модернизационного функционирования экономических систем, представляют возможность их использования в анализе не только уже имеющих, но и еще только нарождающихся явлений, характеризующих направления перехода к новому технологическому укладу.

Особо следует отметить значимость использования в анализе новых экономических явлений методологических подходов сопоставления высокотехнологичных секторов России и стран ОЭСР, разрабо-

таных В.А. Коцюбинским [4]. Полагаем, что в совокупности с методологическим подходом к созданию современной модели управления инновационным развитием интегрированных систем в высокотехнологичном секторе экономики, изложенным в работе С.А. Измалковой и И.А. Трониной [3], идеи Д.Ю. Фраймовича станут хорошим подспорьем в исследовании проблем устойчивого развития.

Подчеркнем, что произошедшее принципиальное изменение факторов развития привело к изменению качества и форм управления экономикой на макро- и мезоуровнях экономического пространства. Это обстоятельство вкупе с изменением уровня наукоемкости применяемых технологий являет собой необходимость развития классификации отраслей народного хозяйства. Сложность создания новой классификации вытекает из имеющихся точек зрения на место высокотехнологичных производств в экономических системах разного уровня. Может, поэтому исследователи все чаще употребляют понятие «высокотехнологичный сектор» без отраслевой привязки. Или же выделяют высокотехнологичные отрасли высшего и среднего уровней, а также сферу высокотехнологичных услуг.

Не без оснований в рассматриваемом контексте следует вспомнить о том, что целесообразность выделения секторов экономики основывается на понятийном аппарате. Системы национальных счетов в США и Европейская система счетов в ЕС в качестве основания выделения секторов используют вид производимой продукции и формы хозяйствования, особенности реализуемых функций и назначение продуктов деятельности.

В России распределение по секторам осуществляется по КИЕС (классификатор институциональных единиц) Росстата (ранее Госкомстата). В этом случае уместно вести речь о высокотехнологичных, средне-высокотехнологичных, средне-низкотехнологичных и низкотехнологичных отраслях.

Однако с позиции тренда перехода к шестому технологическому укладу такая классификация явно имеет тенденцию к моральному старению.

Вышеотмеченное позволяет на поставленный в названии настоящей статьи вопрос дать отрицательный ответ.

Литература

1. Белов С.А. Экономический профиль и проблематика стратегического развития высокотехнологичного сектора Российской Федерации // Экономические науки. 2015. № 10. С. 54—57.

2. Дерунова Е.А. Оценка формирования и развития российского рынка высокотехнологичной продукции // Инновационная деятельность. 2015. № 4. С. 5—13.
3. Измалкова С.А. Методологический подход к созданию современной модели управления инновационным развитием интегрированных систем в высокотехнологичном секторе экономики // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 18. С.15—29.
4. Коцюбинский В.А. Методологические подходы сопоставления показателей развития высокотехнологичных секторов России и стран ОЭСР // Инновации. 2015. № 4. С. 27—32.
5. Осипов Ю.М. Становящаяся Россия в изменяющемся мире // Философия хозяйства. 2016. № 5. С. 279—281.
6. Скаржинский М.И., Чекмарев В.В. Методология экономической науки / Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. 358 с.
7. Фраймович Д.Ю. Методология интегральной оценки инновационного функционирования социально-экономических систем в условиях модернизации. Владимир: Транзит — ИКС, 2015. 279 с.

References

1. Belov S.A. EHkonomicheskij profil' i problematika strategicheskogo razvitiya vysokotekhnologichnogo sektora Rossijskoj Federacii // EHkonomicheskie nauki. 2015. № 10. S. 54—57.
2. Derunova E.A. Ocenka formirovaniya i razvitiya rossijskogo rynka vysokotekhnologichnoj produkcii // Innovacionnaya deyatel'nost'. 2015. № 4. S. 5—13.
3. Izmalkova S.A. Metodologicheskij podhod k sozdaniyu sovremennoj modeli upravleniya innovacionnym razvitiem integrirovannyh sistem v vysokotekhnologichnom sektore ehkonomiki // Ehkonomicheskij analiz: teoriya i praktika. 2015. № 18. S.15—29.
4. Kocyubinskij V.A. Metodologicheskie podhody sopostavleniya pokazatelej razvitiya vysokotekhnologichnyh sektorov Rossii i stran OEHSR // Innovacii. 2015. № 4. S. 27—32.
5. Osipov Yu.M. Stanovyashchayasya Rossiya v izmenyayushchemsya mire // Filosofiya hozyajstva. 2016. № 5. S. 279—281.
6. Skarzhinskij M.I., CHekmarev V.V. Metodologiya ehkonomicheskoy nauki. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2007. 358 s.
7. Frajmovich D.Yu. Metodologiya integral'noj ocenki innovacionnogo funkcionirovaniya social'no-ehkonomicheskikh sistem v usloviyah modernizacii. Vladimir: Tranzit — IKS, 2015. 279 s.

К.В. МОЛЧАНОВ

**Политико-экономические начала неэкономической идеи:
диалектическое осмысление современной экономики
как другой капиталистической экономики (некоторые
положения, обусловленные продолжением труда Гегеля
«Феноменология духа»)***

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые из основных положений нетрадиционного понимания новой экономики. Эта проблема была осмыслена в авторской современной политической экономии (обсуждаемый предмет не может исследоваться в рамках экономической науки). Обсуждаемая проблема определяет комплекс вопросов, касающихся состояния, развития и применения новых знаний в современной экономике. Основным результатом исследования является выявление указанной проблемы и некоторых ее базовых теоретических положений. Исследование автора ведет к развитию экономической теории и новых представлений, касающихся экономики и социально-экономического развития общества. Кроме того, исследование, дает понимание новых экономических реалий, включая «новые правила игры». Результаты исследования могут быть использованы для развития экономической науки и для определения новых возможностей и путей развития экономики.

Ключевые слова: экономическая наука, современное мышление, современная диалектика, современная диалектическая философия, современная политическая экономия, феноменологии-духа-продолжение (продолжение труда Гегеля «Феноменология духа»), стоимость.

*Статья сформирована по материалам авторского доклада, сделанного на Международной научной конференции «Российское системное перестроение как стратегическая неизбежность: неэкономика, неоиндустриализация, нео-дирижизм», состоявшейся в МГУ имени М.В. Ломоносова 7—9 декабря 2016 г. В статье акцентируется не столько изучение феноменов экономики и новой экономики, сколько осуществление на принципиально новой диалектической основе в авторской *современной политической экономии* а) изменения подхода к пониманию экономики и экономического и б) соответствующего осмысления не только эксплицитных, но и имплицитных экономических феноменов; оба положения органически сочетаются с анонсированным в программе конференции *концептуальным осмыслением с учетом новейших онтологических перемен и тенденций, что также предопределяет востребованную временем гносеологическую преобразовательную и функциональную новизну.*

Abstract. The article discusses some of the main provisions of the untraditional understanding of the new economy. This problem was conceptualized in the author's modern political economy (the discussed subject cannot be explored in economic science). The discussed problem determines the complex of the issues concerning the status, development and application of new knowledge in the modern economy. The main result of the study is to identify this problem and some of its basic theoretical principles. Our research leads to the development of the economic theory and the new comprehensions relating to the economy and the socio-economic development of society. Our research, furthermore, provides the understanding of the new economic realities, including «new rules of the game». The results of the study can be used for the development of the economic science and identify new opportunities and ways of development of the economy.

Key words: economic science, the contemporary thinking, modern dialectics, the modern dialectical philosophy, the modern political economy, the Spirit-phenomenology continuation (the continuation of «Phenomenology of Spirit» by Hegel), value.

Конечно же, можно вообще говорить о новой экономике, об экономическом росте, о благоприятном инвестиционном климате и т. п., например, обо всем том, о чем в последние годы говорят многие чиновники и экономисты. Можно даже разнообразные программы предлагать, сулящие экономический рост и т. п.

Однако возникает вопрос: если все понимают, что необходимо что-то предпринять, чтобы кардинально изменить ситуацию с экономикой — будь то уход от сырьевой модели, или рост экономики, или новая модель экономики, то почему же нет приемлемой программы действий или хотя бы принципа, не то, чтобы с которым все согласились, но чтобы понятно было *нечто качественно новое* — то, что позволило бы, главное, достигнуть требуемых результатов? — ибо все имеющиеся предложения в части экономики, базирующиеся на устаревших нормах и постулатах существующей экономической теории, ни к чему, как показала практика, не ведут. Или лучше сказать так: все известное в части существующей экономической науки в достаточной мере уже устарело и неэффективно, и именно это в современных условиях не позволяет достичь хотя бы сколь-нибудь значимых практических результатов в экономике, особенно в некоторых странах (с учетом определенной оговорки, конечно же: речь в данном случае идет не об имеющихся в экономической науке отдельных новых теоретических положениях и не о решениях отдельных задач, более того, эконо-

мическая наука даже рассматривает некоторые новые теоретические положения и реальные феномены, например, объединенные общеизвестным термином «новая экономика»). Практика подтверждает эти утверждения снова и снова. А российским экономистам по поводу развития российской экономики даже к теоретическому консенсусу прийти не удается, о чем свидетельствует множество разнообразных программ¹ (об этом мы отдельно писали и докладывали на Международной научной конференции в МГУ имени М.В. Ломоносова²).

На наш взгляд, суть ситуации в следующем: существующая экономическая теория настолько уже устарела и изжила себя (опять же, с учетом указанной выше оговорки), что не может предоставить в современных условиях не только ничего принципиально нового, но и даже просто чего-либо хотя бы временно актуального нового, и это утверждение полностью подтверждается практикой последних десятилетий. Более того, можно сказать и о том, что существующая экономическая теория имеет фундаментальные изъяны и многие ошибки, о чем мы отдельно писали [8] и докладывали на ряде международных научных конференций в МГУ имени М.В. Ломоносова³.

Существующая экономическая теория уже практически изжила себя, в силу чего не может предложить решение насущных проблем и иметь свое развитие из себя.

¹Правда, тут имеется еще ряд проблем, одна из которых — несогласованность различных мнений (ученых), зачастую необоснованных, что, в частности, непосредственно следует из неизвестности в науках *суждения*, принципиально важного для осуществления умозаключений и обоснованных выводов, о чем мы уже писали [6]. Несогласованность различных мнений — это серьезнейшая проблема при принятии решений, особенно государственных, а ее преодоление — отдельная задача.

²Наш доклад «Некоторые особенности реализации экономической деятельности в современной России» на Международной научной конференции «Этнонациональное сознание и хозяйственное поведение», состоявшейся в МГУ имени М.В. Ломоносова 16 июня 2016 г.

³Например, «Отторжение экономизма: возврат к экономико-философскому мышлению» (Международная научная конференция «Постреформизм на службе России: вырыв к развитию». МГУ имени М.В. Ломоносова, 5—7 декабря 2012 г.) и «Три из основных причин неудовлетворительности состояния и познания современной российской экономической науки» (Международная научная конференция «Ломоносовские чтения — 2016»: «Экономическая наука и развитие университетских научных школ» (к 75-летию экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова). МГУ имени М.В. Ломоносова 18—20 апреля 2016 г.).

Для решения насущных и глобальных проблем современной экономики и для определения путей ее развития необходимы новые актуальные подходы и осмысления, осуществляемые на основе как *современного мышления*, а не мышления прошлого тысячелетия, так и принципиально новых теоретических подходов и положений.

Поэтому нами вопрос ставится таким образом: если экономистами и чиновниками говорится о некотором продуктивном и эффективном экономическом, о чем-то новом, актуальном и нужном, о программах роста экономики, о неэкономическом и т. п., то следует говорить о нечто принципиально новом в части теории экономики или даже о *новой экономической теории*, уже которая позволит определить программные положения и пути решения насущных задач.

Но почему экономическое сообщество не ставит вопрос о замене или хотя бы о кардинальной переработке или доработке существующей экономической теории? (Отдельные критические мнения, как и наше, существуют, но в целом, как говорится, *воз и ныне там*.)

Ответ прост: *экономическая наука не может создать новые теоретические положения, знания, соответствующие реальности и отвечающие на вопросы о социально-экономическом развитии* хотя бы по следующим трем причинам: а) устаревшие (не соответствующие новым экономическим феноменам и тенденция) мышление и теоретические представления; б) неэффективность инструментов познания и исследований и в) наличие фундаментальных изъянов и многих ошибок, о чем вкратце уже было сказано выше.

А вот в современной диалектике — в авторской *современной диалектической философии*, основные положения которой уже были изложены в ряде наших работ, решение имеется, причем «...нужно сказать раз навсегда, что тщетно желание удержать формы прежнего образования, когда перестроилась субстанциальная форма духа. Они представляют собой увядшие листья, спадающие благодаря напору образовавшихся у их основания новых почек» [2, т. 5, 2—3]. Иными словами, для решения современных насущных задач, не решаемых на основе старой теории, нужно создать нечто новое — новое, которое нельзя взять из устаревшей теории или развить на ее основе; но его нужно определить из нее⁴, хотя опять же его нужно формировать на новых принципах и на основе нового подхода, которые также надо создавать. (По теме всех этих вопросов мы опубликовали ряд работ

⁴Тут имеется важное для диалектики противоречие, которое, по словам Гегеля, *есть корень всякого движения и жизненности* [2, т. 5, 520], в том числе развития экономической теории.

(см., напр., [4]) и сделали доклады на ряде Международных научных конференций в МГУ имени М.В. Ломоносова⁵.)

При этом сразу же просматриваются два положения, с которых целесообразно начать разговор об экономическом новом (далее — *два положения экономического характера*).

Первое — следует говорить непосредственно о некотором *качественно новом экономическом*, о некотором *неоэкономическом*, которое тем или иным образом должно вычисляться, выводиться и т. п.

Второе — следует говорить о создании *новой экономической теории*, позволяющей определить нечто экономико-теоретическое новое, которое далее на новой основе или за счет новых представлений позволит решить насущные вопросы экономической практики и социально-экономического развития.

Понятно, что эти оба положения взаимосвязаны, однако при этом каждое из них представляет собою некоторое *особое* начало для решения насущных задач (для современной России — это и обеспечение роста экономики, на чем Президент России акцентировал внимание общества и Правительства РФ в мае 2016 г., и ее развитие вообще, о чем российские чиновники и экономисты говорят уже достаточно долго).

Оба указанных положения и другие (см. ниже) активно прорабатываются в авторской *современной политической экономии* [4]. Но тут не все так просто, как, казалось бы: вот возьмем, да и все вместе определим и применим новые теоретические положения! Для начала скажем, что все дело в том, что теория современной политической экономии имеет не только диалектические основания, чуждые для материалистических наук, но и принципиально новые, качественно новые посылы, фундаментальные положения, основы и т. д., которых нет в существующей экономической теории, которые *к тому же* еще надо осознать, *которым надо обучиться*, без чего использовать теорию современной политической экономии нельзя. Иными словами, новодиалектическая экономическая область познания, в том числе авторская

⁵Например, наши доклады «Философско-экономические основы теории развития в начале XXI в.» (Международная научная конференция «Российский путь в XXI веке: экономика, политика, общество». МГУ имени М.В. Ломоносова, 5—7 декабря 2001 г.), «Тщетно желание удержать формы прежнего образования...» (Международная научная конференция «Российское перестроение: общество, политика, экономика». МГУ имени М.В. Ломоносова, 3—4 декабря 2009 г.) и «Новые подходы к осмыслению экономической действительности» (Международная научная конференция «Интеллект-революция: свершения и ожидания». МГУ имени М.В. Ломоносова, 7—9 декабря 2011 г.).

современная политическая экономия, весьма проблематична для материалистических наук, ибо базируется на диалектике, которая еще в СССР была серьезно искажена, собственно, поэтому и казалась ошибочной, а теперь вообще понимается как-то отвлеченно, и так и сяк: и как диалог, и как метод, и как учение и т. д. Однако не диалектика была ошибочной, а советские представления о ней, начиная с «законов» диалектики, которые огласил Ф. Энгельс, для весомости прикрывшись ссылкой на якобы соответствующие законы Гегеля. Но у Гегеля таких «законов» нет, да и быть не могло (тут достаточно вспомнить хотя бы понятие закона по Гегелю), и, главное, никто еще не привел соответствующих ссылок на труды Гегеля, однако многие все еще удосуживаются *верить* Энгельсу, что, конечно же, не научно. (Об этом мы писали в ряде наших работ и докладывали на некоторых из указанных в настоящей статье международных научных конференций в МГУ имени М.В. Ломоносова.) Хотя дело даже не в том, что многие будут все еще верить в слова Энгельса. Дело в том, что мало кто знает философию Гегеля, чему свидетельствует фантастическое количество противоречащих друг другу мнений о ней и даже ее искажений, например, «часто встречающееся неверное прочтение Гегеля» [9].

Поэтому разговор по существу обозначенной темы следует сузить (что было реализовано в акцентированных выше двух положениях экономического характера) и начать с обозначения всем понятных моментов, которые могут дать хотя бы общую картину подхода, обосновываемого в авторской современной политической экономии, и получаемых на его основе результатов. Хотя в современной диалектике он был создан и прорабатывается в большей мере в целях: а) развития авторской современной диалектической философии и авторской современной политической экономии и б) для проработки глобальных вопросов, касающихся общественного развития и развития познания. Он базируется, в первую очередь, на основе развития труда Г.В.Ф. Гегеля «Феноменология духа», или на основе актуализации новодиалектического *феноменологии-духа-продолжения*. Однако, с другой стороны, именно с актуализации феноменологии-духа-продолжения в современной диалектике и началось развитие ряда важнейших новодиалектических исследований, в том числе современных экономических. И тут нет ничего удивительного. Во-первых, как *феноменология духа* была, по словам К. Маркса, *истоком* и *тайной* гегелевской философии [3, т. 42, 155], так и феноменологии-духа-продолжение является основой упомянутой выше авторской современной диалектической философии. (Однако следует заметить следующее: феноменологии-духа-продолжение связано не столько с изучением экономики и даже разви-

тия цивилизации, сколько с пониманием смыслов общества и жизни человека и их предназначений.) Во-вторых, отдельно следует сказать о том, что почти все базовые политэкономические положения были указаны Гегелем в его трудах (в первую очередь, это — «Феноменология духа» и «Философия права»): абстрактный труд, стоимость, суть капитализма, основные законы капитализма, его негативность и др. (в общем, все то, что в СССР часто ставилось в заслугу К. Марксу). Об этом многие писали, например, Т. Рокмор: «Гегель жил и творил после Промышленной революции и прекрасно знал о ней. В “Философии права” он намечает в общих чертах историческую концепцию современного индустриального общества, включая его экономические основания в знаменитой «Системе потребностей» (п. 189—206)» [9]. Важно и то, что Гегель первым диалектически обосновал природную негативность капитализма: изображению соответствующего общества, основанного на своекорыстной деятельности, в котором труд создает мир как отчужденную от человека и властвующую над ним реальность и в котором «...вообще нет места ни для *возвеличения*, ни для жалобы, ни для раскаяния» (курсив Гегеля. — *К.М.*) [2, т. 4, 214], посвящен п. «Духовное животное царство и обман или сама суть дела» труда «Феноменология духа». Да и сам Маркс писал, что новое в его собственных исследованиях «состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов» [3, т. 28, 427]. А все остальное указанное и использованное в его трудах (за исключением, по словам Ф. Энгельса, материалистического понимания истории и теории прибавочной стоимости) было известно и до Маркса! — кстати, большей частью из трудов именно Гегеля.

Так что нет ничего удивительного в том, что на базе именно гегелевского труда «Феноменология духа», точнее — на базе его развития и продолжения, в современной диалектической философии было достигнуто новое понимание экономики. (При этом обязательно следует сказать о том, что продолжение гегелевской феноменологии духа основано не на политэкономических положениях, а на моментах развития духа.)

Достигнутое новое понимание экономики дает возможность далее говорить: *а)* о новом определении экономики, *б)* о новой экономической теории и *в)* о некотором принципиально новом экономическом, неэкономическом, а также и о тех двух положениях экономического характера, на которых было акцентировано внимание выше.

Однако необходимо сделать небольшое отступление по поводу не столько даже тайны гегелевской философии, сколько того, что феноменологии-духа-продолжение сложно для материалистичных наук по многим причинам, исследованию которых в авторской современной диалектической философии уделено большое внимание, так как через них раскрываются не только важные гносеологические положения, но и некоторые другие положения, актуальные как в ряде сфер познания и практики, так и в смысле некоторых прикладных аспектов, в первую очередь, в вопросах конкуренции реальных систем познания. Для обсуждения указанных вопросов достаточно рассмотреть следующие положения. Во-первых, феноменологии-духа-продолжение обусловлено, с одной стороны, непосредственностью феноменологии духа, причем как истоком гегелевской философии. Однако, с другой стороны, сам Гегель снял понятие *системы науки*, в результате чего он же указал на иное место феноменологии духа в диалектике его философии, чем то, которое предполагалось сначала. Таким образом, феноменология духа, оставаясь непосредственным основоположением гегелевской философии, оказывается и опосредованной, в результате чего необходимо возникают как противоречие, так и, соответственно, требуемые дополнительные исследования. При этом, во-вторых, феноменологии-духа-продолжение оказывается немислимым без определения *нового начала* (исследований), очевидно отличного от гегелевского и обсуждению которого был посвящен ряд наших работ. В-третьих, феноменологии-духа-продолжение оказывается немислимым без развития труда Гегеля «Наука логики», в ходе которого необходимо установить *истину науки логики* (а это само по себе достаточно объемное и сложное исследование, но имеющее конкретные результаты и большие перспективы⁶). И вот только тут проясняются обстоятельства опосредствованного начала, в том числе начала процесса феноменологии-духа-продолжения, хотя начинать его все же приходится из феноменологии духа; — тут опять противоречие, однако уже другое, являющееся *корнем развития феноменологии духа и его жизненности*. В-четвертых, это противоречие преодолевается осуществлением в лоне

⁶Например, одним из актуальных направлений является авторское *диалектическое программирование* — раздел современной диалектической гносеологии. В нем определяются понятие алгоритма и новейшие формы программирования, которые важны и для экономических исследований, например, как позволяющие перейти на более высокую ступень исследований, чем известное непосредственное применение математических методов для анализа экономики.

не изучаемого в материалистичных науках *воспроизведения философии Гегеля*, о некоторых моментах которого мы писали в наших статьях в журнале «Философские исследования». В частности, как раз тут определяется новодialeктическое («второе»), новое начало (исследований), которое нужно для продолжения и *науки логики и феноменологии духа*. В-пятых, в силу указанных только что обстоятельств и ряда других становится понятным то, почему вопрос продолжения гегелевской феноменологии духа является неотрефлексированным; более того, становится актуальной *сложная рефлексия*, которая должна состояться в отношении феноменологии духа, что и определяет ряд двойственностей и сложностей, хотя одновременно и ряд положений основания развития соответствующих диалектических исследований. И уже сказанного достаточно для обозначения архисложного рефлексирования системы требуемых положений философии Гегеля (это не *система философии Гегеля!*) в *иное*, которое, с другой стороны, в силу указанного выше противоречия в ряде случаев обнаруживается лишь только в ходе новодialeктических исследований. В-шестых, в связи даже с тем, что было только что сказано, для материалистичных наук имеются многие трудности понимания обсуждаемых вопросов, причем различных планов, но, в первую очередь, гносеологические. Так, в частности, (а) в связи с использованием диалектических категорий существенны многие сложности понимания материалистичными науками феноменологии-духа-продолжения, актуальные именно в силу как трудностей восприятия ими диалектических категорий, так и искажений философии Гегеля, о чем уже было сказано выше. При этом важным фактором является то, что (б) в основе объективно-научного познания, в том числе экономической науки, лежит *обыкновенная логика*, содержание которой Гегель удостоил *презрения* еще 200 лет назад [2, т. 5, 30], (ба) которая во многих случаях попросту недостаточна для понимания диалектических исследований в целом и их отдельных вопросов в частности (например, появления *живого*, на чем акцентировал внимание сам Гегель) и (бб) одной из фундаментальных проблем которой является проблема суждения [б], принципиально важного для осуществления умозаключений и обоснованных выводов. И многое другое. Отдельно отметим, что сложности феноменологии-духа-продолжения весьма существенны, причем не столько даже для наук, сколько как сами по себе отдельные вопросы исследований. И вместе с тем они обуславливают ряд положений, требуемых для актуализации феноменологии-духа-продолжения...

Итак, в авторской современной политической экономии одной из основ решения задач развития экономической теории и осмысления

вообще общественной практики является развитие труда Г.В.Ф. Гегеля «Феноменология духа»: *в рамках новодialeктического феноменологии-духа-продолжения осмысливается принципиально новый подход к пониманию экономического, позволяющий получить совершенно новое, диалектическое понимание экономики, причем не столько в смысле внешнего определения соответствующего окружающего нас этого феномена, изучаемого экономической наукой, или точнее — который должен ею изучаться, сколько в смысле существования экономики, в том числе в смысле ее трансцендентного и духовного*⁷. (Следует подчеркнуть, что речь идет именно о новом подходе к пониманию экономики, базирующемся на феноменологии-духа-продолжении, а уже далее речь идет о новом определении экономики.)

Для пояснения сказанного выше: того, что *на базе феноменологии-духа-продолжения осознан подход, позволяющий получить совершенно новое, диалектическое понимание экономики, сути экономики*, — следует обозначить следующее положение. Как мы писали в ряде наших работ (см., напр.: [5]) и докладывали на Международной научной конференции в МГУ имени М.В. Ломоносова⁸, экономическое учение Маркса следует понимать не только в его имеющей место плоскости, но и в смысле его отрицания, что позволяет произвести отрицание его содержания, в первую очередь «Капитала». Отрицание — не значит опровержение! Нет, этот труд в его имеющейся форме архиважен и актуален до сих пор, о чем, кстати, пишут многие американские экономисты. Но возможно и актуально *такое отрицание*, которое определяет рассмотрение капитализма не в смысле империализма и/или перехода к социализму, а в смысле именно качественно нового развития капитализма как такового. *Это тоже отрицание капитализма, но не такое как у Маркса или Гегеля, и речь в авторской современной политической экономии поэтому идет о принципиально ином политэкономическом подходе к анализу капитализма, как раз и позволяющем говорить о возможности новой политэкономической теории и, следовательно, экономической теории*. Именно этот подход, с другой стороны, получен на основе феноменологии-духа-продолжения, или инициируется им, что и дает возможность на базе

⁷В этом смысле оказываются актуальными многие уже давно активно не используемые междисциплинарные представления, подходы и теории, например, *экономический подход* [1].

⁸Наш доклад «Идентификация нового общественно-экономического строя» (Международная научная конференция «Новый мир и новая имперскость». МГУ имени М.В. Ломоносова, 1—3 декабря 2004 г.).

известных базовых политэкономических положений, в том числе указанных Гегелем, осмыслить

а) базовые положения *феноменологии капитализма*, что уже отчасти было сделано в нашей монографии «Феноменология капитализма»;

б) новое — сущностное — понимание экономики (это не существующее внешнее представление о ней), или новый подход к ее рассмотрению;

в) новое (актуальное) определение экономики.

При этом следует сказать и о том, что в диалектическом отрицании Марксовой *критики политической экономии*, во-первых, *восстанавливается...* сама политическая экономия. Это, кстати, и есть основа *становления* (используется один из основных диалектических терминов философии Гегеля) современной политической экономии, ряд положений которой рассматривается в настоящей статье. Во-вторых, так как все же говорится о диалектическом развитии экономического учения Маркса, то в рамках таких рассуждений необходимо говорить, по крайней мере, не о вечности капитализма *как такового*, а о его трансформации, в данном случае — о его развитии. Таким образом, существенно противоречие: говорится о развитии капитализма на основе учения Маркса, отрицающего сам капитализм. Но на фоне обозначенного *диалектического отрицания экономического учения Маркса* указанное противоречие *решается* следующим образом: *диалектическое отрицание действительно, т. е. действительно и для экономического учения Маркса, что определяет его развитие не только в социалистической, но и в капиталистической плоскости*. А это определяет переосмысление широко обсуждаемых в настоящее время вопросов развития общества, капитализма, экономики, что и актуально в смысле исследований авторской современной политической экономии (и содержания настоящей статьи). При этом важно и актуально, в первую очередь, *развитое понимание стоимости*, которое следует из критики Марксова понимания стоимости и позволяет не только изучить жесткую буржуазную критику в адрес марксизма, когда приводились конкретные эмпирические факты, опровергающие его некоторые базовые теоретические экономические положения, но и использовать ее, а также сформировать современные актуальные представления о базовых экономических положениях, например таких, как *меновая стоимость* и др.; об этом мы писали в ряде наших работ (см, напр.:

[7]) и докладывали на Международной научной конференции в МГУ имени М.В. Ломоносова⁹.

И понятно, что возможность понимания *качественно нового экономического* не берется как элемент из существующей устаревающей экономической теории: в диалектике оно выводится из развития общества (вот почему за основу взяты *содержания* феноменологии духа и феноменологии-духа-продолжении).

Более того, понимание качественно нового экономического имеет свое отражение и в новом понимании стратегического развития и общества в целом и экономики в частности, т. е. в понимании нового общественно-экономического устройства, что само является новым положением. К примеру, об одном из вариантов нового прогрессивно-общественно-экономического устройства, прорабатываемом в авторской современной политической экономии, мы уже достаточно много писали (см., напр.: [4; 5]) и докладывали на Международной научной конференции в МГУ имени М.В. Ломоносова¹⁰. Это — новая общественно-экономическая формация: *индустриальное социальное общество*¹¹. Раскрытие этой новой общественно-экономической формации в авторской современной политической экономии происходит одновременно с развитием соответствующей теории, много лет назад названной нами *теорией иного капиталистического развития*, которой был посвящен ряд наших публикаций и выступлений на международных научных конференциях в МГУ имени М.В. Ломоносова. И, кстати, именно с теорией иного капиталистического развития в авторской современной политической экономии связано понятие новой экономической теории.

Таким образом, в авторской современной политической экономии различаются понимания *экономического*, исходя из (диалектического) различения

- (традиционно понимаемой) экономики;

⁹Наш доклад «К общему диалектическому определению стоимости» (Международная научная конференция «Философия хозяйства: вчера, сегодня, завтра». МГУ имени М.В. Ломоносова, 19—20 июня 2001 г.)

¹⁰Наш доклад «Индустриальное социальное общество как формационный вариант евразийской стратегии» (Международная научная конференция «Международное воспроизводственное обустройство евразийского (постсоветского) пространства: экономика и политика» (VI Малый университетский форум). МГУ имени М.В. Ломоносова, 4—6 декабря 2013 г.).

¹¹В МГУ имени М.В. Ломоносова это наше открытие в 2016 г. было удостоено премии в «Конкурсе работ, способствующих решению задач Программы развития Московского университета».

- новой экономики (понимаемой известным образом: развитие интеллектуального капитала, новых информационных технологий и т. д.);
- неэкономике, понимаемой в смысле качественно новых экономических феноменов.

Это — принципиально важное различие, осмысленное теоретически только в авторской современной политической экономии. Кроме того, можно сказать, что *понимание экономики на основе феноменологии-духа-продолжения есть принципиально новый, качественно новый подход к осмыслению и изучению экономики*, отсутствующий в общеизвестной материалистичной экономической теории, наверное, невозможный в ней.

При этом-то и обособляется *новая экономическая теория*, которая в настоящее время нами понимается как часть авторской современной политической экономии, включающая предметные и специализированные теории, например, такие, как *теория иного капиталистического развития, критика экономической науки* (новодialeктический аналог Марксовской критики политической экономии, но в методологическом ракурсе) и др.¹² Однако новая экономическая теория понимается не только как одна из теорий современной политической экономии, но и как методологическая разработка, предлагающая принципиально новые формы организации научно-исследовательской работы¹³.

В целом же в смысле диалектического феноменального понятия экономики (или качественно нового, диалектического понимания экономики), формирования новой экономической теории и открывающихся возможностей решения насущных задач следует указать следующие принципиально важные авторские теоретические открытия и положения, составляющие содержание авторской современной политической экономии, о которых мы уже неоднократно писали в ряде

¹²Вообще различие экономической теории, новой экономической теории и неэкономической теории — это отдельный объемный диалектический вопрос, рассмотрение которого выходит за рамки настоящей статьи, однако для нее вполне достаточными являются рассматриваемые положения, составляющие содержание авторской современной политической экономии.

¹³Очередная из таких форм была сформулирована нами по итогам Международной конференции, посвященной 75-летию юбилею экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова, 8—9 сентября 2016 г.).

наших работ и докладывали на некоторых международных научных конференциях в МГУ имени М.В. Ломоносова:

- новодialeктическая методология исследования экономических вопросов, выстроенная на положениях разработанной авторской современной диалектической философии (включающей отрицание многих положений обыкновенной логики, в первую очередь используемого в ней суждения, см. выше);
- различие содержаний (феноменов, вопросов...) экономики, новой экономики и неоекономики;
- базовые положения *феноменологии капитализма*, которые уже отчасти были освещены в нашей одноименной указанной выше монографии;
- неэкономический подход, отличный от общеизвестного экономического подхода,
- развитый в авторском понимании *концепт историко-политэкономического теоретико-феноменального потока развития экономики* (в истории) в противовес недialeктичным разрозненным в историко-теоретическом плане представлениям экономической науки (концептуально разные экономические школы, идеологические уклоны и проч.);
- новый подход к пониманию экономики, следующий из раскрытия феноменологии-духа-продолжения (это — качественно новое, диалектическое понимание экономики, или феноменальное понятие экономики);
- новое актуальное (диалектическое) определение экономики;
- *развитое понимание стоимости*;
- концепция переоценки возможностей применения категории «стоимость» для анализа вопросов экономической теории и социально-экономического развития (в том числе ряда положений «Капитала» К. Маркса в отношении деятельности ФРС США и ряда новых финансовых тенденций, не раскрываемых ни на базе старого понимания стоимости, ни на основе экономикса);
- концепция *обращенного капитала*, понятие которого следует из Марксова определения капитала, но с учетом нового понимания стоимости и понятия современных производственных отношений (эта концепция архиважна для реализации социально направленных государственных программ);
- неэкономическое понимание и определение *производительности труда*, проблема идентификации и исчисления которой все более очевидна ученым и чиновникам;

• *новая экономическая максима*: после известных максим Ж.-Б. Сэя и Дж.М. Кейнса теперь исчисляется новая максима — *максима К.В. Молчанова*, которая определяет качественно иное рассмотрение многих насущных вопросов, в том числе регулирования спроса и предложения¹⁴;

- актуальное определение *малого бизнеса*;
- начала новой экономической теории, в первую очередь понимание того, что существующая экономическая теория во многом ошибочна и уже не способна давать решения насущных проблем, что постоянно подтверждает практика;
- концепция *новых экономических технологий*¹⁵;
- предметное поле модернизационных преобразований в условиях развитого капитализма;
- новая общественно-экономическая формация — индустриальное социальное общество, упомянутое выше;
- и другие.

Отдельно следует отметить и то, что в рамках авторской современной политической экономии на основе положений новодialeктического феноменологии-духа-продолжения предлагается понимать и исследовать не только вопросы неэкономического и новой экономической теории, но и вопросы регионального и международного социально-экономического и даже цивилизационного развития. Например, *в целом* именно на основе феноменологии-духа-продолжения (по су-

¹⁴Основные положения новой экономической максимы были изложены в ряде наших работ и доложены на заседании теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (семинар «Текущая экономика: что с кризисом?», 16 ноября 2010 г.) и в нашем докладе «Диалектическая теория модернизации и вопросы регулирования инновационных процессов» (VI Международная научная конференция «Инновационное развитие экономики России: региональное многообразие». МГУ имени М.В. Ломоносова, 17—19 апреля 2013 г.).

¹⁵Основные положения новых экономических технологий были изложены в ряде наших работ и в наших докладах «Политэкономия идеи новых экономических технологий» (Юбилейная научная конференция «Ломоносовские чтения — 2015» «Альтернативы экономической политики в условиях замедления экономического роста: разработки и рекомендации экономистов МГУ». МГУ им. М.В. Ломоносова 20 января 2015 г.) и «Новые экономические технологии» (VII Международная научная конференция «Инновационное развитие экономики России: междисциплинарное взаимодействие». МГУ имени М.В. Ломоносова 16—18 апреля 2014 г.).

щество, что очень важно, учитывающего принципы и аспекты западного менталитета) в современной политической экономии осмысливается ряд специфичных вопросов, в том числе таких как: а) особенность культурологической активности Запада, которая может им использоваться и во внешнеполитических целях; и б) стратегический смысл избрания Д. Трампа на пост Президента США. А в частности, общеизвестные обсуждаемые социально-экономические положения развития России предлагается рассматривать на принципиально новой основе — если и не на базе новой экономической теории, формируемой на базе авторской современной политической экономии, то хотя бы на основе по-новому раскрываемых политэкономических положений, начиная со стоимости, или даже в принципиально новом концептуальном русле — в русле концепции индустриального социального общества, качественно отличного от капиталистического общества, причем в силу своей новизны весьма конкурентно способного с ним, главное, в части экономики и в сферах политических притязаний и маневров некоторых стран Запада и Востока, что в современных геополитических и макроэкономических условиях, на наш взгляд, не может не быть интересным для многих стран.

А завершая статью, следует сказать, что в современной политической экономии *неоэкономическое* в первом приближении в целом можно понимать в следующих смыслах.

1. Неоэкономическое — это нечто теоретическое принципиально новое для существующей экономической теории в смысле качественно нового подхода к пониманию вообще экономики, в смысле ее принципиально иного понимания, причем не с позиций созерцания реальной экономики, а за счет осмысления ее сущности (что в настоящее время может быть осуществлено, пожалуй, только на основе феноменологии-духа-продолжения, ибо других *посылок и начал* попросту нет).

2. Неоэкономическое — это нечто реальное принципиально новое: и как происходящее в современной экономике и как уже хотя бы обозначившееся как назревшее, актуальное, появляющееся — такое нечто реально новое, которое еще не видно для существующей экономической теории и поэтому не понятно ей. Но это не значит, что на основе диалектического подхода оно не понятно и не практично. Лишь только-только обозначившееся экономическое новое или даже еще несуществующее экономическое новое уже может быть понято и даже использовано на основе познания и подходов вне существующей устаревшей экономической теории: его как «начинающегося еще нет, оно лишь направляется к бытию» [2, т. 5, 58], но для диалектики этого

вполне достаточно для познания его и даже для практического использования знания об этом проявляющемся новом или хотя бы о некоторых его трансцендентальных аспектах.

3. Неэкономическое может пониматься и как то, что превосходит распространенное общепринятое устаревшее теоретическое экономическое знание, когда за счет нового реального знания (обычно эмпирического характера) можно получить преимущество перед экономически неграмотными конкурентами и иными субъектами хозяйственной деятельности в одной, отдельно взятой стране (например, выгодно своевременно использовать технологию *carry trade* в случаях, когда главный регулирующий орган кредитной системы какой-нибудь страны вынужден значительно повышать учетную ставку).

Но для величественной и нравственной диалектики наиболее важно другое понимание неэкономического.

4. Не столько с изучением экономики и даже развития цивилизации связано феноменологии-духа-продолжение, сколько с пониманием предназначения человека и его смысла жизни. И в этом смысле экономика является всего лишь одной из внешних ему данностей, которую следует изучать и грамотно использовать, как и природу, причем в диалектике — для реализации человеком своего смысла жизни. И тут уже не богатство выходит на первый план, оно к тому же еще и *тяготит*, а а) смысл духовного феноменологического ряда, установленный в ходе постижения диалектики феноменологии духа и феноменологии духа-продолжения, и б) его использование для себя человеком в своем духе и для своего духа. Наверное, тут проще сказать, что это диалектически осознанное и обоснованное утверждение в его диалектическом отрицательном манифестируется вечными словами: *удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие*, а в его диалектическом положительном — целевым диалектическим использованием экономического, новоэкономического и неэкономического для себя человеком для своего духа, в первую очередь в целях реализации своего смысла жизни и ее высоких устремлений.

Литература

1. Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. № 1.
2. Гегель Г.В.Ф. Соч. М.; Л.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.

4. *Молчанов К.В.* Выявление современных парадигмально-гносеологических основ политической экономии. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., МГУ имени М.В. Ломоносова, 2003.
5. *Молчанов К.В.* О некоторых базовых диалектических положениях теории индустриального капиталистического развития // Проблемы современной экономики. 2015. № 2.
6. *Молчанов К.В.* О некоторых из проблем научного понимания и определения суждения // Философия хозяйства. 2016. № 2.
7. *Молчанов К.В.* О категориальной недоопределенности стоимости // Философия хозяйства. 2016. № 3.
8. *Молчанов К.В.* К критике современной российской экономической науки (некоторые базисные положения) // Международная научная конференция «Ломоносовские чтения—2016». «Экономическая наука и развитие университетских научных школ» (к 75-летию экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова): Сборник статей / Под ред. А.А. Аузана, В.В. Герасименко. М., 2016.
9. *Рокмор Т.* Об открытии Маркса после марксизма // Вопросы философии. 2000. № 4.

References

1. *Bekker G.* Jekonomicheskij analiz i chelovecheskoe povedenie // THESIS: teorija i istorija jekonomicheskikh i social'nyh institutov i sistem. 1993. № 1.
2. *Gegel' G.V.F.* Soch. M.; L.
3. *Marks K., Jengel's F.* Soch. 2-e izd. M.
4. *Molchanov K.V.* Vyjavlenie sovremennyh paradigmal'no-gnoseologicheskikh osnov politicheskoy jekonomii. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata jekonomicheskikh nauk. MGU im. M.V. Lomonosova, 2003.
5. *Molchanov K.V.* O nekotoryh bazovyh dialekticheskikh polozhenijah teorii inogo kapitalisticheskogo razvitija // Problemy sovremennoj jekonomiki. 2015. № 2.
6. *Molchanov K.V.* O nekotoryh iz problem nauchnogo ponimaniya i opredelenija suzhdenija // Filosofija hozjajstva. 2016. № 2.
7. *Molchanov K.V.* O kategorial'noj nedoopredelennosti stoimosti // Filosofija hozjajstva. 2016. № 3.
8. *Molchanov K.V.* K kritike sovremennoj rossijskoj jekonomicheskoy nauki (nekotorye bazisnye polozhenija) // Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija «Lomonosovskie chtenija—2016». «Jekonomicheskaja nauka i razvitie universitetskikh nauchnyh shkol» (k 75-letiju jekonomicheskogo

fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova): Sbornik statej / Pod red. A.A. Auzana, V.V. Gerasimenko. M., 2016.

9. *Rokmor T.* Ob otkrytii Marksa posle marksizma // Voprosy filosofii. 2000. № 4.

Т.Н. ЮДИНА, И.М. ТУШКАНОВ

Цифровая экономика сквозь призму философии хозяйства и политической экономии*

Аннотация. В статье представлены результаты дальнейшего авторского исследования, теоретических и практических аспектов цифровой экономики как результата технологического прогресса, четвертой промышленно-технологической революции; а также философско-хозяйственных аспектов цифровой экономики как противоречивого феномена и оценки политико-экономического анализа новых экономических отношений, стремящихся к формуле M2M, производительных сил с базой данных, алгоритмами, каналами связи с клиентами, программного обеспечения и др. Процессы и результаты цифровизации экономики показаны на примерах глобальной и мировой экономик, России и Китая.

Ключевые слова: технологический прогресс, четвертая промышленно-технологическая революция, цифровая экономика, цифровизация, философия хозяйства и политическая экономия цифровизации, цифровые платформы, цифровой капитал, цифровая долина, цифровая экономика в КНР, цифровая экономика в РФ.

Abstract. The results of further original research are presented in the article: firstly, theoretical and practical aspects of the digital economy as the result of technological progress and the Fourth industrial and technological revolution. Secondly, the philosophical and economic aspects of digital economy are set forth as a controversial phenomenon; the political and economic assessment of new economic relationships approaching to M2M formula, and productive forces with databases, algorithms, customers' communication channels, software etc. are represented. Thirdly, the process

*Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ №15-02-00640 «Философия и методология экономики как основа формирования концепции современного экономического знания»

and result of economy digitization is shown on the examples of global and world economies, in particular, the economies of Russia and China. Finally, the process of strategic integration of Eurasian Economic Union (EEU) and the Great Silk Road Economic belt in a new format GSREB+1 (China) is specified.

Key words: technological progress, the Fourth industrial and technological revolution, digital economy, digitization, philosophy of economy and political economy of digitization, digital platforms, digital capital, digital valley, digital economy in PRC, digital economy in RF, EEU and GSREB strategic digital integration, G20 summit in Hangzhou - the technological capital city of China - with 'digital economy' agenda, Eurasian economic partnership: EEU+1 (China) as an alternative to the Trans-Pacific Partnership (TPP) under the auspices of USA.

Цифровая экономика в 2016 г. — не столько главный вопрос повестки дня Давосского экономического форума, а также саммита G20, который прошел 4—5 сентября 2016 г. в китайской технологической столице — городе Ханчжоу, сколько практический, а также философско-хозяйственный. Лейтмотивом саммита G20 стало «строительство инновационной, здоровой, взаимосвязанной и инклюзивной мировой экономики». Согласно оценке представительницы (шерпы) России в G20 Светланы Лукаш, Китайская Народная Республика определила приоритеты инновационного роста, которые активно поддержала Российская Федерация. Весь экономический рост в долгосрочной перспективе связан с внедрением инноваций и реализацией потенциала цифровой экономики, а также повышения производительности труда.

Цифровая экономика — это и новая социо-культурно-экономическая реальность в современном мире, «умная» действительность. В целом мировой процесс формирования и развития цифровой экономики от цифрового разворота, появления первых персональных компьютеров компании Стива Джобса до ее настоящего форсажа охватывает более четырех десятилетий. Начавшись в США, процесс цифровизации в результате новой технологической волны охватывает все мировое социо-культурно-экономическое пространство, на глазах внедряясь фактически во все отрасли производства, изменяя индустриальные и постиндустриальные технологии производства благ на цифровые и облачные, сами блага (товары и услуги), делая их цифровыми, умными. Явный новый технологический цифровой форсаж наблюдается сегодня в экономике Китайской Народной Республики. Прежде всего — на родине Джека Ма (Ма Юна) в г. Ханчжоу, где был создан

интернет-сайт Alibaba и функционирует инновационная транснациональная компания Alibaba Group, занимающаяся не только интернет торговлей, но и другими инновационными видами деятельности, создавшая свою уникальную цифровую платформу.

**Цифровизация в сфере производства материальных благ —
товаров и нематериальных благ — услуг
как первой фазе общественного воспроизводства:
политико-экономический аспект**

Она сопровождается переходом от роботизации производства благ массового потребления к товарам с индивидуальными особенностями в принципе для каждого потребителя, например, посредством использования инновационной технологии 3D-печати и прототипирования. В результате этого процесса окончательно может измениться рыночное соотношение индивидуального спроса и индивидуального предложения: от неоклассического первенства предложения в XX в. к доминированию индивидуального спроса в XXI в. Согласно оценкам экспертов и аналитиков, уже в ближайшем будущем, примерно в 2020 г., около половины товаров и услуг на потребительском и инвестиционном рынках будут абсолютно новыми — умными (умный город, умный дом, умная одежда и т. д.).

Прикладным аспектом цифровизации хозяйственной жизни или физическим проявлением цифровой экономики является создание центров цифровой переналадки (модернизации), цифровой роботизации и пр. С помощью цифровых методов моделирования «выращивают» прототипы и создают реальные объекты от мелких ювелирных изделий до крупных инфраструктурных сооружений. Ярким практическим примером такого действия цифровой экономики является создание 3D-принтеров по строительству мостов (Нидерланды) и жилых домов (Китай, ОАЭ).

Достаточно таких примеров в КНР: наличие умных домов в Шанхае, строительство домов в Поднебесной с помощью роботов и небольшого числа строителей с использованием технологии 3D-печати и т. д. В России, например, в Москва-Сити есть умный дом. Россия имеет Яндекс, фирму Касперского; умная одежда разрабатывается в стенах Московского института легкой и текстильной промышленности.

Современная строительная отрасль сегодня вооружена технологиями, позволяющими создавать цифровые модели зданий, максимально оперативно и гибко менять проекты, управлять строительством и эксплуатацией зданий и сооружений в течение всего времени (BIM-

технологии — технологии информационного моделирования в строительстве): от мысли и взмаха пера архитектора, расчета строительных смет — до закрывающих финансовых документов, сдачи в эксплуатацию с дальнейшей физической амортизацией и соответствующим ее учетом в бухгалтерии.

Цифровой подход позволяет управлять полным жизненным циклом практически любого изделия (PLM — управление жизненным циклом) от задумки, его создания и использования до утилизации. Это касается не только отдельных бытовых предметов, но и сложных систем.

Сегодня активно внедряются цифровые технологии, позволяющие управлять инженерной инфраструктурой в современном доме: электричеством, светом, теплом, газом и пр. — системы «Умный дом».

Кроме того, системы киберфизических устройств позволяют эффективно управлять инфраструктурой не только отдельных домов, но и жизнью целых кварталов, микрорайонов, городов и мегаполисов — системы «Умный город» (Smart City). Так, примерно семь лет продолжается строительство «города будущего» Сонгдо в Южной Корее [6; 7]. Это один из самых масштабных и ярких инновационных проектов в мире как результат промышленно-технологической революции в последние годы. Город будущего Сонгдо возводится на искусственном острове, примерно в 60 км от Сеула и будет представлять собой умный интеллектуальный город. В нем с помощью Интернета вещей и Интернета всего будут связаны между собой и люди, и объекты — агенты цифровой экономики [6; 7].

Ярким примером успешного создания организационно-технологических платформ являются такие современные сервисы, как: UBER, Airbnb и др. [8].

В России цифровые облачные технологии активно используют в Сбербанке. Большие перспективы открываются перед цифровыми финансовыми технологиями (финтех, англ. — fintech). Производство нематериальных (образовательных) благ и, например, банковских услуг уже может осуществляться в условиях сокращающейся материальной базы. Если в XX в. и даже по-прежнему в XXI в. банк без офиса с его многочисленными офисными сотрудниками, охраной и сейфами не функционировал, то теперь организации банковских услуг настолько снизили свою потребность в материальном мире, что позволяет создавать банковские учреждения без многочисленных офисов и сотрудников. К примеру, банк «Тинькофф» в России не имеет ни одного клиентского офиса, при этом по темпам выдачи банковских карт является вторым в стране после лидера ПАО «Сбербанк» с 260 тыс. сотрудни-

ками, обслуживающих 100 млн клиентов, как физических, так и юридических лиц. Всего 400 сотрудников банка «Тинькофф» удаленным образом обслуживают 4 млн клиентов.

Действительно, количество и объем отдельных элементов материального производства (здания, сооружения, оборудование банков) сокращаются при трансформации нецифровой экономики в цифровую за счет роста цифрового капитала: баз данных, каналов связи с клиентом, алгоритмов, программного обеспечения и др.

Цифровизация экономики в целом: философско-хозяйственный аспект

Феномен набирающей скорость четвертой промышленно-технологической революции или «Индустрии 4.0» [5], требует глубокого фундаментального научного исследования, осмысления, чтобы увидеть позитивные и негативные последствия, т.е. границы [3, 14]. Эта революция сопровождается оцифровкой или цифровизацией (англ. — digitalization) реальной жизни, включая социально-экономические отношения, вслед за развитием современных информационных технологий (ИТ), основанных на использовании дискретного двоичного кода.

Цифровизацию экономики мы можем понимать в широком и узком смыслах слова.

1. Изменение природы производственных или экономических отношений, смена их субъектно-объектной ориентированности. С помощью алгоритмов появляются отношения типа «машина — машина» (M2M), где человек может уже не выступать субъектом. Так возникает интернет вещей и даже интернет «всего».

2. Создание на разных уровнях экономики (глобальном, мега-, макро-, мезо-, микро-, нано-) информационно-цифровых платформ и операторов, позволяющих решать различные хозяйственные задачи, в том числе стратегические: развитие науки, образования, новой индустриализации, государственного регулирования и планирования и др.

Современные алгоритмы обработки информации и работа вычислительных машин ускоряют производственные отношения. Стираются границы между физическими, биологическими и социально-экономическими системами [3, 12—13]. Появляются новые алгоритмы взаимодействия между участниками экономических процессов (организационно-технологические инновации), создаются киберфизические устройства и возникают общие организационно-технологические платформы, позволяющие управлять как отдельными физическими системами (например, энергоузел в энергетике — инициатива

Агентства стратегических инициатив РФ), так и экономикой в целом (Госплан 2.0) [1].

Развитие цифровых технологий, создание и развитие сетей, в первую очередь Интернета, как сети сетей, объединяющих производственные процессы и ресурсы в одно целое, облегчают информационное взаимодействие между участниками экономики и приводят к возможности появления так называемых «облаков» и развитию облачных технологий. Многие ресурсы и процессы доступны пользователям систем теперь как сервисы (-as-a-service — -aaS). Возникают такие облачные решения, когда практически все возможности для работы предприятия и ведения бизнеса компании в классическом понимании доступны дистанционно.

Хранение и обработка любой информации уже не сосредоточены на конкретном компьютере, а распределены в сети без привязки к определенной территориальной локации.

Широкое распространение получили социальные сети, позволяющие общаться между людьми на любых расстояниях и организовывать прямое экономическое взаимодействие (P2P).

В отношении между государством и его гражданами внедряются системы так называемого электронного правительства. В России к 2025 г. планируется создание единого регистра населения.

Цифровая экономка бросает вызов системе образования. При этом уклон различных систем образования подготовки специалистов для современных условий цифровой экономики может быть разным. Так, в западных странах и в ряде их юго-восточных колоний преобладает образование, готовящее человека в качестве приложения к современной высокотехнологичной системе. На этом основана, например, сингапурская система в дополнение к болонской системе, наносящие вместе российской системе образования. В России, где образование традиционно было более широким и комплексным, элитным для всех учащихся, в настоящее время только в ряде случаев еще сохраняется целостный подход, готовящий универсальных креативных и творческих специалистов.

Благодаря цифровому развитию место и роль потребителя в экономике выходят на передний план. Все самые коммерчески успешные проекты (стартапы) в области информационно-коммуникационных и цифровых технологий оперативно и максимально гибко реагируют на запрос конечного потребителя, создавая для него лучший сервис и наиболее выгодные условия с учетом его индивидуальных требований. Потребитель становится божеством цифровой экономики в смысле его финансовых возможностей. Под его запрос

все начинающие бизнес интернет-компании выстраивают свои алгоритмы и доступные ресурсы. Для успешного развития дела в цифровой экономике действует принцип времен первоначального накопления капитала на Диком западе: «Либо ты быстрый, либо ты мертвый».

Происходят организационные изменения многих предприятий по типу сетевых структур. Иерархически-устроенные организации трансформируются в сетевые и даже децентрализованные без единого центра управления, руководства и принятия решений. Такие преобразования касаются компаний любого масштаба, например, таких IT-гигантов, как Google, Facebook, Uber в мире и BeeLine в России [2].

Цифровое расширение экономики в связи с виртуализацией многих экономических процессов, переносом отношений на другой уровень взаимодействия (в виртуальное пространство) требует институциональных изменений для максимально выгодного использования новых возможностей цифровой экономики.

По предложению создателя социальной сети «ВКонтакте» Павла Дурова в российском Крыму можно создать виртуальный офшор для использования медиа- и развлекательных ресурсов в «более спокойном режиме» отношений с правообладателями, защищающими свои права строгими нормами других юрисдикций. Таким образом, можно построить собственную правовую виртуальную юрисдикцию со своими нормами и правилами и регламентирующими цифровыми алгоритмами. Кроме того, создание института «виртуального резидента» особых экономических зон (ОЭЗ), например, в том же Крыму. В ближайшем будущем это послужит интенсивному развитию российских и международных интернет-компаний, а также предоставит дополнительные возможности для привлечения капитала в экономику этого региона и России в целом.

Материальной инфраструктурой цифровой экономики являются вычислительные мощности, хранилища данных (память) и сети, объединяющие эти ресурсы. Программной инфраструктурой выступают операционные системы и приложения, использующие различные программируемые технологии (алгоритмы), уже не всегда связанные с материальной инфраструктурой. Отрыв программных решений от материальной инфраструктуры (переход на более высокий уровень абстракции) позволяет многим алгоритмам «жить собственной жизнью», таким образом, возникает виртуальная или искусственная жизнь.

Современным программистам доступны такие технологии, как OpenStack — набор готовых решений для доработки и создания собственных приложений с открытым кодом. Повсеместно используется модель OpenSource. Так, крупнейшая мировая компания по созданию

материальной и программной инфраструктуры цифровой экономики — IBM активно использует эти технологии для разработки, поиска и отбора с дальнейшей коммерциализацией лучших решений, полученных в результате работы множества программистов во всем мире.

Российской академией наук (Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление») предложено создание организационно-технологической платформы и централизованного оператора цифровой экономики с инфраструктурой, объединяющей серверные станции и центры обработки данных ведущих ВУЗов России — проект «Цифровая долина».

Наибольшую перспективу в условиях цифровой экономики представляют децентрализованные протоколы (технология Blockchain) и инновации на их основе, а также открытое аппаратное обеспечение — OpenSource Hardware.

Феномен социальных сетей позволяет раскрыть потенциал цифровых crowd-технологий, реализовать систему социальной кооперации, а также запустить приложения типа SaaS (Cooperation-as-a-Service). Благодаря этому возможны организационно-политические инновации, такие как коллективные легитимные решения, инициативное бюджетирование, прямая демократия. В условиях цифровой экономики меняется и модель самого человека.

Таким образом, в процессе развития цифровой экономики меняются производственные (экономические) отношения, производительные силы. Изменение природы производственных или экономических отношений связано со сменой их субъектно-объектной ориентированности. С помощью алгоритмов появляются отношения типа машина — машина (M2M) [4, 167], где человек, может уже не выступать субъектом. При этом возникает риск эксплуатации киберсистемой и/или цифровой платформой самого человека.

В заключение еще раз подчеркнем: цифровая экономика в настоящее время — это локомотив экономического роста со своими противоречивыми последствиями, а также новый феномен инновационного развития.

Литература

1. Бюллетень Аналитического центра Правительства РФ. 2016. Апрель.
2. Шмидт Э., Розенберг Д. Как работает Google. М.: ЭКСМО, 2015. С. 118—121.

3. Юдина Т.Н. Осмысление цифровой экономики // Теоретическая экономика. 2016. № 3.
4. Юдина Т.Н. Цифровизация в контексте сопряженности Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // Философия хозяйства. 2016. № 4.
5. <http://expert.ru/2016/01/21/chetvertaya-promyshlennaya-revolyutsiya/?12016>.
6. <http://www.econet.ru/articles/125848-v-yuzhnoy-koree-stroyat-umnyy-gorod>.
7. <http://www.zakon.kz/4805726-ministr-ejek-cifrovye-platformy-jeto.htm>.
8. <http://www.therunet.com/articles/5942-uberizatsiya-vsego>.

References

1. Byulleten' Analiticheskogo centra Pravitel'stva RF. 2016. April'.
2. Shmidt E.H., Rozenberg D. Kak rabotaet Google. M.: ENKSMO, 2015. С. 118—121.
3. Yudina T.N. Osmyslenie cifrovoy ehkonomiki // Teoretiche-skaya ehkonomika. 2016. № 3.
4. YUdina T.N. Cifrovizaciya v kontekste sopryazhennosti Evrazijskogo ehkonomicheskogo soyuza i ENkonomicheskogo poyasa SHelko-vogo puti // Filosofiya hozyajstva. 2016. № 4.

Р.А. СЫЧЕВ

Риск-ориентированный подход в системе управления издержками предприятий в условиях перехода к модели неэкономического развития

Аннотация. В статье представлены основные характеристики финансового механизма при формировании риск-ориентированной модели управления издержками российских компаний, которая предполагает усиление влияния контролирующих органов на состояние дел в подконтрольных субъектах и отраслях для успешной реализации стратегии индустриального роста. В процессе построения риск-ориентированного подхода для совершенствования системы управления издержками предприятий были обобщены и проанализированы формы организации консультативного и методического обеспечения

финансового механизма управления, а также разработаны предложения для превентивного предупреждения нарушений обязательных финансовых требований, установленных нормативно-правовыми актами к деятельности предприятия.

Ключевые слова: индустриальный рост, неоэкономика, риск-ориентированная модель управления, управление издержками предприятий, сокращение бюджетных расходов.

Abstract. The article covers the main characteristics of financial mechanism while formation of the risk-oriented model of cost management of Russian companies. This model implies increase of influence of controlling agencies on business situation in subsidiary facilities and sectors for efficient execution of the industrial growth strategy. Some organizational forms of consulting and methodical approach of providing financial controlling mechanism in a process of the risk-oriented approach to advancement of cost management are generalized and analyzed by the author. Also the author develops some recommendations for the preventive prevention of violations of the mandatory financial requirements established by regulatory legal acts to activities of the company.

Key words: industrial growth, neoindustrialization, neoeconomy, risk oriented model of governance, cost management, cutdown in a budget spendings.

В условиях развития неоэкономики в промышленном секторе возникает недостаток ресурсов для формирования факторов роста и регулирования уровня финансовой устойчивости производственных компаний, а также поддержания необходимых параметров процесса производства. Неоэкономика — это экономика, отрицающая саму себя через технологизацию. В неоэкономике, как отмечает Ю.М. Осипов, «любой экономический параметр может быть любым по величине, но при этом и не каким угодно...» [2, 16].

Если до финансового кризиса компании в основном управляли доходами и продажами, то в условиях формирования неоэкономики большинство российских промышленных компаний стали активно заниматься управлением издержками, реализуя концепцию риск-ориентированного подхода.

Отметим, что формирование неоэкономической модели развития совпало с началом глубокой экономической рецессии в России, когда снижаются объемы промышленного производства и увеличивается динамика рисков, в том числе и рисков, связанных с управлением движением финансовых потоков. Длительная экономическая рецессия

привела к ограничению ресурсов Резервного фонда. Прогнозы об исчерпании ресурсов Резервного фонда появились уже в начале 2011 г. Вместе с тем сохранение Резервного фонда было связано как с восстановлением цен на нефть, так и со стремлением Министерства финансов Российской Федерации эффективно применять организационно-финансовые инструменты, обеспечивающие снижение нагрузки на Резервный фонд.

Отметим, что Резервный фонд сыграл ключевую роль в преодолении кризиса 2008—2009 гг.: из бюджетных резервов тогда было потрачено почти 100 млрд дол., в основном для смягчения ситуации в социальной сфере. Резервный фонд продолжает исполнять свою ключевую функцию и в последние несколько лет, став главным фактором адаптации бюджета к резко изменившейся внешней конъюнктуре.

Согласно финансовому прогнозу, к концу 2018 г. в России в резервах останется 2,2—2,5 трлн р. По мнению В.В. Путина, на данный момент в резервах больше 6,6 трлн р. Правительство «использует средства Резервного фонда в связи с падением доходов бюджета из-за низких цен на нефть, а Фонд национального благосостояния пытается сохранить на прежнем уровне», — пояснил на встрече с руководством парламента в Кремле В.В. Путин, характеризуя ситуацию с суверенными фондами. Президент выделил в качестве особенностей финансово-кредитной политики рост золотовалютных резервов в 2016 г. до 400 млрд дол. [1]. В настоящее время Правительство Российской Федерации не использует эти резервы для кредитования, так как такое направление не является рациональным.

В конце 2016 г. ожидается рекордно низкий уровень инфляции за весь период новейшей истории страны. Центробанк активно финансирует приоритетные направления развития российской экономики, в том числе и в промышленности. Однако объем финансирования должен строго контролироваться регулятором, так как превышение объема привлекаемых кредитных ресурсов в условиях неэкономии увеличивает уровень инфляции.

В сложившихся условиях финансовых ограничений для реализации стратегии индустриального роста необходимо разработать перечень требований к формированию эффективной системы управления издержками российских промышленных предприятий в целях поддержки проектов по введению риск-ориентированного подхода и созданию институционального финансового механизма их развития. Для реализации риск-ориентированной модели управления издержками российских компаний необходимо разработать финансовый механизм оценки их эффективности и систему мониторинга.

В российской экономике в связи с подписанием проекта федерального бюджета страны на ближайшие три года начинается новый бюджетный цикл. В процессе разработки проект федерального бюджета корректировался и дополнялся, поэтому планируемые расходы на развитие индустриальной экономики и поддержку важнейших для страны промышленных предприятий пришлось снизить на стадии его формирования. Сокращение бюджетных расходов в условиях ресурсных ограничений стало доминирующим вектором перспективной промышленной политики, поэтому актуализировалась задача оптимизации издержек индустриального сектора российской экономики.

Вторым важным направлением перспективного финансового механизма в условиях формирования неоэкономики являются разработка и реализация системы риск-менеджмента предприятий, основанной на комплексном страховании рисков, сокращении убытков и дополнительных затрат, которые снижают финансовую устойчивость. Экономическая политика, направленная на значительное снижение издержек, стала в условиях рецессии новой реальностью, в которой будут медленно развиваться российские компании.

Основная задача, которая в современных условиях является приоритетной для агентов российской экономики — формирование эффективного механизма риск-менеджмента, обеспечивающего снижение издержек на основе выявления и ликвидации финансовых дисбалансов. Новые информационные инструменты финансового менеджмента и информационно-финансовые технологии подготовили инструменты для решения этой приоритетной задачи. В системе финансового менеджмента на макро- и микроуровнях произошли мощные модернизационные технологические изменения, в том числе и в системе финансового контроллинга.

Без инновационной технологической поддержки получить полную информацию об ожидаемых налоговых доходах, а также о планируемом объеме расходов довольно сложно. Основными источниками этой информации являлись, например, сведения по статистической налоговой отчетности Федеральной налоговой службы, которые собирались с большой задержкой и не формировались на основе системы информационного управления.

Задержка аналитической информации затрудняла бизнес-процессы, связанные с выявлением неплановых расходов и неэффективных затрат. Система информационного управления позволяет экономическим агентам, реализующим программы индустриального роста, осуществлять более четкий анализ рисков и эффективную инструментальную поддержку при принятии управленческих решений [5, 351—363].

Информационная система риск-менеджмента в отраслевых министерствах и промышленных компаниях обеспечивает в режиме онлайн мониторинг разных видов операций, что позволяет не только выявлять риски, но и принимать решения по их снижению, не допуская кумуляции рисков. Таким образом, информационные технологии способствовали тому, что у финансового менеджмента компаний возникли дополнительные инструменты и технологии для контроля над финансовыми потоками. Например, на основе адаптированной информации Федерального казначейства макрорегуляторами систематически рассчитывается рейтинг распорядителей бюджетных средств по качеству финансового менеджмента. Если у государственных органов власти наличествует большая сеть подведомственных учреждений, то эффективно осуществлять финансовый менеджмент денежных потоков достаточно сложно.

Это способствовало тому, что, получив финансовые ресурсы от государства или контрагентов, предприятия позволяли себе зачастую достаточно долго хранить их на своих расчетных счетах или размещать на депозитах в банках, не вовлекая в хозяйственный оборот. Такая финансовая политика соответствовала трендам неэкономии и способствовала нерациональному накоплению ресурсов. На счетах многих ведомств формировались избыточные денежные ресурсы, составляющие так называемые «денежные навесы», которые снижали производственную активность организаций и их доходность. Во время прохождения конкурсных процедур деньги обычно перенаправлялись экономическим агентам, которые не успевали их рационально использовать ни на текущее финансирование, ни на решение стратегических финансовых проблем.

Применение систем информационного контроля с 2013 г. обеспечило рост качества финансового менеджмента регуляторов, так как инновационная система управления финансовыми потоками позволяет на основе риск-ориентированного подхода не только выявлять временные задержки в системе финансирования, но и тестировать эффективность производимых затрат, а также оптимизировать формирование бюджетных потоков и контроль лимитов.

Использование технологий риск-ориентированного подхода в системе финансовых потоков обеспечивает жесткий мониторинг движения средств, позволяющий совершенствовать институциональный механизм контроля инвестиционно-финансовой политики на всех уровнях. Финансовый контроль управляет качеством исполнения бюджета, положительно влияет на выбор эффективных инструментов принятия управленческих решений.

Например, информационная система «Электронный бюджет» позволяет на этапе бюджетного планирования проводить четкое обоснование и балансирование бюджетных затрат на предстоящий период. Механизм риск-ориентированного подхода к планированию финансовых потоков представляет собой систему регламентированных действий, основанных на подготовке сценарных прогнозах, обеспеченных информационно-аналитическими инструментами, направленными на оценку целевых расходов.

Риск-ориентированная модель управления издержками российских компаний вызвала необходимость формирования инструментов процессного управления в индустриальном секторе. Без системного анализа возможных рисков и выбора информационно-аналитических инструментов их регулирования промышленным компаниям будет сложно перейти на новую модель управления (BPM), основанную на четком распределении ответственности, взаимодействия, ресурсов, информации для принятия управленческих решений и отчетности. Для внедрения процессного управления промышленным компаниям необходимы системный анализ рисков, проектирование и внедрение механизма финансового контроллинга на основе подробного построения и анализа всех бизнес-процессов.

Росту интереса служб риск-менеджмента промышленных компаний к процессному подходу и управлению бизнес-процессами объясняется необходимостью перехода к стратегии индустриального роста. Согласно экспертной оценке, в большинстве индустриальных компаний подразделения риск-менеджмента уже созданы (50%) или находятся в стадии формирования (24%); однако в процессе опроса 3% респондентов заявили о расформировании процессных подразделений в их компаниях, 45% участников опроса ответили, что процессный подход является средством повышения эффективности, а в 30% опрошенных компаний присутствует знание отдельных процессов [3, 37].

В связи с тем, что отечественные предприятия для выхода из сложной экономической ситуации были вынуждены переключить внимание на сокращение затрат, самыми востребованными финансовыми инструментами и технологиями стали: риск-менеджмент, контроллинг, внедрение управленческого учета и бюджетирование, чтобы планировать как затраты, так и выручку, которая стала стремительно сокращаться. Для реализации инструментов риск-менеджмента и контроллинга необходимо организовать эффективные внутренние коммуникации в компании на основе информационной транспарентности и системы мотивации персонала.

Построение системы управления издержек на основе модели риск-ориентированного подхода позволяет увеличить качество бизнес-

процессов снизить накал проблем с помощью внедрения информационного управления. Концепция риск-ориентированного подхода, выстроенная с помощью технологий процессного управления верно выбранных инструментов мотивации, повысила нацеленность менеджмента компаний на достижение результата, взаимозаменяемость и личную ответственность каждого.

Сегодня более 90% запросов клиентов связано с совершенствованием бизнес-процессов промышленных компаний. Интерес компаний переключился от простого описания к оптимизации. Даже те компании, которые только в кризис задумались о внедрении процессного управления, начинают переход к нему сразу с контроллинга процессов. Моделирование системы риск ориентированного развития возможно на основе объединения разнокачественных метрик финансового контроля. Система финансового контроля включает оценку внутренней рисков с идентификацией первоисточников финансовых рисков, даже если эти первоисточники имеют нефинансовую природу [4, 40—44]. В качестве инструментов обеспечения риск-ориентированной модели необходимо применять картографирование рисков с их стоимостной оценкой, а также адаптивные стратегические карты для проведения более точной оценки внутренних рисков компании.

Литература

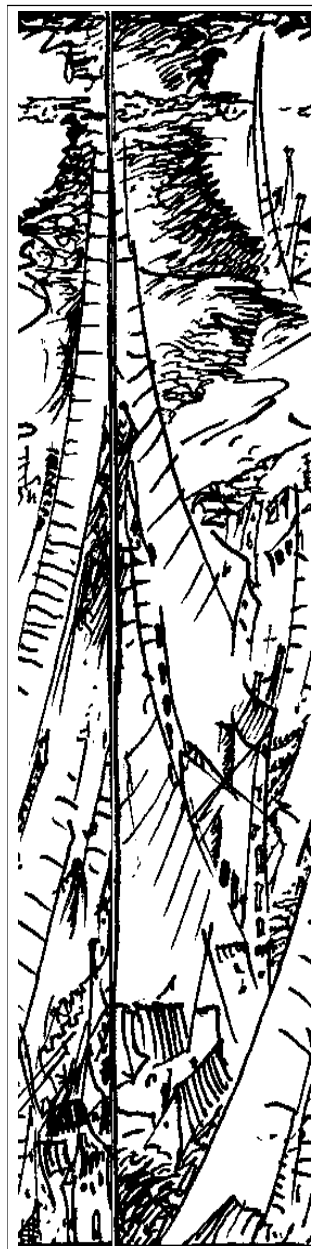
1. Владимир Путин: Резервы будут больше ожидаемого // Российская газета. 2016. 21 дек. [Электронный ресурс] — режим доступа: <https://rg.ru/2016/12/21/vladimir-putin-rezervy-budut-bolshe-ozhidaemogo.html> (дата обращения: 21.12.2016).
2. *Осинов Ю.М.* Российское системное перестроение как неизбежная актуальность // *Философия хозяйства*. 2016. № 6.
3. *Селиванова А.Г., Сычев Р.А., Шевчик Е.В.* Риски финансового обеспечения потребностей расширенного воспроизводства // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2015. № 11.
4. *Сычев Р.А.* Стратегический корпоративный финансовый контроль в активизации формирования вертолетостроительного кластера // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2015. № 11.
5. *Andreeva O.V., Shevchik E.V.* Organizational and Financial Mechanism of New Russian Industrial Policy: Systemic Approach // *Journal of Applied Economic Sciences*. 2016. Vol. 11. No. 3. P. 351—363.

References

1. Vladimir Putin: Allowances will be more expected // The Russian newspaper. 2016 of December 21 [Electronic source] <https://rg.ru/2016/12/21/vladimir-putin-rezervy-budut-bolshe-ozhidamogo.html> (date of access: 21.12.2016).
2. *Osipov Yu.M.* Russian system evolution as inevitable relevance // Philosophy of economy. The almanac of the Center of Social Sciences and Economics Department of Moscow State University named after M.V. Lomonosov. 2016. № 6. P. 16.
3. *Selivanova A.G., Sychev R.A., Shevchik E.V.* Risks of financial provision of requirements of expanded reproduction // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; rights and management 2015. № 11 (66). P. 37.
4. *Sychev R.A.* Strategic corporate financial control in activation of forming of a helicopter cluster [Text] / R. A. Sychev // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; rights and management. 2015. № 11 (66). Pp. 40—44.

IV

АКТУАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Ф.М. ГИРЕНОК

Что случилось с мышлением в Америке?

Аннотация. В статье анализируется феномен Д. Трампа. В первой части статьи анализируется реакция западных интеллектуалов на избрание президентом США Д. Трампа. Автор делает вывод о том, что риторика Трампа не укладывается в готовые формы мышления интеллигенции и Запад крайне негативно воспринимает фигуру Трампа. Во второй части статьи сопоставляются взгляды на Трампа со стороны русского либерала и русского патриота. Автор приходит к выводу о том, что в одном случае Трамп предстает как предатель и контрреволюционер, а в другом — как реформатор, обновляющий основы западного мышления. В третьей части статьи вводится оппозиция темного сознания и бреда и делается вывод о неустранимой двойственности мышления Трампа.

Ключевые слова: Д. Трамп, А. Бадью, С. Жижек, Н. Хомский, Ф. Фукуяма, конец истории, темное сознание, бред, галлюцинации.

Abstract. In article D. Trump's phenomenon is analyzed. In the first part of article reaction of the western intellectuals to election as the U.S. President of D. Trump is analyzed. The author draws a conclusion that the rhetorician Trump doesn't keep within ready forms of thinking of the intellectuals and the West extremely negatively perceives Trump's figure. In the second part of article views of Trump from the Russian liberal and the Russian patriot are compared. The author comes to a conclusion that in one case Trump appears as the traitor and the counter-revolutionary, and in other — as the reformer updating bases of the western thinking. In the third part of article the opposition of dark consciousness and nonsense is entered and the conclusion about an ineradicable duality of thinking of Trump is drawn.

Key words: D. Trump, A. Badyyu, S. Zhizhek, N. Chomsky, F. Fukuyama, end of history, dark consciousness, nonsense, hallucinations.

I

В ноябре 2016 г. в Америке избрали нового президента. Это избрание потрясло основы всего западного мышления. Почему?

Чтобы ответить на этот вопрос, сначала обратимся к высказываниям западных интеллектуалов.

Бадью: ужас глубокой ночи

Глубокой ночью Бадью узнал, что на выборах в Америке победил Трамп. Ужас обуял Бадью. Трамп — это не Клинтон. Чем Трамп не нравится Бадью? Во-первых, Трамп, по его мнению, говорит примитивные, устаревшие вещи. Он говорит: «С Рождеством Христовым!». А это неприлично. Клинтон этого не скажет. Это шаг в тьму Средних веков. Религия же осталась в прошлом, и сегодня она, на взгляд Бадью, может существовать только как пережиток. Бадью не хочет вместе с Трампом идти в новое Средневековье. Все интеллектуалы мира должны, на его взгляд, вступить сегодня в борьбу с пережитками. Что значит с ними вступить в борьбу? Это значит, во-первых, забыть Трампа и, во-вторых, изменить язык. Изменить так, чтобы Трамп стал невозможен. Например, нужно говорить не «спасибо» («спаси Бог»), а, допустим, «благодарю». Трамп не интеллектуал. Он не вступил в борьбу с языком. Он не стал молчать о том, о чем не следует говорить. Напротив, он заговорил о том, о чем невозможно стало молчать. Он говорит о том, что почувствовали люди, но не нашли языка для выражения своих чувств. Поэтому Трамп примитивен. Он хуже, чем октябрьский переворот в России в 1917 г.

Во-вторых, Трамп играет в демократию. Но он не демократ. И Гитлер играл в демократию, но он тоже не демократ. А Клинтон демократ, т. е. она говорит то, что принято говорить. Клинтон пообещала спекулятивному капиталу еще большие возможности для спекуляции. Интеллигенция Америки проголосовала за Клинтон. Но Бадью забыл сказать, что настоящие марксисты интеллигенцию называли проституткой.

Трамп пообещал народу новые рабочие места, народ за него и проголосовал. Но проголосовали за него почему-то не все. За Трампа проголосовали белые граждане Америки. И не проголосовали цветные граждане Америки. Вот этот факт и беспокоит Бадью. В нем он видит угрозу левой идеи и возможности реванша для правой. Носитель демократии сегодня — гомосексуалист. Белый рабочий, осознавший, что он белый, считается сегодня носителем протофашистской идеологии. Клинтон заявила о глобальной перестройке мира и проиграла, хотя ее поддержала вся интеллектуальная элита США и Европы и, конечно, ее поддержали все меньшинства. Трамп не космополит, но за ним большинство. Он не хочет переделывать мир по образу Америки. А это уже само по себе меняет весь порядок в мире. И Бадью это не нравится.

В-третьих, Трамп расист. Он черного называет черным, белого называет белым. Он не хочет говорить о человеке вообще. Он хочет

ограничить въезд в США мусульманам и мексиканцам. Его взгляды — это, по мнению Бадью, взгляды варвара, а не образованного человека. Он говорит о том, о чем говорят его чувства. Интеллигентный человек не скажет, глядя на спящих арабов в Париже: «Понаехали тут». Он скажет: «Мультикультурализм плодотворнее монокультурной Франции». Поэтому, хотя и Трамп, и Клинтон олицетворяют капиталистическую перспективу мира, предпочтительнее все-таки для Бадью Клинтон. Она для Бадью понятна, а Трамп ему не понятен.

В-четвертых, Трамп не социалист, не левый, и уже поэтому неприятен. В XX в. Европа решительно полевела. Она выдвинула два проекта разрешения своих проблем — социалистический и фашистский. И хотя оба проекта не состоялись, правым теперь тоже приходится быть с налетом левизны. Сегодня правый — это левый, который левее левых.

Но Бадью близок прямой интернациональный проект, а Трампу, кажется, национальный. Трамп для Бадью — символ исчезновения политики, потому что политика ведет, на взгляд Бадью, за пределы частной собственности, равно как за пределы оппозиции ручного и умственного труда, за пределы отживших понятий вроде «нация», «этнос», «религия», «классы».

В-пятых, Трамп, видимо, не совсем верно понимает идею равенства. Он, скорее всего, согласен с тезисом о том, что равным равное и неравным неравное. Тогда как Бадью говорит так: другой равен мне, я равен другому, неравенство противно природе человека.

Что же предлагает Бадью? Он предлагает Трампу научиться мыслить не в пределах аффекта, как он это привык делать, а за его пределами. Аффект — темное понятие, иррациональное. Разум беспристрастен. Трамп, как Троцкий, ему безразличен язык разума, ему не нужна истина сама по себе, ему нужны идеи, за которыми пойдут определенные люди. Ему нужны не ценности, а сделки. Для Трампа исторический процесс не является логически ясным. Бадью хочет вернуть истории логику. Язык должен объяснять, а не создавать, как у Трампа, аффекты, ибо язык аффектов учреждает ложное, хотя и действительное единство.

В чем состоит философский концепт самого Бадью? Этот концепт прост, как школьная линейка. Бадью рассуждает примерно так. История линейна. Все страны проходят одни и те же стадии. Как хорошо было жить и думать в начале XX в. Тогда были два полюса и две стратегии. Люди жили при капитализме и мечтали о социализме, т. е. ставили под вопрос отношения собственности. И это время было временем политики. Затем появился Советский Союз. Жить стало веселее.

Капитализм ограничивал социализм, социализм ограничивал капитализм. Остальной мир был между ними. Люди могли сравнивать, оценивать и выбирать. И это были лучшие времена для Запада. Но потом Советский Союз исчез. Остался один капитализм, а когда он остался один, горизонт сузился. Изменилась оптика восприятия капитализма. Стало очевидным чудовищное неравенство, существующее уже не в Африке, а в Европе и Америке. Шестьдесят человек владеют тем же капиталом, что половина населения земли. Это прямая причина для социальной революции. Из каких-то социальных щелей «золотого миллиарда» выползли люди без денег, без работы, без идеалов, без ориентиров. Они оказались на обочине глобального капитализма. Но у них еще не возникло классовое самосознание. Сцеплением социальных сил большие массы людей стали склоняться к выбору, казалось бы, уже отжившего фашистского проекта выхода из кризиса. В основе этого проекта лежит философия неравенства, которая тем не менее явно направлена против финансового капитала. Поэтому Бадью решил срочно реанимировать социалистический проект для западного мира. Призрак социализма теперь бродит по Америке. Самая подходящая для революции фигура — это, по мнению Бадью, Сандерс. Вся интеллигенция мира должна объединиться вокруг этой фигуры, которая поведет человечество за пределы собственности, труда, классов, наций и религий.

Фукуяма: разочарование в идее конца истории

Трамп победил, и Фукуяма тут же решил отказаться от идеи о конце истории. США для него теперь не венец истории, а несостоявшееся государство. И дело, как говорит Фукуяма, не в Трампе. Трамп — всего лишь симптом перехода к новому мировому порядку. Каким будет этот порядок, никто не знает. Сам по себе Трамп является для Фукуямы изгоем, маргиналом, шутком. Но шут стал президентом, и с этим нужно считаться. Что значит быть шутком в политике? Это значит быть тем, кто говорит правду. А что такое правда в эпоху постправды? Ведь все в мире относительно и множественно. Считать ли правдой то, что говорят все? Или правда — то, что говорит интеллигенция? Или, может быть, правда — то, что мы чувствуем, но боимся сказать?

Правда — не истина. Истина принадлежит вещам. Она нуждается в фактах и объективности. Правда принадлежит людям. Она нуждается в объективных обстоятельствах и фактах. Она нуждается в работе субъективности, в концепциях и ценностях, в аффектах и вере в Бога. После смерти Бога свобода стала пониматься на Западе как га-

рантирование прав меньшинств. Но свобода — это не гарантированные права ЛГБТ-сообщества, а свобода произвола большинства.

Фукуяма разочарован в метаморфозах инета. Интернет вначале понимался как освобождение демократии, а социальные сети — как способ мобилизации масс, не контролируемый государством. С одной стороны, благодаря сети умножились источники информации. И стало принято считать, что все источники информации равны. Но, с другой стороны, сеть оказалась переполненной неправдивой информацией, сомнительными фактами. И Фукуяма решил отдать предпочтение институциональным источникам информации. То есть не все источники равны. Все лгут. Везде тролли и боты. Но Трамп, говорит Фукуяма, лжет по-особенному. Например, он говорит, что «Обама не родился в США». Но ведь Обама показал свидетельство о рождении. А Трампу этого мало. Он все равно продолжает лгать. Что это значит? Фукуяма говорит, что это указывает на недоверие по отношению к социальным институтам. Нельзя, рассуждает Фукуяма, не верить Госдепу, ЦРУ, нельзя не верить Минюсту. Ведь основа демократии — в вере в беспристрастие социальных институтов. Если нет этой веры, то начинается партизанская война в политике. Трамп не верит в объективность институтов Америки. Тем самым он, согласно Фукуяме, ведет Америку в тупик «всеобщего недоверия». А это значит, что в Америке возможна гражданская война.

Победа Трампа уже сама по себе нанесла, согласно Фукуяме, смертельный удар по философии глобализма. Глобализм оказался не очень прочной концепцией. Это не пластина из титана. Это всего лишь определенный язык, набор фраз, жаргон, на котором привыкла говорить западная элита. И вот теперь либо эта элита заговорит на языке Трампа, либо Трамп заговорит на ее языке. Одно из двух.

Глобализм — это всего лишь идеология, которая, как и любая другая идеология, основана на лжи и демагогии. Ведь на чем основан мультикультурализм в Европе? На самообмане. Вернее, на толерантности. Например, немцы уже давно лгут самим себе о прогрессивной роли совместного общежития немцев и турок, немцев и евреев, людей разной веры, культуры, разных языков и обычаев. Никто не ждал брексита, но он случился. Великобритания выбрала нацию, а не союз народов Европы. Никто не думал, что выберут Трампа. Выбрали Трампа. Никто не ожидал, что мультикультурализм в Европе рухнет. Он рухнул под давлением потоков иммигрантов. Все эти события, согласно Фукуяме, одного порядка. Во всех них дают о себе знать национализм и, соответственно, изоляционизм. А это значит, что нашлась сила, которая обессилила либеральную демократию, показала ее пределы. За-

пад отступает. Для чего? Для того, чтобы разбежаться и перепрыгнуть через национализм в счастливое глобалистское будущее человечества? Или для того, чтобы, отступив, спокойно умереть, заняв свое место в мире и дать в нем возможности родиться чему-то иному? Фукуяма склоняется скорее ко второму варианту развития событий. И вот его аргументы.

Первый. На Западе нет лидеров-мыслителей, нет харизматиков типа Рузвельта или де Голля. Политическая элита состоит из людей посредственных.

Второй. Качество работы правительства в США и чиновников в Европе плохое. Бюрократия перестала быть чистым типом легального господства. На ее работу оказывают влияние партийная принадлежность, корыстные интересы и, как ни странно, личная преданность. Даже Клинтон, по словам Фукуямы, выглядит теперь в глазах Сандерса и Трампа как олицетворение коррупции.

Третий. Чиновников на Западе не интересует народ. Их волнуют интересы элиты и их согласование.

Четвертый. На Западе вновь возникло напряжение между трудом и капиталом. Капиталу выгодно перемещаться туда, где меньше стоит рабочая сила. Рабочему классу важно сохранить свои рабочие места. Для этого требуется притормозить свободное движение капитала. В Америке возникло то, что Фукуяма называет белым национализмом. Рабочий класс составляют граждане с белой кожей, которые неожиданно обнаружили себя в окружении цветных. Возникла дилемма, как мир, оппозиция: мы и они. Но американцев очень долго приучали говорить на языке политической корректности. На этом языке нельзя сформулировать проблему отношений между пока еще белым большинством и цветными меньшинствами. А это значит, что проблема существования класса превращается в проблему существования нации. Классовое замещается национальным. Это замещение, с точки зрения Фукуямы, разрушает западный мир. Америка Трампа не хочет больше платить за всех. Но если она перестанет платить за всех, то она перестанет быть символом демократии. Она потеряет символический капитал. Лозунг Трампа «каждый платит за себя» возвращает к забытой эпохе борьбы между национальными государствами.

Фукуяма не анализирует основные концепты западного мышления, тогда как Трамп прямо заявил о том, что цивилизованному миру придется поменять свое мышление и, следовательно, поменять своих философов и идеологов. Фукуяме, видимо, придется разрабатывать теорию бесконечного тупика для мира.

Хомский: диссидент Америки

Наум Хомский относится, как и Стивен Коэн, к инакомыслящим американцам. Он привык говорить то, что думает. Например, Хомский думает, что США шовинистическая страна. Почему? Потому что это страна иммигрантов. А она создала себе неиммигрантский образ. Б. Франклин, один из основателей Америки, говорил: мы — англосаксы, нам не надо пускать в Америку шведов и немцев. Но это, по выражению Хомского, бред. Он не имел на это высказывание никакого права. Это индейцы могли сказать: мы — индейцы, нам не нужны англосаксы.

Хомский также думает, что США и Израиль — это две страны, которые угрожают всему миру. Почему? Потому что они решили, что им можно иметь атомную бомбу, а Тегерану ее иметь нельзя. Согласно Хомскому, Европа — это старая расистка. Правда сегодня она является служанкой Америки и поэтому вынуждена перенимать языковые и коммуникативные формы поведения своих хозяев.

Что Хомский думает о Трампе? Трамп, на его взгляд, клоун, и работать ему надо в цирке. Трамп породил новую волну интереса к фашизму. Фашизм монокультурен, демократия, полагает Хомский, мультикультурна. Европа, хотя она и говорит о том, что мультикультурна, до недавнего времени оставалась монокультурной. И поэтому она изначально склонна к фашизму, а не к демократии. США мультикультурны. И все же Трамп пробудил у белых американцев злость на все на свете. И главное, он разбудил чувство, что некие обобщенные «они» отнимают у них страну. Трамп, на взгляд Хомского, эксплуатирует энергию страха и ненависти.

Что беспокоит Хомского? То, что он называет производством согласия, соблюдением множества неписаных правил. Трамп далек от этого производства, он не стремится к консенсусу. Трамп — разрушитель машины согласования. Он пытается легитимировать существование несогласованных высказываний, ссылаясь на поддержку народа.

Жижек: Элвис от философии

Жижек воспринимают на Западе как сумасшедшего сталиниста. Но прямо ему об этом никто не хочет сказать. «Меня, — говорит Жижек, — называют Элвисом от философии», забавным парнем, тем, кого невозможно воспринимать всерьез. В России к Жижеку относятся серьезно. Что же он думает о Трампе?

Трамп для него грязный отвратительный человек. Он подлец, дрянь. Но это, делает Жижек оговорку, все же не монстр. Хилари

Клинтон страшнее Трампа. Чтобы остановить Трампа, демократы уместно убрали с его дороги Сандерса, оставив одну Клинтон. И ошиблись. Клинтон для Жижека — это война. И это ему когда-нибудь зачтется.

Жижек тайно симпатизирует Трампу, но боится в этом признаться даже самому себе. Кто его запугал? Видимо, европейские интеллектуалы сами себя запугивают. Чем больше Жижек будет сочувствовать Трампу, тем меньше он будет получать поддержку от своих друзей в Европе. Тем больше он будет чувствовать себя среди них чужим.

Жижеку, как и Бадью, не нравится неравенство. Особенно в Словении. Как европеец, Жижек увлекается психоанализом и психоанализом. Но на самом деле он тоскует по четкому классовому анализу. Жижек-марксист сожалеет, что в Европе стерта граница между классами, утрачен интерес к отношениям собственности, что в ней редко происходят классовые бои. В Европейском союзе трудно понять, кто находится в системе, кто — вне системы. Преодолеть эту неопределенность Жижек надеется при помощи транснациональных корпораций. Помимо этого, он также надеется на то, что, презрев детерриториализацию, Европейский союз когда-нибудь станет государством и тогда исчезнут многие неопределенности.

Но больше всего Жижеку не нравится политкорректность. И, по большому счету, он еще, видимо, не решил, что ему ближе: национализм и правда или Брюссель и политкорректность. Он, как и Хомский, выступает за консенсус в западном мире. Но не любой ценой. Если белые рабочие голосуют за Трампа, то виноват в этом, говорит Жижек, не Трамп, а либерально-демократическая элита Америки. Это у нее проблемы. Жижек сожалеет о том, что исчезло согласие в США. Без вяжущей связи согласия власть в США может захлестнуть фашизм. А за штатами последует и Европа. Без Америки Европе будет трудно справиться с собой. Поэтому левые должны, согласно Жижеку, не дремать и немедленно предлагать новые решения. Эти решения не должны ограничиваться языковыми экспериментами. По словам Жижека, прямота Трампа не так уж и плоха. Напротив, стремление к политкорректности может сыграть, на его взгляд, злую шутку с обществом. Например, как в США решили проблему с пытками? Вместо слова «пытка» стали говорить об «усиленной технике допроса». Ничего больше не изменилось. Конечно, нужны слова, которые не затронут другого, не затронут феминисток, геев, инвалидов. Но нужно, полагает Жижек, меру знать. Преступника нельзя не назвать преступником, изнасилование — изнасилованием. В результате Жижек стал выступать за мультикультурализм, но против политкорректности. «Я боюсь тех,

кто хочет защитить Европу от чужих», — говорит Жижек. Он не боится иммигрантов. Жижек мечтает о том времени, когда европейский рабочий класс объединится с трудовыми иммигрантами и возникнет новая политическая сила. Он страдает от отсутствия консенсуса между иммигрантами и остатками трудового общества в Европе.

Жижек знает, что «консенсус» — понятие идеологическое. Все люди разные. И для того чтобы в разных головах появилась одна идея, нужна идеология. Но одна идеология — это признак тоталитаризма, а не демократии. Демократия — это все-таки вновь и вновь воспроизводимая возможность слома машины по производству тотального согласия. Ведь тотальное согласие — это отказ от того, что ты лично чувствуешь, ради того, чтобы вместе со всеми говорить одно и то же. И в этом смысле Трамп для Жижека демократ, ибо он дает слово дословному, предоставляет речь тем, у кого не было языка. Выборы Трампа и есть прямое действие демократии.

Сэнди Грант: пусть развяжутся эмоции

Что мы должны делать, когда мы не можем ничего сделать? Так Сэнди Грант, философ из Кембриджа, начинает анализировать ситуацию с Трампом. Трампа она ненавидит. Но Трампа ей уже не остановить. Грант спрашивает: Что делать?

Для ответа на этот вопрос Сэнди Грант могла бы обратиться к Спинозе, который бы ей сказал: Сэнди, надо не плакать и не смеяться, а понимать. Но Сэнди Грант, видимо, не хочет понимать. И она обратилась к стоикам. Учитесь властвовать собой, — говорят ей стоики, — и пусть все идет так, как идет, пусть Трамп будет президентом. Но я не хочу этого, — возражает Грант. В нашей власти, — говорят ей стоики, — мы сами, наша субъективность, измените себя, и мир изменится. Не пытайтесь менять то, что случилось, это не в вашей воле. И вообще, покорного судьба ведет, а непокорного тащит. Нет, — отвечает стоикам Сэнди Грант, — мы не собаки, привязанные к телеге. Это у нее, у собаки, нет выбора, это у нее есть судьба, а человек есть то, что он делает из себя. Мы не рабы, мы свободны. Мы будем сражаться. Но позвольте, — отвечают стоики английскому философу, — быть свободным — значит повиноваться Богу. Мы, — говорит Грант, — не верим богам, мы не хотим стоического самообмана.

Философ из Кембриджа полагает, что чувство гнева, вызванное Трампом, это уже фундаментальный акт сопротивления. Пусть у людей развяжутся эмоции, и мы, говорит Грант, увидим, что люди думают на самом деле. Аффективный взрыв превратит невозможное в нашу единственную возможность. Что не может сделать один, может сде-

вать множество. Сэнди Грант обещает показать пример массового эмоционального инакомыслия на следующий день после инаугурации Трампа во многих городах США.

Со своей стороны, я лишь замечу, госпожа Грант, не читайте стоиков и теорию эмоций Сартра, читайте Ивана Ильина «О противлении злу силой».

II

Трамп: взгляд либерала из России

Русский либерал, как правило, ученый и одновременно экономист. Его взгляды на проблемы примитивно просты. По его мнению, есть развитые страны и неразвитые. Развитые страны — это страны, в которых зарплата работника держится на уровне 70% от стоимости продукции. В неразвитых странах она держится на уровне 15%. В развитых странах побудителем подъема зарплаты работника является прогрессивный налог на прибыль и наследство. Этот налог доходит до 90%. В неразвитых странах используется плоская шкала. Например, в России — 13%. В первых странах небольшое социальное неравенство, во вторых странах — высокое. США — развитая страна. Россия — неразвитая. США — пример для России, образец для подражания.

Запад показал, что не надо завидовать другим. Тебе выгодно, что другой богат, потому что он может купить и ту услугу, которую ты ему предложишь. Отношения между странами, полагает русский либерал, подобные отношениям между людьми. Выигрыш США — это не проигрыш России. Выигрыш Запада — не проигрыш Востока. Это выигрыш также и для бедных стран. У них что-нибудь да купят. Глобализация хороша для всех стран. Это капиталистический коммунизм для всех людей.

Из простой экономической схемы либерала следует несколько важных выводов. Во-первых, западный мир, на взгляд русского либерала, совершил великую нравственную революцию. Он изобрел политкорректность, которая указывает на высочайший уровень моральной зрелости «золотого миллиарда». Политкорректность заменяет Евангелие. Во-вторых, западный мир научился отстаивать права тех, кто по каким-либо причинам отклоняется от нормы. В-третьих, он заставил уважать людей с иной точкой зрения на мир. Постиндустриальный мир научился жить на практике согласно максиме: поступайте с другими так, как хотите, чтобы поступали с вами. В-четвертых, Запад выработал систему мер, защищающих меньшинства. В-пятых, цивилизационный долг Запада — распространить свою развитость, свой образ

жизни, свое мышление, свои нормы и ценности на менее развитые страны. Если менее развитые страны иногда сопротивляются более развитым, то это, видимо, потому, что они еще не поняли своих эволюционных выгод.

Как может русский либерал относиться к Трампу? Прежде всего, он может к нему относиться как к предателю, изменнику и контрреволюционеру. Трамп, на взгляд русского либерала, мыслит в терминах прошлого индустриального века. Он не умеет мыслить в новых терминах общества высоких технологий. Трамп относится к этому обществу отрицательно. С победой Трампа русский либерал теряет почву под ногами, ему не на что опереться. У него мир перевернулся в голове. И он теперь не знает, где верх, а где низ. И кому же верить.

Трамп самим фактом своей победы разрушил моральные основания западного образа жизни — толерантность и политкорректность. Трамп вновь, как в XIX в., навязывает людям мысль о том, что все преследуют только свой интерес, что твой выигрыш — это всегда проигрыш другого. Трамп отказался от выполнения своего цивилизационного долга перед бедными странами, предоставив им возможность самим определять свою судьбу. Русский либерал полагает, что глобализм помогал богатеть всем. В том числе и нам, русским. Мировая экономка росла. У нас покупали нефть и газ. Мы становились богаче. Трамп вновь заставляет богатеть богатых и беднеть бедных. Трамп ведет к новому неравенству. Сегодня ни в одной стране нет никакого монобольшинства. Сегодня существует только множество меньшинств. Но Трамп не уважает права меньшинств. Он мечтает вернуть США в мир, в котором доминирует большинство, как будто это XIX в. В современном мире есть только относительные истины. Трамп, на взгляд русского либерала, вновь пытается вернуть человечество в мир абсолютных истин, в мир наций и государств, где правят взгляды большинства. За Трампом, конечно, последуют другие. Трамп — это постиндустриальная контрреволюция в западном мире. Реакция на постмодернизм, на слишком быстрые социальные перемены в странах золотого миллиарда.

Русскому либералу не близки идеи Трампа. Ему близки идеи Сороса, того, кто реально, как он полагает, помогает бедным и неразвитым, кто бескорыстно продвигает глобализацию.

Взгляд русского патриота на Трампа

Русский патриот твердо знает мысль Данилевского о том, что моральные отношения могут быть только между людьми и не могут быть между государствами. Между государствами всегда будет гос-

подствовать принцип: око за око, зуб за зуб. Если государство будет падать, как в современной Греции, то ему не помогут встать, а наоборот, подтолкнут, чтобы оно и вовсе не поднялось. Русский патриот также твердо знает, что над западным сознанием всегда тяготел бессознательный страх перед Россией, ее самодостаточностью. Нас нельзя подчинить. И в то же время мы сказочно богаты. Трамп преодолел этот барьер и, кажется, впервые готов воспринимать Россию такой, какая она есть. Он вновь ввел в обиход безусловное право большинства оказывать решающее влияние на формирование политики, а также образа страны. Реальная политика выступила против виртуальной.

Элита Запада живет в параллельном мире, в мире, оторванном от реальности. Она стала жертвой собственных информационных атак, ибо верит в то, что ею же выдумано. Непонятно, почему философы не объяснили ей, что представление когда-то заканчивается и реальность дает о себе знать в виде языковых рассогласований и нестыковок в логике. Трамп не возвращает Америку в прошлое. Он не расист, и мы не расисты. Мы хотим вещи называть своими именами. Горькое — горьким, сладкое — сладким. Русский патриот понимает, что Америка мультикультурна, но это не значит, что в ней нет абсолютных ценностей, что в ней нет большинства.

Обама умножил число атеистов. Трамп возвращает в Америку религию. Россия тоже мультикультурна, но у нас эта культура называется имперской, наделяющей всех людей равными правами. Меньшинству не может принадлежать то, что принадлежит большинству. Ему принадлежит то, что делает его меньшинством. Трамп искренен, но тот, кто говорит искренне, может думать громко, чтобы его слышали далеко. Элита США не привыкла думать вслух. Она мыслит исподтишка. Ей нравится существование Бильдербергского клуба. И поэтому ее истины эмоционально не оправданы. России катастрофически не хватает политиков, которые могут думать вслух. В этом ее слабость.

Трамп говорит не о ценностях, а о выгоде и сделках, и это приемлемо, потому что это честно. Это то, что не оставляет место лицемерию. Трамп пытается заставить Запад совершить метанойю, перемену ума. Он вернет его к реальности, если ему не помешают лицемеры. Победу Трампа, как, впрочем, и брексит, никто не предсказал. Что это значит? Это значит, что западная система мышления дала сбой. Социальные и гуманитарные науки, развиваемые на Западе, потеряли смысл. Им нельзя больше доверять. Как, впрочем, нельзя полагаться и на западных экономистов. Философия современного Запада также оказалась несостоятельной. Следы этой несостоятельности видны во

всем — в неумении поставить вопрос о человеке, в концептах языка, сознания, истории, символа, аффекта и воображаемого [1].

Для философа из Кембриджа философия существует как история философии, а не как разговор с белым рабочим, проголосовавшим за Трампа. Для Бадью философия уселась в кабинете и боится выйти на «Шум бытия» к тем, кто почему-то хочет перемен. Фукуяма стал говорить о постправде, но почему-то свел постправду к фейкам. Жижек, как настоящий скептик, еще не решил, какую сторону ему принять. Для Хомского Трамп — это лингвистическая катастрофа. Ему и без анализа ясно, что мир идет к пропасти.

III

Трамп: бред и темное сознание

Человек устроен так, что в нем визуальный опыт предшествует вербальному. Сначала мы смотрим, а потом говорим [2]. Что значит — мы изначально смотрим? Это значит, что, как говорит Хайдеггер, нам нужно избавиться от вещного понимания человека. Изначальна способность человека видеть. Мы видим не потому, что у нас есть глаза, и не потому, что нас окружают вещи, а потому что мы галлюцинируем. Мы галлюцинируем даже тогда, когда у нас нет «я» и нет никаких вещей, которые бы действовали на нас извне. В последнем случае я имею в виду опыт физика Фейнмана, поместившего себя в ситуацию полной депривации. Фейнман признал существование внетелесного опыта.

Галлюцинацию нельзя причислить к сущему. Она простирается за пределы всех вещей и относится к самости человека. Галлюцинация есть тот свет, благодаря которому мы видим. Прежде мы галлюцинируем, а затем рассказываем о своих галлюцинациях. Видимое и рассказываемое не совпадают. Видимое спонтанно. Рассказываемое отсчитывается от «я». Рассказ опустошает видимое. До «я» сознание обнаруживает себя в самоаффектациях, в настроении, в самоощущениях, в чувствах как нечто ускользающее от языка. До «я» сознание не представлено самому себе. Оно не знает себя и существует как темное сознание. Не представленное самому себе сознание — это не бессознательное, ибо бессознательное обусловлено существованием языка. Это сознание обусловлено существованием галлюцинаций, или видений. Оно, вопреки Лакану, не структурируется как язык. Оно ждет того, кто извлечет его из тьмы, не доступной для языка, кто станет для него зеркалом, в котором оно учредит себя и скажет «я есть». Темное сознание

существует у человека даже в ситуации, в которой он все, кажется, сказал о себе. Но сказанное скрывает человека, а не показывает его.

Темное сознание существует и в Америке. И оно ускользает из поля зрения философов, социологов и политиков. Правда, его заметил Серл, предсказавший в 1998 г. в книге «Достижения нашей страны» восстание забытого класса и кризис либерализма. Темное сознание значительной части американцев превратило избирательную компанию Трампа в свой указательный жест, в жест, которым оно сказало миру «я есть». И теперь оно представлено самому себе и требует от социума зафиксировать свое присутствие по отношению к себе. Трамп — это всего лишь персонифицированное выражение этого присутствия, которое, тем не менее, затронуло основы всего современного западного мышления.

Говорить — значит соединять воображаемое и язык. Если в речи соединяют слова, то не говорят, а бредят. Элита Америки бредит. Бредят все, даже нобелевские лауреаты по экономике. У этого бреда есть логика, но нет смысла. «Я», в котором отражается не мир, а отражение «я» в мире, плохое зеркало для мира. Темное сознание не даст глубины мнимостям «я», а мнимости не могут быть светом в темноте сознания.

Если Трамп дал язык забытым белым американцам, то, может быть, он даст воображаемое и западной элите? И она перестанет бредить. И начнет говорить. Трамп-президент, видимо, испытывает на себе, что значит находиться между галлюцинациями одних и бредом других. Это значит то же, что значило во все времена: в раздвоении проходить свой путь человека.

Литература

1. Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова. М.: Ленанд, 2015.
2. Философия наивности. М.: Изд-во МГУ, 2001.

References

1. Noye v naukah o cheloveke: K 85-letiyu so dnya rozhdeniya akademika I.T. Frolova. M.: Lenand, 2015.
2. Filosofiya naivnosti. M.: Izd-vo MGU, 2001.

И.А. ЕВДОКИМОВ

Гносеологический анализ отчуждения

Аннотация. Проведен гносеологический анализ категории отчуждения. Указаны формы проявления изучаемого феномена. Показаны подходы, позволяющие рассмотреть категорию отчуждения в историческом контексте. Продемонстрировано влияние, оказываемое отчуждением на индивида.

Ключевые слова: отчуждение, разделение труда, институционализация, институциональная структура.

Abstract. The article is devoted to epistemological problem of alienation and identification the types of estrangement. The author shows a historical context of alienation and influences of this phenomenon.

Key words: alienation, estrangement, division of labour, institutionalization, institutional structure.

Несмотря на все достижения человеческой цивилизации, проблемы, описанные предыдущими поколениями мыслителей, продолжают оставаться актуальными. Человек, появляясь в этом мире, оказывается «брошенным» заложником бытия, если использовать терминологию Мартина Хайдеггера [9, 169]. Рождаясь, он становится частью уже созданной до его появления структуры, основное назначение которой заключается в том, чтобы снизить уровень неопределенности бытия человека. Однако зачастую ситуация складывается таким образом, что надличностные образования, предлагающие индивиду готовые поведенческие альтернативы и шаблоны социального взаимодействия, на деле снижают возможности выбора.

Производственный аппарат, усиливая свое влияние над человеческой жизнью, все чаще определяет требования, установки, необходимые умения и профессиональные навыки. Вторгаясь в личное пространство индивида, он задает цели, устремления, потребности и даже сам смысл бытия. Предполагается, что способ, которым существующая институциональная структура организует существование своих элементов, дает возможность выбора, но на деле этот выбор оказывается проявлением действий господствующих интересов [2, 99]. Воплощаясь в институциональной структуре, навязанные интересы опре-

деляют основные направления социального движения и демонстрируют тенденцию к усилению исключительности.

Технологическая рациональность, усиливающая свое влияние в области общественного управления, вторгается в жизнь индивида, закрепляя его в качестве вынужденного наемного раба, атома огромной атомарной системы, не имеющего возможности достичь освобождения или направить свои усилия на созидание. Предлагая индивиду блага и отвлекая его иллюзорными проблемами, господствующие интересы все чаще подавляют и без того постоянно снижающееся количество свобод.

Руссо в своем произведении «Об общественном договоре» обозначил, что человек хоть и рождается свободным, появившись на свет, оказывается закованным незримыми цепями [10, 9]. Разъясняя, он показал, что существует несколько форм зависимости человека: зависимость от вещей и зависимость от других индивидов, создаваемая самим социумом.

Находясь перед необходимостью выживать, индивид вынужден подчиняться подавляющим его законам, отчуждающим надличностным образованиям, диктату власти или нанимателя. Безусловно, теоретически нанятый сотрудник работает по своей собственной воле и даже существует утверждение, что это результат его личного выбора и свободного действия. Но на практике человек продолжает торговать своей рабочей силой, подчиняясь тем, кто оказывается выше него по социальной лестнице. В этом продолжает проявляться одна из форм отчуждения.

Если рассматривать концепцию отчуждения подробно, то ее истоки можно обнаружить в творчестве античных мыслителей. Платон указывал на то, что существуют два мира: мир эйдосов, или идей, и мир вещей. По его мнению, любая вещь есть отражение идеи. Она стремится к ней, но никогда не сможет ее достигнуть. Человек должен изучать идеи, а не вещи, что справедливо и по отношению к формам государственного управления. Эти идеи были продолжены в рамках неоплатонизма и достигли средневековых мыслителей. Изучая творчество античных философов, проблемы различных форм отчуждения можно найти и в трудах Цицерона, Аристотеля и Плотина.

В средневековые времена концепция отчуждения чаще всего рассматривалась как следствие взаимодействия человека и его Творца, или высшего идеального начала. Особенное внимание данному направлению было уделено в работах Аврелия Августина и Фомы Аквинского.

Последующее развитие тема отчуждения получила в рамках творчества представителей теории «социального договора». Томас Гоббс, используя концепцию отчуждения, сделал попытку объяснить появление института государства. В своем произведении «Левиафан», используя имя библейского персонажа, изображенного силой природы, принижающего человека, он демонстрирует образ для пояснения и объяснения функций государства (см.: [1]).

Гоббс отталкивался от постулата «Война всех против всех», описывая, как он сам утверждал, естественное общественное состояние до образования государства и заключения социального договора и развивая идею «Человек человеку волк», первое упоминание которой можно найти в произведении «Ослы» Тита Макция Плавта [7, 139]. Используя афоризм, Гоббс утверждал, что индивиды склонны к эгоизму. В его произведениях и высказываниях отчуждение не приобретает негативный окрас из-за того, что, по его мнению, данное явление есть благо, так как права обмениваются на гарантию безопасности.

В творчестве Ж.-Ж. Руссо концепция отчуждения приобрела социальное содержание. По его мнению, институциональная структура, выступающая в качестве посредника, отделяется от индивидов, получая возможность господства над ними. Творец в такой форме становится заложником своих творений. Особенно плодотворным в его творчестве оказывается обнаружение связи между отчуждением и проблемами, связанными с развитием личности. Идеальным типом человека он видел разностороннего и развитого индивида, способного заниматься разными формами деятельности.

Клод Адриан Гельвеций отметил, что факт преследования людьми исключительно своих личных и чаще всего корыстных интересов обращается во вред, а не на пользу другим индивидам.

Для Иммануила Канта отчуждение есть гносеологическая проблема. По его мнению, объективная реальность, является тем, что он называл «вещью в себе». Индивид самостоятельно, используя силу своего воображения, создает познаваемый мир. Внешний по отношению к нему мир, сотворенный его руками, противостоит ему как результат отчуждающего созидания его духа. Кант утверждал, что отчуждение можно снять благодаря единству познания и творчества.

В дальнейшем развитие изучения категории получило в творчестве Иоганна Готлиба Фихте. По его мнению, сущностью и назначением индивида является деятельность. Фихте выделил субъективную деятельность, направленную на самоусовершенствование и деятельность, направленную на создание или изменение предметного мира. По его мнению, отчуждение должно предполагать собственное пре-

одоление. Фихте мыслил снятие отчуждения с помощью его понимания и осознания.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель утверждал, что отчуждение есть инобытие абсолютного духа. Его движение на пути к самому себе, к самосознанию себя во всех формах есть не только отчуждение, но и процесс его снятия.

Если у Канта субъектом отчуждения становится индивид, обладающий силой воображения или возможностью создать предметный мир, у Фихте — надличностное и общечеловеческое «я», то у Гегеля он воплощается в абсолютной идее, являющейся одной из форм развития.

Рассматривая процесс экономического принуждения, он указал, что отчуждение может быть снято в самосознании тогда, когда индивид, оказавшийся в позиции раба, осознает свое положение. Самосознание необходимости свободы способно определить волю к дальнейшему действию.

Гегель не только смог увидеть значение разделения труда в качестве основы роста производства, но и определил отрицательное влияние разделения труда на индивидуальную личность.

Мозес Гесс, применив термин отчуждение в значении, использованном представителями теории «социального контракта», отметил, что институты, созданные человеком и ставшие господствовать над ним, оказывают на него негативное влияние. Продолжая развивать мысль, он отметил явление денежного фетишизма, указав на то, что денежные средства являются продуктом деятельности взаимно отчужденных людей.

В дальнейшем категория отчуждения получила свое развитие в творчестве Карла Маркса, которому удалось выявить и подробно продемонстрировать, каким образом и в каких формах оно проявляется во всех сферах человеческой деятельности. Раскрывая вещную оболочку взаимодействия индивидов, он смог показать, что отчуждение труда приводит к экономическому и социальному неравенству.

В своих трудах Маркс смог поставить вопрос об исторических формах и корнях отчуждения, продемонстрировав, что необходимо понимать различие между первоначальными формами отчуждения, породившими частную собственность, и теми формами, которые стали развиваться вместе с ней.

Проанализировав явление денежного фетишизма, он показал, что отчуждение труда сводит индивидуальные потребности к обладанию. По мнению Маркса, распространение потребительского отноше-

ния не только к предметному миру, но и к природе, становится барьером на пути к развитию духовных индивидуальных потребностей.

Анализируя книгу Джона Стюарта Милля «Основы политической экономии», он указал на отчуждение социальных отношений. Маркс обозначил, что разделение труда является исторической отчужденной формой обмена деятельностью.

Продолжая анализ и переходя к рассмотрению денежных средств, он смог обнаружить в них господство вещи над индивидом [4, 28]. Отчуждение в этом случае связывается со стоимостью и существованием товарного производства. Важно осознавать, что господство проявляется не только в материальных формах, но и в надличностных образованиях, институциональной структуре и формах человеческого сознания. Исследовав кредитную систему, Маркс показал, что заявления о том, что она способна снять отчуждение, являются неоправданными. Более того, кредитная система способна привести к усилению отчуждения. Происходит это по той причине, что индивид оказывается на месте денежных средств. Принимая на себя роль бытия капитала, человек сам становится формой денежных средств.

Сделав глубокий и всесторонний анализ видов отчуждения, Карл Маркс и Фридрих Энгельс сделали вывод, что оно является историческим процессом и в зависимости от эпохи принимает разные формы, демонстрируя тенденцию к усилению универсальности.

Попытавшись найти возможные решения снятия отчуждения, они указали, что достичь освобождения можно лишь в тот момент, когда человеческая цивилизация сможет обеспечить удовлетворение необходимых потребностей. Важное значение Маркс и Энгельс отводили не только количественным, но и качественным результатам этого процесса.

По мнению Георга Зиммеля, денежные средства отнимают у создаваемого блага целесообразный характер, отчуждая работника от результатов его деятельности. Деньги отделяют человека от вещей, которые перестают быть частью его «я». Творец при такой системе оказывается отчужденным от результатов своего творения.

Эрих Фромм в произведении «Здоровое общество» пришел к выводу, что процесс отчуждения стал всеобъемлющим. Пронизывая отношения нанятого работника к труду и благам, создаваемым для потребления, процесс отчуждения распространяется на самого индивида и окружающих людей. Человеку удалось создать мир вещей, ранее никогда не существовавших. Но, сделав это, индивид стал чувствовать себя подчиненным, а не творцом. Происходит это из-за того, что человеческие творения подавляют его самого. И чем дальше раз-

вивается технический прогресс, тем более зависимым становится индивид. По мнению Фромма, человек при такой системе есть экономический атом, вынужденный существовать в атомистической структуре [8, 148].

Продолжив анализ, он указал на то, что отчуждение в сфере производства можно обнаружить не только при рассмотрении деятельности нанятых работников. Отчужденными становятся и руководители, ставящие перед собой цель постоянно повышать прибыльность капитала.

Фромм указал, что отчуждение можно увидеть не только в производстве, но и в сфере потребления, ссылаясь на отчуждающую роль денег, выявленную еще Карлом Марксом, Фридрихом Энгельсом и Мозесом Гессом. В своем исследовании Эрих Фромм пришел к выводу, что изначально потребление могло сделать человека удовлетворенным, однако вскоре процесс оказался самоцелью. В результате акт приобретения стал иррациональным, распространившись на досуг. Это отметил и Станислав Лем, заявив, что современная цивилизация есть процесс обмена ценностей на комфортные условия и блага. В предисловии к произведению «Осмотр на месте» он, используя метафорические сравнения, заметил, что человеку сложно выживать в мире, который он сам себе соорудил [3, 5].

Выйдя на институциональный уровень, Фромм продемонстрировал, что человек создает институты, которые, усложняясь, начинают господствовать над своим создателем. Отклоняя свою ответственность за результаты подобной деятельности, человек создал сложную экономическую систему, оказываясь частью которой, индивид вынужден встраиваться в нее, становясь очередным незначительным атомом.

Герберт Маркузе в своем произведении «Одномерный человек» указал, что господствующие интересы и цели теперь могут изначально встраиваться в структуру технического аппарата, тем самым снимая необходимость дополнительного навязывания.

По мнению Маркузе, если бы человеку больше не пришлось выступать в качестве экономического субъекта, которому необходимо утверждаться в рамках рыночных критериев, то появление новой формы свободы смогло бы стать одним из самых серьезных достижений цивилизации. Технологические процессы смогли бы высвободить время и энергию индивидов, чтобы направить их в неизведанное царство свободы, находящееся по ту сторону необходимости. Человек, избавленный от мира труда, цель которого состоит исключительно в навязывании чуждых потребностей и возможностей, смог бы обрести свободу, которая бы позволила осуществить автономию бытия [5, 3].

Продолжив анализ, Маркузе указал, что подобные заявления оказываются лишь мечтами, которые не могут воплотиться в реальность. На деле, несмотря на достижения цивилизации, наблюдается противоположная тенденция, при которой производственный аппарат налагает политические и экономические требования экспансии, причем не только на рабочее, но и свободное время, претендуя на материальные и нематериальные формы культуры.

Основная проблема заключается в том, что способ удовлетворения, интенсивность и характер потребностей индивида оказываются результатом заранее сформированных и навязанных ему императивов. Возможность совершать или не совершать действия, созидать или разрушать могут приобретать или не приобретать форму потребности в зависимости от желаний и интересов господствующих социальных институтов.

Итогом становится деформация личности индивида, возникающая как результат отмирания потребностей, выходящих за рамки воспроизводства экономической активности. Пытаясь найти баланс, отчужденный наемный работник становится отчужденным потребителем, продуктом надчеловеческих социальных образований. Сформировавшееся у индивида отношение к своему труду как к вынужденному средству выживания неизбежно приводит к ограничению его личности сферой потребления.

Важным в данном случае становится осознание того, что отчуждение необходимо трактовать сквозь призму диспозиций человека и реальных предпосылок их материализации в соответствии со сложившимися обстоятельствами. В этом случае появляется возможность обусловить самоутрату личности и обозначить понятия потенциальности индивида. Основным лейтмотивом здесь становится не только освобождение человека, которое не может принимать универсальные формы, но и созидание.

С точки зрения функционирования экономической системы или общества в целом значение категории отчуждения невысоко и может играть как положительную, так и отрицательную роль в развитии производственных отношений и производительных сил. Однако нужно понимать, что развитие производительных сил способно обуславливаться отчуждением в той мере, в какой имеет в основе своей противоречие, обнаруживающее себя между характером развития индивидуального, организационного и технического элементов производительных сил. Элиминация индивида, или использование его в качестве биологической марионетки в условиях вторжения технологической реальности, становится действенным инструментом для того, чтобы

свести индивидуальность к аморфному репрезентанту отчужденной социальной организации. Подавление отстаивания индивидуальности оказывается мощнейшим стимулом для технологической унификации индивидов в социум, трансформации своего «я» в «мы».

Нарушение целостности индивидуальности человека из-за внедрения, усиления влияния и разрастания многочисленных надличностных образований, отторгающих и подавляющих его, направленных на управление и нейтрализацию личностных проявлений, становится барьером, тормозящим волеизъявление [6, 101].

Таким образом, приходит понимание, что категория отчуждения становится проблемой поиска и выявления оптимальных возможностей существования человека и институционализации социальных структур, оказывающих этому содействие.

Литература

1. *Гоббс Т.* Лавиафан. М.: Мысль, 2001. 478 с.
2. Институциональные вызовы современной России: экономика и право. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2016. 237 с.
3. *Лем С.* Из воспоминаний Ийона Тихого. М.: Книжная палата, 1990. 528 с.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. 537 с.
5. *Маркузе Г.* Одномерный человек. М.: «REFL-book», 1994. 368 с.
6. Модернизация экономики и инновационное развитие России: векторы, проблемы, приоритеты: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Самара: НОО «Профессиональная наука», 2016. 132 с.
7. *Плавт Т.М.* Избранные комедии. М.: Художественная литература, 1967. 664 с.
8. *Фромм Э.* Здоровое общество. Догмат о Христе. Пер. с нем. М.: АСТ, Гранзиткнига, 2005. 571 с.
9. *Хайдеггер М.* Бытие и время. Пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: «Фолио», 2003. 503 с.
10. *Rousseau J.-J.* Du Contrat Social ou Principes du droit politique // Une édition produite à partir du texte publié en 1762. Paris: Union Générale d'Éditions, 1963. Le monde en 10—18, pp. 1 à 198. 373 pp.

References

1. *Gobbs T.* Laviafan. M.: Mysl', 2001. 478 s.

2. Institucional'nye vyzovy sovremennoj Rossii: jekonomika i pravo. Tver': Tverskoj gos. un-t, 2016. 237 s.
3. *Lem S.* Iz vospominanij Ijona Tihogo. M.: Knizhnaja palata, 1990. 528 s.
4. *Marks K., Jengel's F.* Soch. T. 42. M.: Politizdat, 1974. 537 s.
5. *Markuze G.* Odnomernyj chelovek. M.: «REFL-book», 1994. 368 s.
6. Modernizacija jekonomiki i innovacionnoe razvitie Rossii: vektory, problemy, priority: sbornik nauchnyh trudov po materialam I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Samara: NOO «Professional'naja nauka», 2016. 132 s.
7. *Plavt T.M.* Izbrannye komedii. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1967. 664 s.
8. *Fromm Je.* Zdorovoe obshhestvo. Dogmat o Hriste: [per. s nem.]. M.: AST, Tranzitkniga, 2005. 571 s.
9. *Hajdegger M.* Bytie i vremja. Per. s nem. V.V. Bibihina. Har'kov: «Folio», 2003. 503 s.

Л.А. БУЛАВКА-БУЗГАЛИНА

Обращение к СССР — ностальгия по патриотизму?

Аннотация. Обращение к практикам СССР в постсоветской истории нередко вызвано поиском, с одной стороны, альтернативы капиталистической глобализации, с другой — того пути развития, который сохранял бы в себе связь с культурным и историческим наследием России. Эта ситуация проявляет общественный запрос на такой тип развития страны, который диалектически соединил бы в себе альтернативы современному миру отчуждения и патриотизм. Возможна ли такая диалектика развития? Опыт СССР показал, что диалектика альтернативного развития капитализму (социализм) и советский патриотизм могут идти рука об руку. Возникает вопрос: что может быть основой этого единства сегодня?

Ключевые слова: диалектика, отчуждение, разотчуждение, культура, субъект, патриотизм, СССР.

Abstract. An appeal to the practices of the USSR in post-Soviet history often caused by finding, on the one hand, alternatives to capitalist globalization, on the other — the path that would maintain a connection with

cultural and historical heritage of Russia. This situation shows public demand for the type of development, which will dialectically unite an alternative to the modern world of alienation and patriotism. Is it possible to realise such dialectic of development? Soviet experience has shown that development of alternatives to capitalism (socialism) and Soviet patriotism can be united. The question arises: what can be the basis of this unity today?

Key words: dialectic, alienation, desalination, culture, subject, patriotism, USSR.

Сегодня в повестке общественных дискуссий все сильнее и ярче утверждает себя общественный запрос на патриотизм как на ту идеологию, которая предполагала бы связь человека не только с культурно-историческим наследием нашей страны, но и возможность служения ей через *большое дело в истории* и через *поступок — в культуре*.

Но патриотизм имеет разные исторические формы, например, патриотизм феодальной России 1812 г. или советский патриотизм времен Великой отечественной войны и т. д. Патриотизм различается еще и по своему содержанию: например, он бывает деятельностным и ритуально-казенным. Кроме того, патриотизм бывает прогрессивным и реакционным, когда в одном случае он предполагает развитие страны на основе интернациональных связей с другими народами и странами; в другом — возвышение значения своей страны за счет эксплуатации и подавления народов других стран, более того — отделения и обособления от них.

Возрастание общественной актуальности патриотизма сегодня неслучайно. Современный мир, все более сталкиваясь с ростом социокультурных противоречий, вызываемых глобализацией и «столкновением цивилизаций» (Сэмюэль Хантингтон), «рыночным фундаментализмом» и медийным манипулированием, дегуманизацией и гегемонией массовой культуры, ищет пути выхода из этих гуманитарных ловушек XXI в. Сегодня народы и страны, разделенные глобальной конкуренцией, не имеют той интернациональной взаимосвязи, которая позволила бы им совместно искать выход из ловушек капиталистической глобализации, отчасти поэтому каждая страна пытается обособленно искать выход из создавшегося положения. В нашей стране эта тенденция усиливается еще и тем, что на фоне исторической катастрофы, вызванной распадом СССР, общество на протяжении 25 лет постсоветской истории подвергалось культурному и историческому унижению и подавлению, что в значительной степени сохраняется и сегодня. Это обстоятельство не могло не вызвать чувство оскорбленного общественного достоинства и исторической памяти. Вот почему на протя-

жении всех этих лет частота обращений к практикам СССР не только не угасала, но и возрастает.

Автор также поворачивается в сторону СССР, чтобы разглядеть вектор прорыва из ловушек настоящего в пространство развития будущего нашей страны, и что очень важно — как настоящего, ибо возрастающая напряженность геополитической ситуации не оставляет нам сегодня права на ожидание. И все же, почему, пытаясь разглядеть будущее, общество постоянно оглядывается в сторону СССР?

Оглядывается или всматривается? И что за этим стоит: ностальгия по молодости и только? Но к практикам СССР нередко обращаются и те, кто родился после распада СССР. Что они ищут для себя в этом обращении? Может быть, это ностальгия по тому будущему, в котором гражданин России сможет не только уважать и гордиться своей страной, но и иметь возможность служить практическим делом ее процветанию, а это значит — служить делу развития прежде всего самого человека.

В связи с этим рассмотрим некоторые предпосылки, вызывающие в обществе те или иные повороты в сторону разных практик СССР, причем в контексте набирающей за последнее время тенденции того, что называется патриотизмом.

Обращение первое: симулякр движения рождает пустоту

Распад СССР обернулся, с одной стороны, самосознанием исторической катастрофы и личной трагедии, с другой — открытием потребительских достижений западной цивилизации (для тех, у кого были деньги): новыми кухонными и стиральными машинами, новыми продуктами в ярких обертках, не доступными прежде возможностями туристического открытия мира. Правда, тут вспоминаются слова Марины Цветаевой о том, что туризм для России смерти подобен.

Особенность современного рынка заключается в том, что, вырастая из глобальной гегемонии капитала и базируясь на информационных технологиях и современных средствах телекоммуникаций, массмедийной экспансии, рынок становится некой тотальностью, проникающей во все сферы жизни человека и общества. И это действительно так: человек сегодня живет в условиях не просто господства рыночных отношений, но именно диктатуры рыночного тоталитаризма, рождающего и своих апологетов.

А в начале 1990-х разнообразие и яркость хлынувшего в Россию потока прежде невиданных товаров поначалу не вызвали мощного эмоционального бума, ибо еще сказывался высокий уровень культуры, с которой советские люди были катапультированы «без парашюта» в

лавочное пространство 1990-х. Как писал Марк Блок: «Люди тогда уже знали и куплю, и продажу, но они в отличие от современников еще не жили этим» [4].

Дух потребительства пришел позже — по мере вымывания культуры. И все же интерес к этим новым товарам был, но это был специфический интерес: поначалу они рассматривались прежде всего как элементы, из которых можно было конструировать образ частного жизненного пространства в соответствии с личным представлением о западном стиле жизни. Не о нем ли мечтали многие интеллигенты брежневской поры?

А так как интенсивность обновления рыночного ассортимента постоянно возрастает, то возможность потребления (при наличии средств) становится неиссякаемой в принципе. Соответственно и конструирование частного жизненного пространства на основе все более интенсивной смены вчера купленных на сегодня покупаемые вещи становится перманентным.

Так в постсоветской системе происходило утверждение нового *lifestyle* под названием «евроремонт». Именно так автор данной статьи называет этот стиль, ибо понятие «евроремонт» у нас обрело значение символа рыночного обновления, напоминающего гегелевскую «дурную бесконечность» как «неограниченный процесс однообразных, однотипных изменений, ничем не разрешающихся».

И чем интенсивнее становится сменяемость рыночных однообразий, тем сильнее оказывается невнятность ощущения как собственного «Я», так и того, что именуется действительностью. Ощущение жизненного пространства-времени постепенно сводится к плоскости компьютерного монитора. Можно сказать, что местом поселения современного рыночного человека является хронотоп онтологической мертвечины, где история лишена движения, а культура — живых отношений. Вот эту мертвую всеобщность и являет собой частный интерес, лежащий в основе рыночной (лавочной) глобализации, которую нам преподносят как вершину современной западной цивилизации.

Но сама социально-экономическая реальность, казалось бы, полна движения: в ней как бы идут реформы и модернизационные процессы; имена одних чиновников и бизнесменов, укравших миллионы из госказны, сменяются другими, хотя все они при этом как-то безнаказанно растворяются в анонимности информационного потока. Истории с этими лицами, как и положено, обрываются на самом интересном месте, поэтому то, что происходит с ними, после того как их ловят за руку, — нам знать уже не дано — как говорится, «и пучина сия поглотила ея». А дышащие им в спину новые имена высокопоставленных

чиновников с новыми накраденными миллионами (вообще-то принадлежащими обществу) вытесняют из оперативной медийной памяти имена предыдущих. Но иллюзия движения тем не менее возникает — как при просмотре старинного праксиноскопа.

И уже совсем не иллюзорно падают самолеты и вертолеты, опрокидываются автобусы с пассажирами, тонут суда в зимних морях, обваливаются дома и казармы — сколько горя, трагедий каждый день, а драматургии как не было, так и нет. «Дурная бесконечность» как симулякр развития рождает пустоту, лишенную человеческого измерения. Вот это чудовищное противоречие как раз и выражает антигуманную сущность российской действительности, продиктованной властью капитала и рыночного тоталитаризма, которая способна лишь подавлять развитие человека.

А ведь тот же *деятельностный патриотизм*, предполагая индивида как создателя истории и культуры страны, объективно заинтересован в развитии сущностных сил человека как важнейшей предпосылки процветания всей общественной системы как таковой.

Обращение второе: разотчуждение — главный неписанный закон СССР

Говоря о разных формах патриотизма, важно понять, что в этом случае является его детерминирующей основой: область субъективного идеализма (если мы сводим это понятие лишь к личному отношению индивида к понятию «Россия») или же некая материальная основа, тогда возникает вопрос — какая?

И еще важный момент: понятие «деятельностный патриотизм» исключает принцип отчужденного (равнодушного) отношения к действительности, характер развития которой как раз и определяет потенциал и индивида, и общественной системы в целом. В связи с этим возникает вопрос: насколько действительность современной России может формировать именно конструктивно-созидательный тип патриотизма, а не что-нибудь иное?

Обращаясь же к нашей действительности, нельзя не заметить, что та мера отчуждения, которая обусловлена властью российского олигархического капитала и коррумпированной бюрократии, может порождать только жизненно опасную реальность, которая убивает и человека, и последние остатки общественного гуманизма. Впрочем, это закономерно для любого типа капитализма, порождающего разные формы отчуждения.

Лишь Красный Октябрь 1917 г. способен был осуществить революционный прорыв из них. Это не значит, что в СССР не было от-

чуждения: в нем были и те формы, что достались от царского режима, и те, что возникали уже в рамках советской реальности. Но главное было другое: саму суть начатых революционных преобразований большевики связали с проблемой отчуждения, а точнее — с принципом деятельностного снятия (преодоления) его разных конкретно-исторических форм. Это отношение автор определяет в своих работах как «разотчуждение» теоретически раскрывая его как конкретно-всеобщее отношение *освободительной* (социалистической) тенденции истории и культуры СССР [5].

Другими словами, в СССР был утвержден принцип равнодушного отношения к отчуждению (и это есть первый шаг на пути к разотчуждению), причем как принцип личной этической позиции и гражданской одновременно. Суть этого принципа такова: «советский человек», т. е. «настоящий человек» (в СССР это были синонимы) не имеет право быть равнодушным. Более того, этот императив считался основополагающим для каждого: для гражданина, для государственного деятеля и для творца (художника и ученого). Он был обязателен для человека любого возраста, любой национальности и любой профессии. Более того, он был главным критерием замера человеческого в человеке. Другой вопрос, как и в какой мере он проявлялся. В любом случае, принцип равнодушного отношения к человеку и окружающей действительности, причем проявляемый и это особенно важно — как *действительный акт* (что есть суть практической этики), задавал и соответствующую ему форму — форму *личностного поступка*.

Именно через *акт поступка* советский индивид как раз и выражал свой категориальный императив разотчуждения как конкретно-всеобщее отношение. Как писал Михаил Бахтин, именно действие-поступок соединяет объективное бытие и субъекта («Я») в то целое, где бытие становится бытием-событием, а индивид — его субъектом. И суть этого поступка — ответственность, а точнее — «единство ответственности» [2].

Наряду с этим следует отметить одно важное положение: разотчуждение предполагает не идеалистические, а вполне материальные основы своего генезиса, ибо оно связано с практическим и качественным преобразованием действительности, сверхзадача которого есть освобождение человека и общества от власти всех форм отчуждения.

Субъектом же этих преобразований было само общество. Несмотря на доминирование бюрократических тенденций, советский человек пытался осуществить себя как творец истории, причем в самых разных ипостасях: в 1920-е — как борец за мировую революцию, в 1930-е — как энтузиаст первых пятилеток, в 1940-е — как борец про-

тив мирового фашизма, в 1950-е — как энтузиаст освоения целинных земель, в 1960-е — как строитель «городов, у которых названия нет», и в 1970-е — как строитель БАМа.

Разотчуждение, будучи конкретно-всеобщей основой и советской истории, и советской культуры, стало основой их диалектического единства.

Именно поэтому оно имело силу едва ли не главного неписаного закона советской жизни, который выступал прежде всего, как этический императив, задающий отношение к самым разным вещам, делая понятным без слов, почему нельзя красть продукты в детских садах, почему надо так строить дома и казармы для будущих защитников страны, чтобы не было стыдно перед самим собой, почему, замерзая от холода, люди в блокадном Ленинграде не вырубали деревья в Летнем саду.

Это не значит, что в СССР все следовали этому императиву. Но даже отступая от него, индивид осознавал это как нарушение основополагающего принципа не только общества, но и того, что позволяет ему рассчитывать на уважение себя со стороны окружающих. Это так же, как человек Средневековья, который, даже нарушая религиозные заповеди, все же осознавал это нарушение как грех и затем раскаивался в нем, в отличие от человека эпохи Возрождения, который, совершая самые дикие преступления, тем не менее и не думал в них раскаиваться, потому, что последним критерием для человеческого поведения считалась тогда сама же изолированно чувствующая себя личность [36].

Рассматривая принцип «разотчуждения», следует подчеркнуть еще один важный момент. Именно то положение, что в основе генезиса СССР как социалистической системы лежала не какая-либо абстрактная идея (национальная или религиозная, или некая политическая), а именно сам *принцип деятельностного преобразования действительности*, связанный с формированием качественно новых общественных отношений, свободных от власти тех или иных господствующих форм отчуждения, — именно это и стало важнейшей предпосылкой развития *интернационализма* советского общества и системы в целом.

Именно принцип субъектности, проявляемый в практике совместного и творческого преобразования действительности, и определил принцип *интернационализма советской истории и всемирности советской культуры*. И в этом была сила советской системы и советского общества — сила, позволявшая решать проблемы мира как свои,

и свои — как проблемы мира. Победа СССР над мировым фашизмом — одно из великих тому подтверждений.

Именно вектор развития общества и системы, ориентированный на деятельностное преобразование действительности на основе разрешения ее тяжелейших противоречий, становился важнейшей предпосылкой зарождения ростков «царства свободы». Именно «царство свободы» как красная нить советской истории, пробивающаяся через разрешение сложнейших противоречий XX в., является причиной того, что к теме СССР сегодня все чаще обращаются и молодые люди.

А есть ли сегодня такой неписанный закон, который определяет законы и правила во всех сферах общественной жизнедеятельности? Да, такой закон есть, но про него нигде не сказано в документах, хотя про него знают все, даже дети, которые не умеют читать. Суть этого главного закона: частный интерес как личное обогащение любой ценой по формуле: «деньги — власть — деньги — власть». Вот почему поиск принципиально иной — гуманистической основы общественного мироустройства, имеющей силу главного неписаного закона, — как раз и заставляет сегодня разворачиваться в сторону СССР, чтобы понять, при каких условиях такой характер развития оказывается возможным, а при каких — нет.

Обращение третье: ориентация на культуру

Возможно ли конструктивно-творческое включение индивида в деятельность, ориентированную на развитие потенциала страны в обход культуры? И каковы реальные предпосылки такого *деятельностного патриотизма* в современной российской действительности?

Современный российский капитализм, являющий собой его реверсивную (попятную) форму, во всей полноте показал одну свою принципиальную особенность: если «естественно-исторический» капитализм имманентно исключал гуманизм как вектор общественного развития, то российский реверсивный капитализм начал утверждать себя именно с разрушения гуманистического потенциала СССР как его важнейшего достояния, но ведь гуманизм (человечность) культуры нельзя «сделать», его можно только вырастить как лес из редких пород деревьев. Закономерным следствием уничтожения гуманизма явилось и разрушение культурного достояния, причем не только СССР, но и того, что было наработано в ходе дореволюционной и мировой истории.

А вместе с культурным достоянием российский капитализм упразднил и понятие «человек» как мерило общественных отношений, а вместе с ним и все сопутствующие ему понятия: «творчество»,

«культура», «образование», «труд», а значит, и все связанные с ними смыслы.

Возникает вопрос: а возможно ли в принципе диалектическое сопряжение развития общества и культуры на основе предложенного автором понятия «разотчуждения»?

В связи с этим мы обратимся к тем советским практикам, которые были ориентированы на снятие отчуждения, с одной стороны, общества от культуры, а с другой — интеллигенции от культурной политики. И прежде всего мы обратимся к практикам 1920-х гг., показывающим, какие огромные творческие преобразования происходили в этот период и в сфере культуры [6]. Вот ряд примеров, демонстрирующих разнообразный спектр направлений культурной политики большевиков периода 1920-х гг.

- Комиссариатом были ассигнованы довольно значительные суммы на приобретение тех или иных особенно ценных документов и рукописей, в частности, было затрачено 50 000 р. на покупку рукописей Пушкина [32, 26].

- «Румянцевскому музею только на покупку художественно-исторических ценностей было дано 250 000 р.» [32, 28—29].

- «Советы организовали ряд своих собственных» театров» [32, 32].

- Декабрь. 1917. Комиссариат народного просвещения уничтожил посмертное право наследников на творение литературы и науки [32].

- При этом произведения продавались за один том по 1 р. 50 к. за том, в то время как рыночная цена за такой же том их достигала 8—10 р. и больше. Комиссариат продавал свои издания почти по себестоимости с надбавкой в 10-15% на накладные расходы [32, 17].

- По словам В. Керженцева, в 1919 г. вся Россия была покрыта киосками и книжными магазинами [32, 17].

- 10 января. 1918. Ташкент. Постановление СНК Туркестанского края об освобождении от воинской службы офицеров, имеющих звание учителя [33, 207].

- 6 мая 1918 г. Петроград. Открывается вторая выставка картин общества имени А.И. Куинджи. Экспонируются 385 произведений 55 художников [8, 19].

- 30 мая 1918 г. Постановление СНК «О запрещении вывоза за границу картины Боттичелли (тондо), принадлежавшей кн. Е.П. Мещерской, которая была передана в Румянцевский музей, а позднее — в Музей изобразительных искусств [56].

- 1 августа 1918 г. Москва. Постановление коллегии Наркомпроса о выдаче средств собирательнице русских народных песен А.И. Третьяковой на организацию фольклорной экспедиции [37].
- 20 августа 1918 г. А.М. Горький, А.Н. Тихонов, З.И. Гржебин и И.П. Ладыжников заключают между собой договор об организации издательства «Всемирная литература» [1].
- 5 октября 1918 г. Выходит Постановление СНК «Об отпуске 5 млн. руб. Наркомпросу и о запрещении продажи школам и просветительным организациям учебников на коммерческих началах»; Постановление СНК «Об освобождении всех зданий, принадлежащих учебным заведениям и занятым учреждениями других ведомств» [12].
- 17 ноября 1918 г. Петроград. Торжественное открытие памятников Гейне у здания Петроградского университета [45].
- 4 января. 1919. Туркменская АССР, Семиреченский областной отдел по национальным делам принимает постановление о записи у народных акынов образцов народной поэзии и об использовании народных певцов для распространения в народе идей Советской власти и коммунистической партии» [32, 106].
- 13 апреля — 29 июня 1919 г. Петроград. В 17 залах Дворца искусств (бывший Зимний дворец) работает первая государственная свободная выставка произведений искусства. Представлено 1826 картин 299 художников [8, 46—47].
- 29 июля 1919 г. Москва. Декрет СНК «Об отмене права частной собственности на архивы русских писателей, композиторов, художников и ученых, хранящиеся в библиотеках и музеях» [13].
- 19 октября. 1919. Туркестанская АССР. Ташкент. Постановление Президиума ЦИК Советов республик о сокращении рабочего дня до 6 часов для слушателей вечерних школ и курсов [33, 144].
- 12 августа. 1920. Азербайджанская ССР. Баку. Издаются приказы Народного военного и морского комиссариата «Об освобождении от призыва в войска работников просвещения» [51].
- 29 июня 1920 г. Ленин пишет записку Е.А. Преображенскому в секретариат ЦК РКП(б) по вопросу об издании переводов лучших новых экономических работ и сочинений материалистов XVII—XVIII вв. [35].
- 4 февраля. 1921. Наркомпрос объявляет конкурс азбук для подростков 15—17 лет [20].
- 13 августа 1922 г. А.В. Луначарский получил подлинник дела Отдельного Кавказского корпуса за 1841 г. об убийстве на дуэли М.Ю. Лермонтова. Материал доставлен прибывшим на XII Всероссий-

скую конференцию РКП (б) начальником политотдела Отдельной Кавказской Армии т. Лисовским, купившим документы из частных рук [43].

- 21 августа 1924 г. В день столетия ссылки А.С. Пушкина в селе Михайловское открыт Пушкинский заповедник [44].

- 18 сентября 1924 г. Впервые за 100 лет существования Публичной библиотеки производится ее полная художественная реставрация [21].

- 13 февраля. 1925. СНК принимает декрет «Об освобождении Российской Филармонии от всех государственных и местных налогов и сборов [52].

А вот что писал о культурной политике большевиков такой яростный оппонент большевизма, как А. Терне (1922): «Музейное дело развито шире, ибо большевики свозят в музеи все награбленные в буржуйских квартирах предметы искусства, поскольку таковые не прилипают по дороге к рукам чекистов... Все музеи и картинные галереи открыты ежедневно и обычно полны публикой» [53].

А вот примеры уже научной политики большевиков, разработка которой началась уже в самый начальный период революционных преобразований.

- 2 декабря 1918 г. Петроград. На заседании КЕПС обсуждается вопрос об организации научных экспедиций для обследования залива Кара-Богаз-Гол и калиевых месторождений Соликамского края [39, 178—179].

- Май 1919 г. Петроград. Начинают работать первые, созданные после Октябрьской революции академические институты: Российский институт физико-химического анализа (во главе с академиком Н.С. Курнаковым) и платиновый (во главе с профессором Л.А. Чугаевым) [39, 139].

- 15 ноября 1918 г. Петроград. Учреждается Институт живого слова [7].

- 15 декабря 1918 г. Петроград. Коллегия Наркомпроса принимает решение о создании Оптического (ГОИ) и Керамического государственных институтов [39, 153].

- Январь 1919 г. Петроград. Начинает работать Государственный рентгенологический и радиологический институт (директор М.И. Неменов) [39, 240].

- 6 мая 1919 г. Учреждается Российский научно-химический институт в Москве [39, 137].

- 18 июня 1919 г. Учреждается Государственный гидрологический институт [39, 142].

- Январь 1920 г. При Оптическом институте начинает работать Атомная комиссия в составе Д.С. Рождественского, А.Н. Крылова, И.Ф. Иоффе и других [8, 174].

- 16 февраля 1920 г. КЕПС создает особый комитет для порайонного исследования и описания естественных богатств страны. Председатель комитета — академик А.Е. Ферсман [38].

- 10 марта 1921 г. СНК издает декрет об учреждении при Наркомпросе плавучего Морского института для всестороннего и планомерного исследования северных морей [26].

- 16 января 1922 г. Научно-техническая секция ГУС принимает решение об учреждении Государственного радиового института во главе с академиком В.И. Вернадским [39, 171].

- 17 сентября 1922 г. Торжественное открытие Государственного института театрального искусства (ГИТИС) [42].

- 30 ноября 1921 г. Петроград. Радиевый завод, организованный Академией наук, получает первые высокоактивные препараты радия из отечественного сырья [8, 309].

Значимость и успехи культурной революции большевиков были признаны многими, в том числе и западными исследователями. Вот что об этом писал Роджер Петибридж (*The Social Prelude to Stalinism*. Pethybridge, Roger. Published by Macmillan, London, 1977): «В течение 22 лет Советское правительство подтянуло свой народ до уровня грамотности большинства западноевропейских стран в конце XIX-го столетия. В Британии, Франции и Германии подобного успеха удалось добиться, по меньшей мере за сто лет» (цит. по: [31]).

Подобную оценку дает и Г. Уэллс: «И, хотя я был исполнен предубеждения и недоверия, теперь мне приходится признать, что в условиях величайших трудностей большевики сумели поднять дело просвещения на поразительную высоту» [54, 81].

И далее продолжает он: «В осажденной, голодающей стране большевики из принципа сделали то, что всякое другое правительство сделало бы по необходимости» [54, 77].

Результаты культурной революции большевиков были настолько заметными, что это отмечали даже те, кто активно боролся против власти Советов, например, известный идейный лидер монархизма В. Шульгин [57].

В связи с культурными преобразованиями 1920-х гг. отметим и роль той интеллигенции, которая подключилась к этим практикам. Как известно, в начальный период Октябрьской революции (октябрь 1917 — весна 1918 г.) большая часть интеллигенции отказывалась ра-

ботать с Советской властью. Не так много нашлось тех, кто как А.А. Блок, отвечая на вопрос анкеты газеты «Эхо»: «Может ли интеллигенция работать с большевиками?», в 1918 г. ответил: «Может и обязана... Интеллигенция (имеется в виду лучшая демократическая часть — Л. Черепнин) всегда была революционна. Декреты большевиков — это символы интеллигенции. Брошенные лозунги, требующие разработки» [3].

Период с октября 1917 до весны 1918 г. в целом же отличался активным и пассивным саботажем со стороны интеллигенции. Например, на общем собрании членов Академии союза Петрограда 26 октября 1917 г. года был принят «Протест Академии союза» с призывом не поддерживать Советскую власть [14, 23].

Другой пример: саботаж учителей с осени 1917 до весны 1918 г. привел к тому, что текущий учебный год реально для учеников был потерян.

Но уже в январе 1918 г. начались переговоры, иногда переходящие в деловой диалог, как это было, например, между Наркомпросом и той же Академией союза Петрограда. А уже с весны 1918 г. начали устанавливаться деловые отношения между органами власти и прежними структурами (ее отдельными представителями). Но с наступлением НЭПа опять началось обострение этих отношений [14, 24].

И даже в первый революционный период среди интеллигентов было немало тех, кто все-таки принял Советскую власть. И это неслучайно: демократичность культурной политики большевиков проявлялась и в ее опоре на участие самих деятелей культуры в социальных преобразованиях того периода. Свое согласие на участие в революционных преобразованиях почти сразу подтвердили А. Блок, В. Брюсов, Е. Вахтангов, И. Грабарь, М. Ермолова, В. Кандинский, В. Мейерхольд, В. Немирович-Данченко, К. Станиславский, А. Сумбатов-Южин, Л. Собинов, С. Эйзенштейн и многие другие, а из числа ученых — А. Бах, В. Бехтерев, Н. Жуковский, Д. Заболотный, А. Карпинский, А. Крылов, И. Павлов, Д. Прянишников, К. Циолковский, Л. Чугаев, С. Федоров и др.

Многие художники нередко напрямую включались в процессы управления культурной политикой. Вот лишь некоторые примеры.

- Март 1918 г. Петроград. А. Блок приступает к работе в Петроградском театральном отделе Наркомпроса в качестве председателя репертуарной секции [28].

- К. Малевич был назначен временно для охранения ценностей Кремля [34].

- 11 апреля. 1918. Собрание деятелей искусств, созданное Моссоветом, избирает Коллегию по делам изобразительных искусств — совещательный орган для координации работы художественных учреждений и оказания им помощи. В состав Коллегии вошли: В. Веснин, И. Жолтовский, С. Коненков, П. Кончаловский,

- Май. 1918. Создается комиссия по сохранению и распространению памятников живописи в России под руководством И.Э. Грабаря [11].

- Октябрь. 1918. Одним из руководителей Свободных государственно-художественных мастерских назначен В. Кандинский [27].

- Январь. 1919. В.Я. Брюсов назначен заведующим Московским отделом библиографического отдела Наркомпроса [46].

- Сентябрь. 1921. В Москве открывается государственная библиотека, показательный литературный техникум. Среди профессоров: А. Белый, В.Я. Брюсов, Айхенвальд.

- 14 апреля. 1923. Композитор А.К. Глазунов назначен директором Петроградской консерватории.

- В 1925 г. в Ленинградском государственном институте истории искусств преподавали Тынянов, Томашевский, Эйхенбаум, Жирмунский, Щерба, Виноградов, Ларин, Якубинский, Бернштейн [10].

С инициативами социального творчества выступали даже представители интеллигенции, находящиеся в эмиграции. Так, например, в 1918 г. П.И. Бирюков, русский эмигрант, проживавший в Швейцарии, обратился к Луначарскому с просьбой посодействовать его возвращению в Советскую Россию и участию его в работе Наркомпроса. У Бирюкова были идеи о реорганизации образования [55].

Содержание, новизна, темпы и результаты культурных преобразований, проводимых большевиками в 1920-е гг. — все это обращает на себя внимание и со стороны мировой культурной общественности. Вот некоторые примеры.

- 23 июня 1922 г. Вернувшись из Флоренции, организаторы русского отдела на международной книжной выставке (7 мая 1922 г. открылась выставка) свидетельствуют о большом успехе отдела, ставшего центральным местом выставки. Советская Россия получила приглашение участвовать в Международном книжном комитете по восстановлению международной книжной торговли и обмена изданиями [22].

- Ранее 15 февраля 1923 г. Устанавливаются связи с Международной конфедерацией музыкантов (Брюссель) [23].

- 14 апреля 1923 г. Директор Петроградской консерватории А.К. Глазунов избран почетным членом Берлинской академии наук [24].

- 26 июня 1923 г. Публикуются письма известного германского дирижера Густава Брехера, гастролировавшего в Москве Наркому просвещения А.В. Луначарскому и Государственному институту музыкальной науки, в которых выражалось восхищение высоким уровнем художественной жизни в Советской России [25].

- 9 ноября 1923 г. Издательские и научные организации Франции возбудили вопрос об устройстве в России выставки французской научной книги [47].

- 12 ноября 1923 г. Альберт Эйнштейн по радиотелефону приветствует Советскую Россию [48].

- 8 декабря 1923 г. Известная французская ученая Мария-Склодовская-Кюри выразила желание ознакомиться с работами советских ученых Рентгенологического и Радиологического институтов [49].

- 22 июля 1924 г. Иностранная печать отмечает большой успех советских экспонатов книг, представленных на международных выставках книги: дважды в Лейпциге, а также в Вене и Праге [50].

- 17 января. 1925 г. Французские ученые (Ж. Ренар, П. Буайе, Ж. Легра, А. Олар и др.) приветствуют русскую науку в лице члена—корреспондента Российской Академии наук Е.В. Тарле [15].

- 7 июля. 1925 г. Сообщается о приезде директора Метрополитен-музея искусств в Нью-Йорке профессора Башфорта Дина для ведения переговоров о культурном обмене [16], а также членов Скандинавского музейного конгресса. Цель приезда — осмотр и изучение ленинградских музеев [17].

- 3 сентября 1925 г. В Брюсселе конгресс Парижского Интернационала работников просвещения признал большие заслуги советской школы в деле воспитания подрастающего поколения [18].

- 15 июня 1926 г. Член-корреспондент Е.В. Тарле избирается действительным членом Нью-Йоркской Академии наук [19].

При всех противоречиях советской системы культурная политика в СССР была ориентирована на такую систему гуманистических ценностей, главным измерением которых был «человек».

Российский же капитализм за всю свою постсоветскую историю (а это уже четверть века) так и не смог создать высокую культуру, которая, составляя достояние страны, представляла бы такую систему образов и понятий, которые позволили бы современному человеку схватывать и мыслить действительность. А вне системы понятий и образов, человек не может мыслить действительность и ее противоречия, и потому ему остается только одно — рефлексировать на ее слу-

чайные проявления. Может быть, поэтому сегодня не угасает разворот к советской культуре?

Обращение четвертое: герой vs функция капитала

Понятие «*деятельностный патриотизм*» предполагает субъектно-деятельностный принцип общественного бытия человека на благо развития истории и культуры своей страны, да и мира в целом. Такого ли гражданина формирует современная российская действительность? И может ли патриот быть мещанином, отстаивающим лишь свой частный интерес? А мещанин — патриотом? И каковы последствия этого?

Для власти капитала, рынка и бюрократии сегодня индивид нужен лишь в одной ипостаси — как функция. И это есть имманентный закон мира отчуждения, из которого он сам пока вырваться не может, но самое страшное — не очень-то и хочет. Да, быть функцией тяжело и неприятно, но быть субъектом — это значит решать проблему смысловой перезагрузки своей субстанции.

Приспосабливаться к этой реальности трудно и больно, но самому определять ее — хотя бы в горизонте собственной личности — сложно и страшно, ибо это требует от индивида позиции, поступка и самое главное — персональной ответственности. Одним словом — той принципиальности бытия, без которой невозможно быть субъектом истории и культуры. Именно эта проблема есть гордиев узел современного индивида, общества и культуры, т. е. всего того, что составляет потенциал их исторического развития.

В условиях рыночного тоталитаризма на бессубъектность существования обречены все: и малоимущие, и средний класс и особенно богатые. Понятно, что функциональное существование нивелирует личность индивида, подчиняя его деятельность, взгляды, стиль, вкус одному — рыночному канону, который есть не что иное, как стандарт общего.

Тем острее становится вопрос: где и как индивид сегодня может формироваться как общественный субъект, если формат личностного бытия исключен даже в культуре? Достаточно посмотреть на большую часть современных российских фильмов, в которых найти хотя бы один художественный образ — большая удача, причем даже маски — большая редкость, преимущественно — безликость. Но существуя в условиях отчуждения, индивид тем не менее имеет и живые связи с миром культуры, включая отечественную — русскую и советскую. А эта культура всегда несла в себе понятие «героическое».

И это неслучайно: принцип субъектного бытия, утверждающий себя через разрешение острейших противоречий советской истории и культуры, объективно требовал от индивида героического напряжения сил: позиции, воли к поступку, его свершения — и нередко ценой собственной жизни. Вот почему «героическое» явилось, во-первых, контрапунктом советской истории и культуры, во-вторых, основой их диалектического единства и, в-третьих, измерением человека как представителя рода Человек.

Но само это понятие не могло возникнуть из идей — даже самых революционных. Героическое бытие советского человека было обусловлено самой практикой преодоления тяжелых условий жизни как следствия международной борьбы за дерзкую попытку утверждения общества справедливости, труда и культуры (социализма), трагического противостояния бюрократизму и сталинизму, гасившим этот исторический порыв, массового энтузиазма, открытия нового мира и вдохновенного созидания советской культуры как всемирной культуры.

В сущности, строго по Борису Пастернаку: «Человек — действующее лицо. Он герой постановки, которая называется “история” или “историческое существование”» [40].

Так практики СССР показали земную — не приземленную — основу «героического», возникающего на основе решения насущных вопросов жизни для всех и каждого, а значит и для себя. И в этом — гуманистическая суть «героического», в отличие от супергероев, имена которых воспринимаются уже как символы современной массовой культуры (Человек-Паук, Супермен, Бэтмен, Капитан Америка и др.).

В советской культуре «героическое» понималось как некий поступок в истории, суть которого заключалась в деятельностном (не метафизическом) высвобождении действительности — а значит, и самого человека — от господства реальных форм отчуждения. Кстати, в этом заключалась и суть общественного идеала советской культуры.

Императив субъектности пронизывал и все советское искусство, выстраивая его драматургию, рождая эффект живого движения (развития) отношений и определяя его главного героя.

Проблемой героического или общественного запроса на него были пронизаны лучшие произведения советского искусства 1960-х. Например, в фильме Марлена Хуциева «Мне двадцать лет» герои пытаются лично ответить на новый вызов идеи героического бытия уже в условиях мирного времени. И даже в фильмах 1970—1980-х ставится эта проблема, но здесь уже показана внутренняя трагедия человека, его надлом из-за того, что он либо не может найти этот высокий смысл

(«Отпуск в сентябре» режиссера Виталия Мельникова — по мотивам пьесы Александра Вампилова «Утиная охота»), либо отказывается от него («Сталкер» режиссера Андрея Тарковского — по мотивам романа «Пикник на обочине» Аркадия и Бориса Стругацких).

**Обращение пятое: альтернатива миру отчуждения —
освобождение, а не свобода**

Понятие «патриотизм», казалось бы, уже само по себе несет четкую установку на сознательно выбранный тип определенной жизнедеятельности, связанной со служением делу процветания отечества. И уже сам этот выбор задает субъектный принцип бытия индивида в истории и культуре. Соответственно возникает вопрос: каковы предпосылки формирования этого субъектного принципа в современной российской действительности?

Но даже взглянув на нее, мы видим, что и экономика, и социальная сфера, и даже культура — все эти области сегодня исключают понимание человека как субъекта. Во всех этих сферах он есть лишь функция: в экономике — агент купли-продажи; в социальной сфере — функция бюрократических иерархий и социальных сетей; в культуре — не автор и не герой, а лишь потребитель разных технологий игр и зрелищ.

Но ведь отказ от субъектности, в сущности, есть отказ от идеи человека, а значит и от вопроса: зачем ты живешь? Неужели для того, чтобы только получать приличное жалование в фирме, честно платить налоги, делать удачные покупки на Рождество и бодрить себя на старости лет туристическими поездками? Или все же жить в истории с ее принципом субъектности?

Ответ на этот вопрос определяет выбор и соответствующей стороны баррикады культурно-гражданского противостояния, которая сохранялась на протяжении всей истории СССР. Сегодня она представляет противостояние между двумя онтологическими принципами: принципом субъектного бытия (в культуре и истории) и принципом комфортного *небытия частного индивида* (мещанина) в пространстве отношений купли-продажи.

Кстати, следует отметить, что если в СССР слово «мещанин» служило презренным культурно-этическим приговором общественной несостоятельности обывателя, то после распада нашей страны началась его этическая легитимация. Сегодня презирать мещанина не принято — лавочная глобализация его этически и «культурно» узаконила. Теперь быть мещанином не стыдно, равно как и пошляком. Пошлость сегодня превратилась в «художественный» метод частного человека от

культуры (точнее — лавочника от культуры), утверждающего частный взгляд на частного человека.

А те, кто противостоит мещанству или не совсем омещанился, сегодня уходят либо в формы патриархальной жизни, либо в те или иные маргинальные по своей сути субкультуры, либо в анонимность виртуальной (цифровой) реальности Интернета. Ну, а тот, кто пытается найти альтернативы либеральным формам отчуждения, причем в логике порожденного им же мира симулякров, нередко сам попадает в их ловушки (национализм разного окраса, фундаментализм, фашизм, бандеровщина и т. п.).

Но есть и те, кто сегодня ищет прорыв в движение истории, чтобы совместно с другими решать сложнейшие проблемы времени. И это, если использовать образное выражение Юрия Олеши, не тот разговор, «когда один говорит, а другой молчит и слушает, а разговор, когда двое, очень близко прижавшись друг к другу, обсуждают, как бы найти наилучший выход» [41].

Неужели такое может быть? А ведь такое было — и было в СССР, — и потому мы разворачиваемся к нему с вопросами опять и опять.

Это ностальгия?

В свое время Ренессанс развернулся — не оглянувшись (!) — в сторону Античности. Это ностальгия? Нет. Ностальгия — это попытка облечь настоящее в прежние формы, может быть, и хорошие, но исторически снятые. Ренессанс же развернулся к Античности, чтобы схватить и понять классику развития (ее законы) культуры, без чего невозможно прорываться в будущее.

Обращение к практикам СССР сегодня — это попытка понять, как можно вырваться из ловушек лавочной глобализации, в которой человеку нечем дышать, нечем мыслить, не для чего жить и в которой нет *Другого*, а значит — и его самого.

Поэтому поворот в сторону СССР сегодня — это объективная потребность человека и общества понять классику развития истории, чтобы определить для себя вектор дальнейшего развития того большого дела, которое и есть суть «красной нити» СССР. Или, как говорил Леон Баттиста Альберти: «<...> будь убежден, что человек рождается не для того, чтобы влачить печальное существование бездействия, а, чтобы работать над великим и грандиозным делом» [29].

А классика развития СССР — это разотчуждение, которое посредством деятельностного высвобождения связывает будущее с наследием не только отечественной, но и мировой культуры, более того — развивает их.

Так, например, «свобода», провозглашенное когда-то молодым европейским либерализмом, будучи сопряженным с «субъектом истории», получила свое качественное развитие уже в понятии «освобождение». Понятие «освобождение» принципиально отличается от «свободы», выражая не то, что нужно искать или ждать как чье-то дарование (царя, барина, героя, начальника, спонсора), а то, что можно и нужно самому творить — и, как правило, не в одиночку, а совместно с другими. Не свобода, а именно освобождение с его принципом деятельностной субъектности как раз и становится основой самодетерминации индивида. Или, как писал Гегель, *«живая субстанция <...> есть бытие, которое поистине есть субъект <...> поскольку она есть движение самоутверждения»* [9].

Современная же цивилизация связывает понятие «свобода» с формальным и абстрактным понятием «права человека», хотя значение самого человека как общественной ценности и уж тем более цели развития прочно отсутствуют. «Свобода» же с ее принципом толерантности сводится к императиву: ты не трогаешь меня — я не трогаю тебя. Цивилизация «прав человека», устанавливающая между людьми светофоры формально-бюрократических отношений, не только не снимает существующего между ними отчуждения, но наоборот — многократно его усиливает. Вот и получается, что не только социум, не только межличностные отношения, но и экзистенциальная сторона человеческой жизни сегодня пронизаны отчуждением.

Где сегодня человек имеет свободу выстраивать свои отношения не как частные, а как отношения мира культуры? На работе? В метро? На рынке?

Где сегодня человек имеет свободу творческого преобразования не только своего частного пространства (дачи и квартиры), но и окружающей действительности по законам города-сада?

Без субъектно-преобразующей деятельности свободы как таковой нет. У современного частного индивида есть один вид свободы — свободы потребления. Без того, чтобы быть субъектом социального освобождения, индивиду остается одно — быть лишь «мышкой» при господствующей власти капитала.

Вот почему совместное и творческое преобразование общей на всех действительности, несущей смысл труда и человеческой жизни и потому рождающей песню (как это было в СССР) — это и есть живая альтернатива мертвенному императиву «прав человека», претендующему быть основополагающим законом не только для европейской цивилизации, но всего мира в целом.

Но практики СССР и других социалистических стран показали, что альтернативой миру отчуждения, построенного на власти капитала и всех других институций, его обсуживающих, является человек как субъект истории и герой культуры, который способен противостоять не только внешним, но внутренним силам отчуждения (например, советскому бюрократизму и советскому мещанству). И в той мере, в какой эта альтернатива утверждала себя в общественных отношениях нашей страны, в той мере происходило ее развитие и становление Нового человека. И наоборот — именно ослабление этой альтернативы и элиминация Нового человека в конечном итоге и привели к распаду СССР.

Вот почему СССР по сути является принципиально не завершаемым проектом, потому что его основу составляет идея развития человека, культуры и истории, а их завершение невозможно. А если и возможно, то только как конец человеческой цивилизации.

Богатейшие практики и противоречия, исторические победы и культурные прорывы, взлеты и трагедии советского человека — все это как раз и является тем вызовом последующей истории и культуре, причем не только нашей страны, но всего мира, на которые человеку настоящего и будущего все же придется отвечать.

Поэтому СССР — это прежде всего мастер-класс творчества истории как мира культуры, а не музей — может быть, и дорогих, но воспоминаний.

Итак, говоря о запросе на *деятельностный патриотизм* и предпосылках его развития в современной российской действительности, мы сделали несколько обращений в сторону СССР. Эти обращения показали, что только на основе совместной борьбы за право преобразования общественной реальности и совместной практики ее социокультурного обустройства («*Мы наш, мы новый мир построим!*»), преодолевающего антагонизмы национальных, религиозных и классовых различий, т.е. только на основе практики разотчуждения оказалось возможным зарождение социалистического интернационализма, который только и мог обеспечить не противоречащий ему по сути советский тип деятельностного патриотизма. Именно советский патриотизм в диалектическом единстве с социалистическим интернационализмом сумел сразить самую страшную силу XX века — мировой фашизм. Если Вторая мировая война была смертоносным походом Европейской «цивилизации» фашизма против коммунизма, то Великая Отечественная война — это была героическая борьба прежде всего *Нового человека* против тотально утверждающейся власти особого типа капитала — фашизма.

И этот *Новый человек* СССР победил мировой фашизм. И победил его не русский, не белорус, не еврей, не украинец, не татарин, не осетин и не грузин, а победил его *многонациональный советский человек*, интернациональный по духу и убеждению, и особенный — во всем богатстве своей национальной культуры.

Так что история и культура СССР показала, что только тогда, когда наша страна решала свои проблемы как проблемы мира, а проблемы мира — как свои, только в этом случае наша страна обретала свое особое имя в мировой истории и всемирной культуре.

Красный Октябрь 1917 г. и 9 мая 1945 г. — эти события мировой истории и всемирной культуры как раз и стали подтверждением этого.

P.S. Содержательно граница между разными консервативными типами патриотизма проходит не по пограничной территории между государствами, а между разными типами отчуждения. Граница между прогрессивным и консервативным типом патриотизма соответственно проходит уже между принципом разотчуждения (по определению автора — «императивом освобождения») и отчуждения («царством необходимости»), каждый из которых может проявляться и как онтологический императив, и как общественное отношение, и как художественный метод.

Литература

1. А.М. Горький — организатор издательства «Всемирная литература» (1918—1921) / Исторический архив. 1958. № 2. С. 71 // Культурная жизнь в СССР 1917—1927. Хроники. М.: Наука, 1975. С. 73.
2. Бахтин М.М. Заметки // Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 512.
3. Блок А.А. Собр. соч. М.; Л., 1963. Т. 6. С. 8 (январь 1918) // Черепнин Л. Русская революция и А.А. Блок как историк // Черепнин Л. Исторические взгляды классиков русской литературы. М.: Издательство «Мысль», 1968. С. 358.
4. Блок М. Апология история. М.: Наука, 1973.
5. Булавка Л.А. Советская культура как идеальное коммунизма // Критический марксизм: продолжение дискуссии / Под ред. А. Бузгалина, А. Колганова. М.: Слово, 2001. С. 324—325.
6. Вестник Академии наук СССР. 1967. № 11 // Культурная жизнь в СССР 1917—1927. Хроники. М.: Наука, 1975.

7. Временник театрального отдела Народного комиссариата по просвещению. Вып. 1. С. 13—16; Вып. 2. Пг. — М., 1919, февраль. С. 58 // Культурная жизнь в СССР 1917—1927. Хроники. М.: Наука, 1975. С. 92.
8. Выставки советского изобразительного искусства: справочник в 5 томах. М. 1965—1981. Т. 1: 1917—1932 гг. М.: Советский художник, 1965.
9. Гегель В. Соч. Т. 4. М. 1959. С. 9.
10. Гинзбург Л. Человек за письменным столом // Новый мир. 1982. № 6. С. 235.
11. Грабарь И. О древнем русском искусстве. М.: Наука, 1966. С. 10.
12. Декреты Советской власти. Т. III. 11 июля — 9 ноября 1918 г. М.: Гос. изд-во полит. Литературы, 1964. С. 588—589.
13. Декреты Советской власти. Т. V. 1 апреля — 31 июля 1919 г. М.: Политиздат, 1971. С. 412.
14. Иванова Л.В. Формирование советской научной интеллигенции. 1917 — 1927 гг. М.: Наука, 1980.
15. Известия ЦИК. 1925. 17 янв. С. 3.
16. Известия ЦИК. 1925. 7 июля. С. 5.
17. Известия ЦИК. 1925. 8 июля. С. 3.
18. Известия ВЦИК. 1925. 5 сент. С. 5.
19. Известия ЦИК. 1926. 15 июня. С. 1.
20. Известия ВЦИК. 1921. 4 февр. С. 3.
21. Известия ВЦИК. 1924. 18 сент. С. 2.
22. Известия ВЦИК. 1922. 23 июня. С. 6.
23. Известия ВЦИК. 1923. 15 февр. С. 4.
24. Известия ВЦИК. 1923. 14 апр. С. 4.
25. Известия ВЦИК. 1923. 26 июня. С. 5.
26. Известия ВЦИК. 1921. 16 марта. С. 3.
27. Искусство. 1919. № 2. С. 4.
28. История русской советской литературы. 1917 — 1965: В 4 т. Т. I. 1917 — 1929. М.: Наука, 1967. С. 692.
29. Карелин М.С. Очерки итальянского Возрождения. М., 1991. С. 164—165.
30. Керженцев В. Культура и советская власть. М: Издательство ВЦИК Советов Р., С., К. и К. Депутатов, 1919. С. 16.
31. О'Коннор Т.Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. М.: Прогресс, 1992. С. 161
32. Культурная жизнь в СССР. 1917—1927. Хроника. М.: Наука, 1975. С. 26— 17.

33. Культурное строительство в Туркестанской АССР (1917—1924). Сб. документов. Т. 1. Ташкент, 1973. С. 207.
34. *Лапишин В.П.* Искусство Петрограда в 1917 г. М.: «Советский художник». 1983. С. 149 // Некоторые вопросы исследования советской культуры. М.: Сб. науч. тр. НИИ культуры. 1987. С. 61.
35. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 51.
36. *Лосев А.Ф.* Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. С. 136—137.
37. Музыкальная жизнь Москвы в первые годы после Октября. Октябрь 1917 — 1920. Хроника, документы, материалы. [Автор-составитель С.Р. Степанова]. М., 1972. С. 84.
38. Наука и ее работники. Пг. 1921. № 2. С. 26.
39. Организация науки в первые годы Советской власти (1917 — 1925). Сборник документов. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1968. С. 178—179.
40. *Пастернак Б.Л.* Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 5. М.: «Слово/Slovo», 2004. С. 280.
41. Первый Всесоюзный съезд советских писателей 1934. Стенографический отчет. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1934. С.236.
42. Правда. 1922. 20 сент. С. 6.
43. Правда. 1922. 13 авг. С. 5.
44. Правда. 1924. 26 авг. С. 3.
45. Правда. 1918. 19 ноября. С. 3
46. Правда. 1919. 3 янв. С. 3.
47. Правда. 1923. 9 ноября. С. 3.
48. Правда. 1923. 14 ноября. С. 3.
49. Правда. 1923. 8 дек. С. 4.
50. Правда. 1924. 22 июля. С. 8.
51. СУ Азербайджана. 1920. № 4. С. 380, 393.
52. СУ РСФСР 1925. № 20. С.138.
53. *Терне А.* В царстве Ленина: очерки современной жизни в РСФСР. Берлин, 1922. С. 138—139.
54. *Уэллс Г.* Россия во мгле. М.: Прогресс, 1970.
55. ЦГАЛИ СССР, ф. 279, оп.1, 1918—1922, д.138. С. 5—7.
56. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 6104, л. 1 об. // Ленин и Луначарский. Переписка. Доклады. Документы // Литературное наследство. Т. 80. М.: АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького 1971. С. 66.
57. *Шульгин В.В.* Три столицы // URL: http://www.dk1868.ru/history/igor/shulgin_3st.htm.

References

1. A.M. Gor'kij — organizator izdatel'stva «Vsemirnaya li-teratura» (1918—1921) / Istoricheskij arhiv. 1958. № 2. S. 71 // Kul'turnaya zhizn' v SSSR 1917—1927. Hroniki. M.: «Nauka». 1975. S. 73.
2. *Bahtin M.M.* Zametki // Literaturno-kriticheskie stat'i. M.: «Hudozhestvennaya literatura». 1986. S. 512.
3. *Blok A.A.* Sobr. soch. M.; L., 1963. T. 6. S. 8 (yanvar' 1918) // CHerepnin L. Russkaya revolyuciya i A.A.Blok kak istorik // CHerepnin L. Istoricheskie vzglyady klassikov russkoj literatury. M.: Izdatel'stvo «Mysl'». 1968. S. 358.
4. *Blok M.* Apologiya istoriya. M.: «Nauka». 1973.
5. *Bulavka L.A.* Sovetskaya kul'tura kak ideal'noe kommunizma // Kriticheskij marksizm: prodolzhenie diskussii / Pod red. A. Buzgalina i A.Kolganova. M.: «Slovo». 2001. S. 324—325.
6. Vestnik Akademii nauk SSSR. 1967. № 11 // Kul'turnaya zhizn' v SSSR 1917—1927. Hroniki. M.: «Nauka». 1975.
7. Vremennik teatral'nogo otdela Narodnogo komissariata po prosveshcheniyu. Vyp. 1. S. 13—16; Vyp. 2. Pg. — M., 1919, fevral'. S. 58 // Kul'turnaya zhizn' v SSSR 1917—1927. Hroniki. M.: «Nauka». 1975. S. 92.
8. Vystavki sovetskogo izobrazitel'nogo iskusstva: spravochnik v 5 tomah. M. 1965—1981. T. 1: 1917—1932 gg. M.: «Sovetskij hudozhnik», 1965.
9. *Gegel' V.* Soch. T. 4. M. 1959. S. 9.
10. *Ginzburg L.* CHelovek za pis'mennym stolom // Novyj mir. 1982. № 6. S. 235.
11. *Grabar' I.* O drevnem russkom iskusstve. M.: «Nauka». 1966. S. 10.
12. Dekrety Sovetskoj vlasti. T. III. 11 iyulya — 9 noyabrya 1918 g. M.: Gos. izd-vo polit. literatury. 1964. S. 588—589.
13. Dekrety Sovetskoj vlasti. T. V. 1 aprelya — 31 iyulya 1919 g. M.: «Politizdat», 1971. S. 412.
14. *Ivanova L.V.* Formirovanie sovetskoj nauchnoj intelligen-cii. 1917 — 1927 gg. M.: «Nauka», 1980.
15. Izvestiya CIK. 1925. 17 yanv. S. 3.
16. Izvestiya CIK. 1925. 7 iyulya. S. 5.
17. Izvestiya CIK. 1925. 8 iyulya. S. 3.
18. Izvestiya VCIK. 1925. 5 sent. S. 5.
19. Izvestiya CIK. 1926. 15 iyunya. S. 1.
20. Izvestiya VCIK. 1921. 4 fevr. S. 3.
21. Izvestiya VCIK. 1924. 18 sent. S. 2.

22. Izvestiya VCIK. 1922. 23 iyunya. S. 6.
23. Izvestiya VCIK. 1923. 15 fevr. S. 4.
24. Izvestiya VCIK. 1923. 14 apr. S. 4.
25. Izvestiya VCIK. 1923. 26 iyunya. S. 5.
26. Izvestiya VCIK. 1921. 16 marta. S. 3.
27. Iskusstvo. 1919. № 2. S. 4.
28. Istoriya russkoj sovetskoj literatury. 1917—1965: V 4 t. T. I. 1917—1929. M.: « Nauka». 1967. S. 692.
29. *Karelin M.S.* Ocherki ital'yanskogo Vozrozhdeniya. M., 1991. S. 164—165.
30. *Kerzhencev V.* Kul'tura i sovetskaya vlast'. M: Izdatel'stvo VCIK Sovetov R., S., K. i K. Deputatov, 1919. S. 16.
31. *O'Konnor T.E.* Anatolij Lunacharskij i sovetskaya politika v oblasti kul'tury. M.: «Progress». 1992. S. 161
32. Kul'turnaya zhizn' v SSSR. 1917—1927. Hronika. M.: «Nauka». 1975. S. 26— 17.
33. Kul'turnoe stroitel'stvo v Turkestanskoj ASSR (1917—1924). Sb. dokumentov. T.1. Tashkent, 1973. S. 207.
34. *Lapshin V.P.* Iskusstvo Petrograda v 1917 g. M.: «Sovetskij hudozhnik». 1983. S. 149 // Nekotorye voprosy issledovaniya sovetskoj kul'tury. M.: Sb. nauch. tr. NII kul'tury. 1987. S. 61.
35. *Lenin V.I.* Poln. sobr. soch. T. 51. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. M. 1970. S. 229.
36. *Losev A.F.* EHstetika Vozrozhdeniya. M.: «Mysl'». 1978. S. 136—137.
37. Muzykal'naya zhizn' Moskvy v pervye gody posle Oktyabrya. Oktyabr' 1917—1920. Hronika, dokumenty, materialy. [Avtor-sostavitel' S.R. Stepanova]. M., 1972. S. 84.
38. Nauka i ee rabotniki. Pg. 1921. № 2. S. 26.
39. Organizaciya nauki v pervye gody Sovetskoj vlasti (1917 — 1925). Sbornik dokumentov. L.: «Nauka». Leningradskoe otdelenie. 1968. S. 178—179.
40. *Pasternak B.L.* Poln. sobr. soch.: v 11 t.. M.: «Slovo/Slovo», T. 2004. V. S. 280.
41. Pervyj Vsesoyuznyj s"ezd sovetskih pisatelej 1934. Ste-nograficheskij otchet. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury. 1934. S. 236.
42. Pravda. 1922. 20 sent. S. 6.
43. Pravda. 1922. 13 avg. S. 5.
44. Pravda. 1924. 26 avg. S. 3.
45. Pravda. 1918. 19 noyab. S. 3

46. Pravda. 1919. 3 yanv. S. 3.
47. Pravda. 1923. 9 noyab. S. 3.
48. Pravda. 1923. 14 noyab. S. 3.
49. Pravda. 1923. 8 dek. S. 4.
50. Pravda. 1924. 22 iyul. S. 8.
51. SU Azerbajdzhana. 1920. № 4. S. 380, 393.
52. SU RSFSR 1925. № 20. S.138.
53. *Terne A.* V carstve Lenina: ocherki sovremennoj zhizni v RSFSR. Berlin, 1922. S. 138—139.
54. *Uehlls G.* Rossiya vo mgle. M.: «Progress». 1970.
55. CGALI SSSR, f. 279, op.1, 1918—1922, d.138. S. 5—7.
56. CPA IML, f. 2, op. 1, ed. hr. 6104, l. 1 ob. // Lenin i Lunacharskij. Peregiska. Doklady. Dokumenty / Literaturnoe nasledstvo. Tom 80. M.: AN SSSR. In-t mirovoj lit. im. A.M. Gor'kogo 1971. S. 66.
57. *Shul'gin V.V.* Tri stolicy // URL: http://www.dk1868.ru/history/igor/shulgin_3st.htm.

С.П. РАМАЗАНОВ

Поражения, победы и формирование национального самосознания

Аннотация. В статье рассматривается роль поражений и побед в формировании национального самосознания, оцениваются победы в политической, идеологической, экономической сферах современной России, обращается внимание на опасность отката в национальном самосознании русского народа.

Ключевые слова: победа, поражения, национальное самосознание, политика, идеология, экономика.

Abstract. This paper examines the role of defeats and victories in the formation of national identity, valued victories in the political, ideological and economic spheres of contemporary Russia, drawing attention to the danger of a rollback in the national consciousness of the Russian people.

Key words: victory, defeats, national identity, politics, ideology, economics.

Национальное самосознание сплачивает народ и обеспечивает успешное политическое, социальное и экономическое развитие госу-

дарства. Однако успехи или победы, не сопряженные с преодолением трудностей, могут вызвать ощущение радости, даже эйфорию, но такие проявления человеческих чувств вскоре утихнут без подкрепления новыми победами. К тому же, победы, сошедшие к народу без напряжения, могут способствовать разращению национального самосознания, разобщению народа.

Характерна скандинавская притча. У ложа умирающего вождя собрались его соратники. Вождь молвил им, что у него не осталось в жизни ни одного друга. Как ты можешь так говорить? — воскликнули его соратники. Помнишь, когда ты тонул в море, один из нас бросился в бушующие волны и спас тебя. Помнишь, когда на охоте на тебя напал дикий зверь, другой из нас, рискуя своей жизнью, бросился тебе на помощь и спас тебя. Помнишь, когда на поле брани тебе грозила смерть, третий из нас заслонил тебя, получил ранение, но спас тебя. Помню, — отвечал вождь, — но помню, когда меня полюбила самая красивая девушка нашего племени и вышла за меня замуж, — ни один из вас не поздравил меня. Помните, когда я выиграл самое главное состязание — вы даже не подошли ко мне. Помните, когда меня избрали вождем, — вы только ухмылялись.

Спущенная сверху победа над коммунизмом, приведшая к распаду Советского Союза, вызвала разобщение русских людей, поддержавших в своем большинстве независимость Украины, Белоруссии, стран Прибалтики. Такая победа не привела к сплочению людей, и в суверенной Российской Федерации победа Украины, связанная со свалившейся на нее независимостью, не воплотилась в консолидацию населения.

Поражения, напротив, ведут к национальному сплочению. В этом отношении ярким примером являлась судьба немецкого народа в XIX в. В XVIII в. в условиях национально-государственной раздробленности и господстве космополитического мировоззрения немцы не чувствовали своей самобытности, практически не интересовались своей историей. Осознавая себя частью Европы, немцы интересовались исключительно всемирной историей. Положение изменилось после поражений в наполеоновских войнах, особенно — после Тильзитского мира, когда судьба Пруссии решалась двумя императорами — Наполеоном Бонапартом и Александром I — без всякого участия немцев. После этих событий в Германии интерес к истории стал ошеломляющим не только у профессиональных историков, студентов университетов, но и у простых немцев: изучать историю Германии, исследовать источники, писать работы начали тысячи любителей.

Пробуждению национального самосознания русского народа также способствовал ряд поражений: игнорирование Олимпиады 2014 г. лидерами западных государств за якобы антиинтернационализм и антидемократизм России; крушение украинского направления российской политики, связанной с предоставлением всякого рода льгот, уступок, кредитов, поддержкой корыстолюбивых двуличных украинских политиков и закончившейся антироссийским националистическим переворотом в феврале 2014 г., расширяющимися антироссийскими и экономическими санкциями.

Пробуждению национального сознания русского народа способствовали сожжение русских людей украинскими нацистами в Одессе 2 мая 2014 г., подобно тому как их предки сожгли белорусскую Хатынь, уничтожение русских в Донбассе артиллерийскими снарядами и авиационными бомбами, но особенно — «Крымская весна» 2014 г.

Вместе с тем победы, добытые в напряженном преодолении поражений, имеют иную цену в формировании национального самосознания. Такие победы закрепляет и структурирует сознание народа. Серия несомненных побед России (победа на зимней Олимпиаде 2014 г., блестящая бескровная операция по воссоединению Крыма с Россией, многокилометровые гуманитарные конвои в Донбасс, впечатляющие военные учения, в которых за три дня сотни тысяч военнослужащих оказались на другом конце страны, наконец, впечатляющие действия высокоточного оружия в Сирии) сплачивала народ. Растущая консолидация российского общества выражалась в увеличивающейся поддержке внешней политики президента России, в принятии различных форм давления Запада, в готовности перенести определенное ухудшение своего материального положения. В этом отношении показателен социологический опрос жителей Крыма, проведенный 31 декабря 2015 г. и 1 января 2016 г. Согласно этому опросу, до 93% жителей полуострова оказались готовы потерпеть 3—4 месяца перебои с электроэнергией, лишь бы даже формально в документах не обозначалась их принадлежность к Украине.

Однако устойчивость формирования национального самосознания обусловлена всесторонностью воздействующих на него побед. А в этом отношении далеко не все стороны можно назвать однозначно позитивными. Успехи можно признать в военной сфере, отчасти — в области внешней политики. Но уже в формах идеологической работы не все обстоит благополучно. Основной формой идеологической работы вполне правомерно избрано телевидение, и оно осуществляет такую работу весьма эффективно. Но за пределами воздействия телеви-

дения остается значительная часть молодежи, чуждая политической информации и на телевидении, и в интернете.

В этой связи значение исторического образования в школе и вузе в национально-патриотическом воспитании отнюдь не утрачено по сравнению с XIX в., когда кто-то сказал, что во Франко-прусской войне 1870 г. победил не немецкий солдат, а немецкий учитель истории (высказывание принадлежит то ли одному из французских историков, то ли самому Бисмарку). А введение Министерством образования и науки РФ ЕГЭ как оценки знаний по истории выпускников школ подорвало качество знаний и отторгло школьников от истории. За 10 лет — между 2005 и 2015 гг. — число бюджетных мест в вузах России Министерство сократилось на 60%. Наконец, 27 ноября 2015 г. на всероссийском совещании деканов и заведующих кафедрами исторических факультетов бывший министр Д.В. Ливанов заявил, что он для себя еще не решил, нужно ли вообще преподавать историю для неисторических специальностей.

В сфере же экономических процессов дела в современной России обстоят просто плачевно. Конечно, можно говорить об успехах в фармацевтической сфере, подобных изобретению противоядия против вируса Эболы, или об увеличении на несколько процентов продукции сельского хозяйства. Но правительство ничего не предпринимает в отношении направлений экономического развития, связанных с высокими технологиями и инновациями. Все предложения правительства связаны с сокращением расходов бюджета и увеличением пенсионного возраста. Очевидна необходимость смены экономического курса. Иначе возможен вариант превращения России в идеологическую технологическую колонию.

V

**РЕЦЕНЗИИ
И ОТКЛИКИ**

В.В. ЧЕКМАРЕВ, В.Л. ЧЕКМАРЕВ

**Ноосферизм философии хозяйства
и теории экономической безопасности
(к 80-летию со дня рождения А.И. Субетто)**

Аннотация. Рассматривается формирование ноосферной парадигмы обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов в их многоуровневых и многомерных взаимодействиях в координатах философии хозяйства. В отечественной литературе исходной точкой анализа процессов обеспечения экономической безопасности традиционно называется выявление возможных как реальных, так и мнимых угроз и рисков с целью осуществления мероприятий по их недопущению, снижению вероятности наступления или уменьшения возможных последствий (как экономической, так и социальной направленности). При этом вне поля зрения исследователей остаются существенные особенности обеспечения экономической безопасности. В рамках дихотомии «производство — потребление» нарушается понимание причинно-следственного характера состояний экономической безопасности, подменяемого связями функционального типа с упором на ту их часть, которую представляют собой кумулятивные связи и отношения. И только философия хозяйства формирует ноосферную парадигму экономической безопасности.

Ключевые слова: философия хозяйства, экономическая безопасность, ноосфера, угрозы и риски, образование.

Abstract. In the paper proposes a new approach and focuses attention on the main stem of research — on the formation of the noosphere paradigm of economic security of business entities in their multi-level and multi-dimensional interactions in coordinates management philosophy. In the domestic literature the starting point for the analysis of economic security processes of the country whether there was identification of possible traditional identity (both real and imaginary) threats and risks for the implementation of measures to prevent them, reduce the likelihood of onset or reducing the possible consequences (both economic and social orientation). This is the field of view of researchers are the essential features of economic security. As part of only the dichotomy of «production — consumption» disturbed understanding causal nature of the economic security of the state

to substitute functional type bonds with an emphasis on that part of them which are the cumulative links and relations.. Only philosophy economy generates noosphere paradigm of economic security.

Key words: philosophy of economy, economic security, the noosphere, threats and risks, and education.

Введение

Исследование проблем ноосферизма в координатах философии хозяйства опосредуется рядом принципиальных моментов. Первый из них заключается в том, что ноосферизм — это будущее в прошлом. Следовательно, его анализ возможен только через творческие особенности личности ученых. В связи с 80-летием А.И. Субетто обратимся к его творчеству.

Уже в одной из своих первых работ А.И. Субетто, создавая художественный образ ноосферизма как «эпохи встретившихся рук» [15, 10], прозорливо подметил тесную связь процессов обеспечения экономической безопасности со сферой образования в рамках ноосферогенеза [15, 420—442].

Существующая идеология экономической безопасности рассчитана на меры реанимационного характера в секторах продовольственной, энергетической и т. п. безопасности. Но *качество* этих секторов во многом определяется квалификацией и интересами их руководителей, возможностями ведомств и прочими *частными* причинами. Наверное, и поэтому коллектив ученых под руководством В.К. Сенчагова заявил о необходимости нового подхода: «Следует преодолеть существующее понимание общей безопасности, складывающейся из частных безопасностей. ...только развитие всего объекта в целом может обеспечить и безопасность всех его составляющих» [8, 67]. Смеем утверждать (вслед за А.И. Субетто), что объединяющим потенциалом безопасности является сфера образования. Она же является и элементом ноосферизма. Нам вторят и другие исследователи — «жизнь современных цивилизованных обществ без ведения ими хозяйственной деятельности, при достигнутом качестве личностного развития подавляющего большинства людей, невозможна» [5, 8].

Второй момент определяется собственно индивидуальностью одного из видных философов современности Александра Ивановича Субетто.

Кто он — Александр Иванович Субетто — пылкий, неравнодушный, щедро (и частично напрасно) расточающий свои силы и свой дар? Человек бунтующий?! Или... человек, который все понимает? А может, человек, не проходящий мимо времени, в котором живет?

Именно в собственных работах раскрывается личность Александра Ивановича Субетто. А чтобы понять его идеи, требуется как бы войти в пространство его ощущений меры и времени. Задача эта трудно решаемая. А посему остановимся только на двух гранях творчества Александра Ивановича и обозначим их как *субеттософия* и *субетто-кратия*.

Третий момент заключается в том, что произошло резкое усиление противоречия «между физическими, вещественно-энергетическими возможностями цивилизации по преобразованию природы и ее интеллектуально-информационным потенциалом по познанию и предвидению развития природы и общества» [17, 144]. Появилось биосферное (экологическое, биологическое, генетическое, этническое, расовое) и географическое (литосферное, гидросферное, метасферное, озоносферное, ионосферное, магнитосферное) оружие [12, 61—85; 187—257]. Это новые угрозы безопасности. И здесь, как отмечал выдающийся ученый Н.Н. Моисеев в книге «Человек и ноосфера», «уже мало чем могут помочь общие разговоры — нужны целенаправленные научные программы и усилия больших коллективов исследователей» [11, 350].

В контексте приведенной цитаты из Н.Н. Моисеева подчеркнем, что отдельные попытки создания коллективов исследователей проблем ноосферы в нашей стране имеются. Так, при Ивановском государственном университете функционировал Центр ноосферных исследований, возглавлявшийся доктором философских наук Николаем Павловичем Антоновым (1909—1985). В Центре были сформированы научные ноосферные традиции, проводились крупные конференции, семинары, школы. Публиковались статьи. Уже после ухода из жизни Н.П. Антонова Центром была опубликована его книга «Философия сознания и ноосферы» [2].

Сегодня же жизнью поставлена новая задача — формирования ноосферной парадигмы обеспечения экономической безопасности. Вот об этом и пойдет речь далее.

Субеттософия

Системное представление о явлениях и судьбах творцов дает субеттософия. В одиночку это делается в нашем российском обществе впервые.

Подчеркнем, что творчество А.И. Субетто, отраженное (изложенное) в его многочисленных статьях и книгах, весьма разнообразно. Поэтому в одном эссе невозможно дать подробную характеристику

итогов его работы. Пожалуй, стоит выделить главную стержневую особенность — это *философский взгляд на мир*.

Рискнем заявить, что смысл существования человечества не только в научном познании мира. Ведь наука только объясняет то, что Природой уже создано, или подражает Природе, сотворяя что-либо искусственное. И в этом смысле на протяжении всей своей истории решает только одну задачу — выживания за счет приспособления к Природе. А вот добавить к созданному Природой-творцом может только Человек-философ. Эффект субеттософии как раз в этом, в развитии идеи ноосферизма как внеприродного продукта. Наверное, найдутся те, кто, прочитав эту фразу, будут негодовать или бурно выражать свое несогласие. Ну что ж... Может быть, ноосферизм — это всего лишь «миф о модернистской идее, потому что носителем этой идеи всегда является освободитель — человек, приносящий большую степень сложности и свободы» [4].

А.И.С. — классический трикстер, объективно возникающий именно на переломе эпох. А время, в котором пребывает человечество в начале XXI в., это *время перелома эпох*. Перелом означает (по А.И.С.) пока еще латентное (неявное) противостояние агрессивного прошлого и пока еще слабого осознания будущего (ноосферы) [15; 16].

Субеттософия являет собой колоссальный прорыв в истории человечества.

Все больше людей хотят жить без фреймов, рекламы, целевой агрессии в новостях. Субеттософия — для них.

Праздность элиты. Деморализация общества (в той или иной его части). Утрата (обесценивание) ценностей. Почему? Что с этим делать? Читайте труды А.И.С. — и получите ответы.

Дело здесь в востребованности пресловутого человеческого потенциала. Ошибка выбора глобальной цели нашего общества была совершена еще при Хрущеве. Вместо задачи совершенствования и саморазвития личности (а именно это все позитивные религии, философии и идеологии признают целью любого общества в целом и человека в частности) была поставлена задача материального обеспечения человека самого по себе, без явно выраженной цели. С годами это привело к значительной массовой деморализации советского общества. А уж сейчас, когда заявлено, что жизнь не должна иметь никакой цели, кроме комфорта, естественно, деморализация стала катастрофической [6].

Кому-то идеи А.И.С. могут показаться труднопонимаемыми. Но из них становится совершенно ясно, что нам насущно требуется разви-

тие, а для развития «требуется увеличить количество народного труда» [6].

Чтобы правильно организовывать труд, нужно в первую очередь понимать характер типичного работника. Не превозносить его или осуждать, не требовать, чтобы он сделался чем-то иным и усвоил новые мотивации и представления, а понять и принять его таким, каков он есть. А приняв — помочь ему, организовав жизнь по мере развития нашего человека. Не заставлять его делать невозможное: самому себя мотивировать и организовывать свой труд, а по возможности делать ставку на коллективную форму труда. Когда наш человек встроен в структуру, когда не надо выдумывать себе работу, когда нет выбора, работать нет, — вот при этих условиях наш человек — хороший работник. Особенно, если сказано, что работает он на важное общее дело, когда он видит, что вокруг все тоже работают.

Сейчас идет много разговоров об индустриализации, реиндустриализации, неоиндустриализации. Но ведь индустрия — это не просто заводы и фабрики — это средство представить народ к делу, поставить на рельсы. И это тоже — субеттософия.

Субеттократия

А.И. Субетто инфицирует сознание идеей капиталократии, суть которой в известной фразе-госте: «против всего плохого и за все хорошее». Может, и поэтому часть этой идеи (как и рассуждений о ноосферизме) растворяется в будущем.

Капитал многолик. Но суть капиталократии (по А.И.С.) — это люди, поклоняющиеся золотому тельцу, люди — носители алчности, эгоизма, неспособности поделиться с ближним своим. Это люди «нормальной» экономики, «новой экономической реальности».

Они — вечны? Если да, то и капитализм вечен. И, следовательно, капиталократия — вечна, как и капитализм. Однако А.И.С. в это не верит. Возникает субеттократия.

Вообще, протест — одна из наиболее удобных форм заявить о себе, форм позиционирования. К тому же, заявление контрпозиции уже известной, на наш взгляд, более четко формулирует твою позицию, нежели некоторое размытое позитивное определение.

Капиталократия Александру Ивановичу настолько ненавистна, что он считает единственной приемлемой позицией целостное неприятие, а не частную критику общественных моделей развития.

А.И.С. не нравится, что современный человек (даже интеллектурал) никак не может воспользоваться своим знанием. Чем больше он знает, тем глупее становится в практическом смысле.

Говоря о понимании времени Александром Ивановичем Субето мы ведем речь прежде всего о тенденциях. Людям все чаще близка традиционалистская оптика видения. И тогда мир, общество якобы деградируют (если мир сводить к простым вещам). В этой парадигме исследователю совершенно не важно, какую эпоху рассматривать, ибо она всегда является результатом того, что было перед ней. И в «капиталократии» А.И.С. «грешит» таким подходом. Но есть более исторический подход.

Как отмечает А. Анпилогов, вся предыдущая история развития человечества говорит нам о том, что выигрывали всегда те, кто предлагал миру проект будущего, в котором у всех или хотя бы у подавляющего большинства был шанс на лучшую жизнь. Клань и племена составляли народы, формировали нации, нации складывались в цивилизации, цивилизации на выходе из этого многократного и многовекового процесса должны были породить единственное человечество, которое не стало субъектом столь же единого и всепланетного процесса развития, где невозможно отделить немецкого бюргера от индийского крестьянина, американского обывателя от китайского рабочего — потому что они есть одно человечество с одним будущим, с одной планетой под ногами и с одной судьбой [1].

Согласно П. Мейсону, современный мир уже проскочил эту развилку в прошлом: победитель в последней мировой войне, пусть и в «холодной», предпочел фантом своего собственного «лидерства», которое обернулось массой конфликтов по всему миру, голодом и нищетой на одном полюсе — и роскошью и излишеством на другом [10]. Теперь весь мир представляет собой очередь за мировыми ресурсами, в которой не терпят слабых. Конечная остановка этого процесса там же — в мире победившей антиутопии. А вот дальше, уже на развалинах старого мира, человечеству и открывается тайная, неприметная, казалось бы, боковая тропинка, по которой можно идти в будущее. И в этот момент та сила, та цивилизация, что предложит миру иной образ будущего, сможет победить и стать по-настоящему глобальной. Той, которая будет осознанно отвечать за весь мир, за всех людей, его населяющих. Потому что она будет включать всех их, без исключения и остатков. А к этому единому человечеству можно приложить уже любые идеи: и коммунизм, и «рог изобилия», и путь в порядке справедливой живой очереди [1, 5].

Зачастую А.И.С. излишне прост. Предпочитает абсолютную простоту и определенность своих решений. Наиболее ярко это отражено в его «Капиталократии» [14]. В этой книге он как бы делит людей на магорожденных и магов. А.И.С., видимо, забыл, что великий Маркс

в молодости вступил в секту сатанистов. Не случайно труд его творческой жизни «Капитал». «Капитал», а не «Труд».

Главный конфликт А.И.С. с собой — конфликт между простым и правильным (удача днем, а счастье — ночью).

«Капиталократия» — это о производстве самого большого (главного), иррационального, непостижимого зла. Капиталократия — это то, о чем говорить нельзя. Но А.И.С. об этом говорит, и в этом его субеттократия. А вообще говоря, кратия — это то зло, которое часть человеческой природы, поэтому оно обречено возрождаться, и оно обречено проигрывать. Поэтому А.И.С. — не ангел, а всего лишь большой ученый.

Насколько же субеттокрализм идентичен нынешней внутренней политике, когда (по А. Панарину) главной задачей «правлящего буржуазного класса России» является задача «освободиться от всех социальных и национальных обязательств», сбросить с себя ярмо патернализма с помощью разнообразных «оптимизаций» [7].

Полагаем, что социализм невозможно изолировать от всего капиталистического мира. Капиталократия (по А.И.С.) — это элемент теории заговоров. Но разве социализм — это зарплата в 9—10 тыс. р. в месяц при квартплате в 6 тыс. р., когда «народный напиток водка становится элитным напитком и для провинциального медработника, и для столичной библиотекарши»? Результат такого социализма — выраживание социального колдыря (в терминах социал-дарвинизма). В таком ноосферном социализме нынешние элитарии от науки и культуры — безусловно инородная деталь.

Заключение

Восьмидесятилетие Александра Ивановича Субетто — большой временной интервал для него самого и для страны в целом.

Восьмидесятилетие Александра Ивановича случилось в 2017 г. и невозможно удержаться от аналогии с событиями вековой давности. Тогда, 100 лет назад, в России созревали явления, с которых в итоге по-настоящему начался XX в. Несколько месяцев оставалось до того дня, когда сжатая народным сознанием пружина разжалась с невиданной силой. И никто не мог представить весь драматический масштаб последствий этой силы: ни те, кто ее дразнил, ни те, кто считал ее незначительной. Конечно, политическая нумерология — вещь лукавая... Но некоторые тревожные сходства через сто лет беспокоят. Слишком уж усердно мир работает на войну, слишком уж большими демагогами выглядят мировые политики. Слишком уж комфортно чувствуют себя на древе российской государственности ядовитые змеи компрадорской

деструкции и со слишком уж довольным видом впивают в него жала псевдосвободомыслия. Поэтому необходимо помнить, что нет ничего ценнее человеческой жизни, красоты и гармонии, что уроки истории — не фигура речи, а серьезные испытания.

Исследования ноосферы как явления научной мысли, начатые В.И. Вернадским, продолженные Н.Н. Моисеевым и А.И. Субетто, ныне получили широкий фронт проблематики. Уже становится сложным знакомство с многочисленными публикациями, в которых излагаются результаты анализа ноосферизма. Создана Ноосферная общественная академия наук. Проводятся научные конференции.

При этом нельзя не сфокусировать внимание на, пожалуй, главном стержне исследований — на формировании ноосферной парадигмы обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов в их многоуровневых и многомерных взаимодействиях. Постановка проблемы сравнительно не нова (нами не раз уже она реализовывалась в публикациях [18; 19]). Однако значимость анализа с целью поиска путей решения неуклонно возрастает. На это обстоятельство указывает ряд исследователей [3; 9; 13; 18; 20; 22]. Вот и мы попытались внести свой вклад в общее дело.

Литература

1. *Антилогов А.* «Рог изобилия». Счастье для избранных // *Завтра*. 2017. № 1.
2. *Антонов Н.П.* Философия сознания и ноосферы. Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 2003. 280 с.
3. *Баландин Р.К.* Вернадский. М.: Вече, 2013. 368 с.
4. *Быков Д.* Избранное. М.: Интеграл, 2016.
5. *Величко М.В.* Экономика и ноосфера / М.В. Величко, В.В. Ефимов, Г.М. Иманов. М.: Концепция, 2013. 240 с.
6. *Воеводина Т.* На воеводстве // *Завтра*. 2016. № 43.
7. *Гродский В.С.* Развитие основных идей экономических теорий. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2016. 464 с.
8. Инновационные преобразования как императив устойчивого развития и экономической безопасности России / Под ред. В.К. Сенчагова. М.: «Анкил», 2013. 688 с.
9. *Малинецкий Г.Г.* Пространство синергетики: взгляд с высоты. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 248 с.
10. *Мейсон П.* Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.

11. *Моисеев Н.Н.* Человек и ноосфера. М.: «Молодая гвардия», 1990. 351 с.
12. *Правдивцев В.Л.* Тайные технологии. Биосферное и геосферное оружие. М.: БИНОМ, 2012. 335 с.
13. *Сакс Дж.* Цена цивилизации. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.
14. *Субетто А.И.* Капиталократия. СПб.: КГУ им. Некрасова, ПАНИ, 2002.
15. *Субетто А.И.* Ноосферизм. Т. 1. Введение в ноосферизм. СПб.: КГУ им. Н.А. Некрасова, КГУ им. Кирилла и Мефодия, 2001. 591 с.
16. *Субетто А.И.* Россия и человечество на «перевале» истории в преддверии третьего тысячелетия. СПб.: ПАНИ, 1999. 827 с.
17. *Урсул А.Д.* Феномен ноосферы: Глобальная эволюция ноосферогенез. М.: ЛЕНАНД, 2015. 336 с.
18. *Чекмарев Вл.В.* Экономическая безопасность северных регионов России / Вл.В. Чекмарев, В.В. Чекмарев // Новая парадигма науки об управлении в XXI веке и ее практическое приложение в проблемам Севера / Под ред. А.И. Субетто, С.В. Аранова. СПб.: Астерион, 2015. С. 124—134.
19. *Чекмарев Вл.В.* Челленджи безопасности и возможности защиты развития научно-образовательным обществам // Научно-образовательное общество как носитель реализации императива экологического выживания человечества в XXI веке / Под ред. А.И. Субетто. СПб.: Астерион, 2014. С. 62—68.
20. *Шеллинг Т.К.* Микромотивы и макроповедение. Пер. с англ. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 344 с.
21. *Штайнер Р.* Теософия. Ереван: Издательство «НОЙ», 1990.
22. Экономическое мышление. Философские предпосылки / Е.Н. Калмычкова, И.Г. Чаплыгина. М.: Проспект, 2016. 272 с.

References

1. *Anpilogov A.* «Rog izobiliâ». Ščast'e dlâ izbrannyh // *Zavtra*. 2017. № 1.
2. *Antonov N.P.* Filosofiī soznaniâ i noosfery. Ivanovo: Izd-vo «Ivanovskij gosudarstvennyj universitet», 2003. 280 s.
3. *Balandin R.K.* Vernadskij. M.: Veče, 2013. 368 s.
4. *Bykov D.* Izbrannoe. M.: Integral, 2016.
5. *Veličko M.V.* Èkonomika i noosfera / M.V. Veličko, V.V. Efimov, G.M. Imanov. M.: Konceptiâ, 2013. 240 s.

6. *Voevodina T.* Na voevodstve // *Zavtra*. 2016. № 43.
7. *Grodskij V.S.* Razvitie osnovnyh idej èkonomičeskikh teorij. M.: RIOR: INFRA-M, 2016. 464 s.
8. Innovacionnye preobrazovaniâ kak imperativ ustojčivogo razvitiâ i èkonomičeskoj bezopasnosti Rossii / Pod red. V.K. Senčagova. M.: «Ankil», 2013. 688 s.
9. *Malineckij G.G.* Prostranstvo sinergetiki: vzglâd s vysoty. M.: Knižnyj dom «LIBROKOM», 2013. 248 s.
10. *Mejson P.* Postkapitalizm: putevoditel' po našemu budušemu. — M.: Ad Marginem Press, 2016.
11. *Moiseev N.N.* Čelovek i noosfera. M.: «Molodaâ gvardiâ», 1990. 351 s.
12. *Pravdivcev V.L.* Tajnye tehnologii. Biosfernoe i geosfernoe oružie. M.: BINOM, 2012. 335 s.
13. Saks Dž. Cena civilizacii. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2012.
14. *Subetto A.I.* Kapitalokraciâ. SPb.: KGU im. Nekrasova, PANI, 2002.
15. *Subetto A.I.* Noosferizm. T. 1. Vvedenie v noosferizm. SPb.: KGU im. N.A. Nekrasova, KGU im. Kirilla i Mefodiâ, 2001. 591s.
16. *Subetto A.I.* Rossiâ i čelovečestvo na «perevale» istorii v preddverii tret'ego tysâčeletiâ. SPb.: PANI, 1999. 827 s.
17. *Ursul A.D.* Fenomen noosfery: Global'naâ èvolüciâ noosferogenez. M.: LENAND, 2015. 336 s.
18. *Čekmarev V.I.* Èkonomičeskaâ bezopasnost' severnyh regionov Rossii / V.I. Čekmarev, V.V. Čekmarev // Novaâ paradigma nauki ob upravlenii v XXI veke i ee praktičeskoe prilozhenie v problemam Severa / Pod red. A.I. Subetto, S.V. Aranova. SPb.: Asterion, 2015. S. 124—134.
19. *Čekmarev V.I.* Čellendži bezopasnosti i vozmožnosti zašity razvitiâ naučno-obrazovatel'nym obšestvam // Naučno-obrazovatel'noe obšestvo kak nositel' realizacii imperativa èkologičeskogo vyživaniâ čelovečestva v XXI veke / Pod red. A.I. Subetto. SPb.: Asterion, 2014. S. 62—68.
20. *Šelling T.K.* Mikromotivy i makropovedenie. Per. s angl. M.: Izd-vo in-ta Gajdara, 2016. 344 s.
21. *Štajner R.* Teosofiâ. Erevan: Izdatel'stvo «NOJ», 1990.
22. Èkonomičeskoe myšlenie. Filosofskie predposylki / E.N. Kalmyčkova, I.G. Čaplygina. M.: Prospekt, 2016. 272 s.

Н.Н. РОСТОВА

Размышления об одном характерном видении России

Аннотация. В статье анализируется новый фильм К. Серебренникова «Ученик». По мнению автора статьи, это произведение является не художественным, а идеологическим. Режиссер, ограничиваясь художественным минимализмом, предлагает нам свой взгляд на современную Россию, на те скрепы, которыми она удерживается. Его задачей оказывается дискредитация идеи авторитета — в частности, авторитета государства, церкви, учителей, родителей, веры. При этом режиссер не предлагает позитивного идеала. Автор приходит к выводу, что подобное, характерное не только для Серебренникова, видение предполагает низведение России до этнографического материала, которому можно противопоставить только здоровое самосознание.

Ключевые слова: современное российское самосознание, современное российское кино, К. Серебренников, кинофильм «Ученик», атеизм, христианство, имманентизм.

Abstract. In article the new movie of K. Serebrennikov «Pupil» is analyzed. According to the author of article, this work is not art, but ideological. The director, being limited to art minimalism, offers us the view of modern Russia, of those clamps by which it is kept. Discredit of idea of authority — in particular, authority of the state, church, teachers, parents, belief appears its task. Thus the director doesn't offer a positive ideal. The author comes to a conclusion that similar, characteristic not only for Serebrennikov, the point of view assumes bringing down of Russia to ethnographic material which can oppose only healthy consciousness.

Key words: modern Russian consciousness, modern Russian cinema, K. Serebrennikov, movie «Pupil», atheism, Christianity, immanentism.

На экраны вышел новый фильм К. Серебренникова «Ученик». О фильме стоит высказаться, ибо сам он является попыткой высказывания, причем достаточно громкого. Режиссер здесь выступает не в роли художника, а в роли идеолога. Он предлагает нам свой взгляд на современную Россию, на те скрепы, которыми она удерживается.

Главным героем произведения является ученик средней школы, который вдруг взял Библию и стал ее читать — себе и миру. Нет, это

не история о тайне духовного рождения. Не попытка проникнуть в непостижимость христианства. Не современные рассказы странника своему духовному отцу, которому вперился в голову главный вопрос «что есть непрестанная молитва?». Но это и не история о судьбе христианства в нынешнем мире. О той бездне, которая лежит между циничным, а главное — антропологически скудным миром, с одной стороны, и требованиями веры, — с другой. О чем же высказывание режиссера?

Герои фильма нарочито примитивные, кукольные, поделочные, а сюжет предельно схематичный. Такой художественный минимализм вполне достаточен для того, чтобы передать главную идею. Однако он заставляет зрителя лишь наблюдать за вполне предсказуемым ходом истории и ждать последнего слова автора. Хотя главное автор говорит сразу — набором своих персонажей. Во-первых, это мать героя, не способная описать причину переживаний своего сына, кроме как в терминах «неконтролируемой эрекции» и наркотиков. Во-вторых, это учителя школы, на досуге заслушивающиеся тюремными песнями и отнюдь не чуждые всяких скабрёзностей. В-третьих, это священник, тот самый «поп с золотыми часами», суетливо засовывающий какие-то сомнительные брошюры в полиэтиленовый пакет. Казалось бы, в этом списке низвергнутых авторитетов не хватает еще фигуры власти, но и портрет В. Путина мелькает на заднем плане в кадре, дополняя до целостности картину. В целом мир отражают школьники, которые демонстрируют свои холёные тела, издеваются над хромоногим и обращаются друг к другу посредством таких слов, как «придурок». Но автора волнует другое, его удар направлен не на церковь или государство, не на учителей и родителей, а на христианство само по себе. Режиссер при помощи своего главного героя будто заходит со стороны внутренней логики христианства и хочет продемонстрировать уродливость и этой последней стороны мира. В мире осталось еще то, что претендует на авторитет. Это вера и открываемый ею трансцендентный горизонт. Высказывание автора адресовано именно к этой сфере.

Однако Серебренников не Достоевский, не тот, кто ставит глобальные проблемы — например, теодицеи, слезинки ребенка и мирового зла. Не тот, кто обрушивается на христианство с вопросом о соотношении свободы и благодати, страха и веры, «меча» и «мира», религии и крови. Или хотя бы с вопросом о чудесах и мифах на фоне современных достижений науки. Он не ставит своей задачей разбираться в тонкостях христианства и не желает что-либо противопоставить ему. Напротив, он бежит всякой истины. Его целью оказывается не художественная постановка и исследование проблемы, но дискре-

дитація идеи абсолюта. Істину он жадае отождествіць с адносительным, трансцэндэнтнае — с суб'ектыўным, веру — с псіхозам, хрысьціанства — с антысэмітызмам, фашызмам і тэрарызмам. Для гэтага аўтар суправаджае дзеіньня нэрэфлэксірующага падрастка цытатамі з Пісанія і дажэ відэніем «Распятага» на крэсьце. Біблія асуджае саблазняючыя адэжды жанцін, значыць нельзя ходіць у школьны басейн. Біблія заявляе аб сотворенні міра, значыць можна хуліганіць на ўроках біялогіі. Біблія сьвідэтэльствуе аб чудах, значыць нудна прывесці матэры незвананага госьця і заставіць ёе накорміць ўсех двума рыбамі. Хрыстос гаворыць аб сіле веры, значыць можна крыкамі заставіць кароткую ад рождэньня ногу вырасьці і т. п. Но на ўсе сабытці, трэбуючыя ад герая паслэдаватэльнасьці, он адвечая істэрыкай, трусьцю і падлосцю. Когда іздеваюць над хромым, он астаецца ў сьторане; когда ёму адвечаяць тэмі жэ цытатамі з Бібліі, он лішь хрыпіць пазьверінаму; а когда васьпроезідзіцца судзілішчэ на пэдагагічэськом саветэ, он вдруг абвіняе ўчытэльніцу ў сэксуальных дамагатэльствах. Рэжысьсэр очевідна хочэ вызваць у нас чувствэ отвращэньня. Апофеозам, канэчна, аказываецца эпізод с убійствам, когда герай, апэллируючы к словам апостала Павла аб том, што ўсэ «очышчаецца кровью, і бэз пролітця крові нэ бывае прашэньня» (Евр. 9:22), выпів віна, убывае булыжніком своега прыятэля якобы за іудово прэдатэльства. Рэжысьсэр такім абразам абрашаецца нэ к тэме фундамэнталызма. Ёму вадно паказаць нэ то, к чэму можа прывесці прызнаніе Істціны, а то, што Істціны нэ. Как ёе нэ аказалось для герая, котарый вопрэкі сабсьтвенным словам аб готавнэсьці ўмерэць за веру, клэвешэць на аднаго і убывае другога. Здэсь стоіць напамніць аб том, што хрысьціанства — гэто рэлігця, котарая жыждэцца на таіньне крові Бога, а нэ другога. Апостол Павел в цытуіруемом фрагмэнтэ гаворыць аб спасатэльнай крові Хрыста, котарая прыходыць на смену крові козлов і тэльцов в ветхозавэтной традіцыі. Хрыстос своей кровью очыстціл грэхі міра, а Іуда, постыгнуў свое прэдатэльства, удавілся сам. Рэжысьсэр жэ, прыводя явную аналогію герая с Хрыстом, у котарого паявілся учэнік, вдруг прэдставляе гэтого «Хрыста» как убійцу «учэніка-Іуды», іскусствэнна абосновывая кульмінацыю словамі з Евангелія.

На роль антаганіста в фільме прэтэндуюць прэпадаватэльніца біялогіі, ізрэкаючыя ідэі прэдавой наўцы і пятаючыяся бороться с гераем, как она выражаецца, ёго жэ оружыем — т. е. ізучая Пісаніе і выскывая нэаднозначныя цытаты із нэго. Но і гэта гераіня прэдставлена рэжысьсэром карыкатурна. Ёе рэчь напалнена бэзапелляціоннымі клішэ і штампамі, врэде такіх, как: чэловек — гэто від пэпуляціі, а то, што нэізнэствэ науке сэгодня, нэпрэмэнна будэ ізнэствэ

завтра; если человек переживает — значит он чем-то ранен другими, если бунтует — значит просит у мира помощи. Эта героиня, низводящая суть человека к биологическому виду и психологии Другого, а проповедь любви в Евангелии — к гомосексуализму — очередная механическая кукла бессмысленного мира, вызывающая не меньшее отвращение, чем все прочие герои.

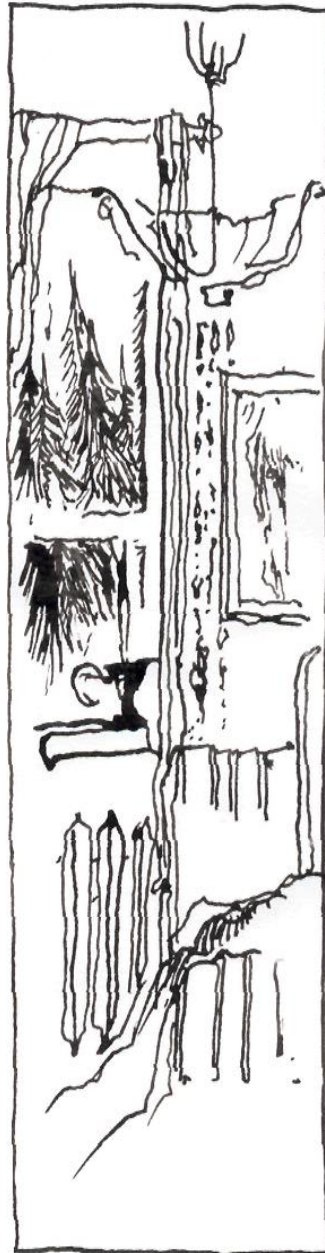
Режиссер, видимо, ожидает от нас, что мы, подобно А.С. Пушкину, прочитавшему «Мертвые души» Н.В. Гоголя, воскликнем нечто вроде: «Боже, как грустна наша Россия!». Но для этого режиссеру нужно быть Гоголем, т. е. художником, способным увидеть универсальное, то, что касается каждого, преодолев свои субъективизмы. Высказывание удалось бы, если бы автор смог поставить проблему и представить художественный образ. Однако Серебренников так же не смог сформулировать проблему веры и христианства, как не смог сформулировать проблемы отцов и детей, духа и буквы, церкви и веры, учителей и учеников. Отцы и дети действительно друг друга не понимают, но не оттого, что родители видят в своих сыновьях лишь подростков с гиперсексуальностью. Кроме того, мы живем не в XIX в., и само представление об отцах и детях радикально переменялось, ибо грань между ними стерлась, сняв знак равенства между «отцом» и авторитетом. Проблема церкви заключается не в том, что она представляет собой институт нарочитого социального конформизма, а в том, что она как начало соборное должна вместе с тем соотносить себя с началом личного и проч. Серебренников идет лишь по пути подлога. Образ его героя столь же надуман, как и все остальные персонажи в фильме. Он и не христианин, ибо христианин начинается с чувства собственного греха и, даже если критикует существующий порядок вещей или уединяется, находится в пространстве «мы» общины. Он и не экстремист, ибо цели его достаточно размыты. Не подросток, который находится в поисках собственной идентичности, ибо об этом нам ничего не известно, как вообще ничего не известно о его внутреннем мире. И даже не собственно антисемит, ибо тема антисемитизма занимает периферийное место в истории. Режиссеру важно было лишь механически склеить в одно целое вульгаризмы, пошлость и узколобость с Библией, сделать христианство от мира сего.

Стоит отметить, что в основе фильма Серебренникова лежит пьеса современного немецкого автора. Сегодня западные интеллектуалы борются не с Богом, а с атеизмом, т. е. с тем, что паразитирует на теизме. Как говорит Достоевский, от атеиста до верующего — один шаг. А потому, чтобы Бог все-таки умер, нужно отвергнуть и атеизм. Тогда между верующим и неверующим не будет разницы, ибо онтоло-

гический разрыв между трансцендентным и имманентным, Богом и миром исчезнет. Само трансцендентное будет объявлено не чем-то самостоятельным, но лишь конфигурацией на теле имманентного, а человек станет описываться в терминах поверхности. Высказывание К. Серебренникова — это и есть высказывание — отказ от трансценденции. Малоубедительное, но от того не менее отчетливое.

Для Серебренникова это не первое подобное высказывание. Одной из предшествующих работ в том же ключе был кинофильм «Юрьев день» (2008). Режиссер здесь делал акцент на критике государства и церкви. Россия была представлена им как пространство, в котором можно без вести затеряться, а все спасительные силы — как оборотни. Представители правоохранительных органов оказывались бывшими зеками, а монахини — крашеными продавщицами. Характерно, что главную героиню фильма в конечном итоге поглотило это беспросветное пространство, а режиссер не представил никакой альтернативы, никакого света, который уравновешивал бы тьму. Очевидно, что подобное видение России, присущее далеко не одному только К. Серебренникову, предполагает низведение ее до этнографического материала. Однако ценой такого видения оказывается в значительной мере подлог и безыскусная художественность.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

А.И. Субетто — 80 лет

Молод, энергичен, боевит — это *Александр Иванович Субетто*, без никаких восьмидесяти! Статья за статьей, брошюра за брошюрой, книга за книгой, не говоря о докладах, речах, энергических репликах. Полон жизни, труда, творчества! Мало того, когда-то в начале лихих 90-х имел удачу назвать на почтовом конверте Центр общественных наук при МГУ «Центром независимых наук», чем и предвосхитил 25-летнее неординарное существование Центра. Наш человек — центровский, этот Александр Иванович, многие ему лета!

Старший научный сотрудник лаборатории философии хозяйства, д.ф.н., к.э.н. *К.В. Молчанов* в сентябре 2016 г. стал лауреатом конкурса работ, способствующих решению задач Программы развития Московского университета (третья премия, достижения в области научно-исследовательской деятельности).

7 — 9 декабря 2016 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Международная научная конференция «Российское системное перестроение как стратегическая неизбежность: неэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм», посвященная 75-летию экономического факультета МГУ. На конференции выступили 80 докладчиков — доктора наук Ю.М. Осипов (председательствующий), А.И. Агеев, У.Ж. Алиев (Астана, Казахстан), М.Л. Альпидовская, Л.Ю. Андреева (Ростов н/Д), А.Ю. Архипов (Ростов н/Д), С.В. Бирюков (Кемерово), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), А.В. Бузгалин, Ф.И. Гиренок, С.Ю. Глазьев, С.С. Губанов, М.М. Гузев (Волжский), Л.Н. Дробышевская (Краснодар), С.Г. Кара-Мурза, А.В. Кузнецов, Т.В. Кузьминова, М.В. Кулаков, В.М. Кульков, С.С. Мишуков (Иваново), К.В. Молчанов, Г.Р. Наумова, А.А. Олейников, Д.Н. Платонов, П.А. Покрытан, А.А. Пороховский, И.В. Пшеницын, Л.И. Ростовцева (Тула), С.С. Слепаков (Пятигорск), К.А. Хубиев, В.В. Чекмарев (Кострома), И.Г. Шевченко, Н.Б. Шулевский; кандидаты наук А.В. Андреева (Ростов н/Д), О.В. Андреева (Ростов н/Д), К.С. Бакулев, И.Е. Гумаргалиев, А.А. Деленян, О.В. Добровичев, С.А. Ермишина, П.П. Жуликов, Е.С. Зотова, С.В. Кайманаков, В.В. Кашицын (Новороссийск), Е.В. Косов, Н.В. Кравчук (Киев, Укра-

ина), С.А. Марков, Г.В. Михайлова, С.С. Нипа, М.Ю. Павлов, Т.И. Пороховская, В.К. Петров, В.И. Романченко (Новороссийск), Е.А. Сенаторова, И.П. Смирнов, Р.Е. Соколов, Г.В. Фадейчева (Дубна), Вл.В. Чекмарев, научные сотрудники А.А. Антропов, С.С. Мерзляков, Т.С. Сухина; преподаватели А.А. Гришко (Новороссийск), И.А. Дубик (Новороссийск), С.В. Филимонов (Новороссийск); аспиранты Е.В. Купчишина, С.В. Савченко (Ростов н/Д), Л.К. Чулков (Йошкар-Ола); предприниматели Т.В. Воеводина, В.И. Стасевич, независимые исследователи В.С. Кистанов (Новосибирск), Н.П. Козиенко (Новосибирск), аналитик Е.С. Зинченко, соискатель И.И. Рудяк, С.В. Орлов.

8 декабря в рамках конференции состоялась панельная дискуссия «Российская экономика: мягкая мобилизация?», в которой приняли участие доктор наук Ю.М. Осипов (ведущий), А.А. Аузан, А.И. Колганов, Г.Н. Цаголов, кандидаты наук В.В. Кашицын (Новороссийск), И.В. Простаков. В прениях выступили У.Ж. Алиев, И.Р. Бугаян, М.М. Гузев, О.В. Доброчеев, Л.И. Ростовцева, К.А. Хубиев.

9 декабря в рамках конференции состоялась дискуссия на тему «Философско-хозяйственное осмысление реальности: возможности и свершения» с презентацией книги Ю.М. Осипова «Белые скрижали. Сумма иного знания», в которой приняли участие доктор наук У.Ж. Алиев, А.Ю. Архипов, М.М. Гузев, Н.М. Кравчук, А.В. Кузнецов, В.М. Кульков, А. Новак (Варшава, Польша), А.А. Олейников, С.С. Слепаков, Н.Б. Шулевский, кандидаты наук О.В. Доброчеев, В.В. Кашицын, научный сотрудник С.С. Мерзляков, соискатель И.И. Рудяк.

Е.С. ЗОТОВА

О философско-хозяйственном осмыслении реальности (дискуссия о новой книге Ю.М. Осипова)

Аннотация. Предлагается обзор дискуссии «Философско-хозяйственное осмысление реальности: возможности и свершения» с презентацией книги Ю.М. Осипова «Белые скрижали. Сумма иного знания» (2016), прошедшей на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 9 декабря 2016 г.

Ключевые слова: философия хозяйства, софиасофия, Ю.М. Осипов.

Abstract. The article presents a review of a discussion «Philosophical and Economic Judgment of Reality: Opportunities and Fulfillments» with a presentation of Yu.M. Osipov's book «White Tables. The Sum of Another Knowledge» (2016) passed on Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University on December 9, 2016.

Key words: philosophy of economy, sophiasophia, Yu.M. Osipov.

Предваряя дискуссию на тему: «Философско-хозяйственное осмысление реальности: возможности и свершения» и представляя свою последнюю книгу «Белые скрижали. Сумма иного знания», профессор **Ю.М. Осипов** сказал следующее: «Мы переживаем ныне вполне по-своему исторический момент — утверждение философского хозяйства, причем не просто как особого, но и как, — здесь прошу внимания — иного знания, причем не готового и законченного знания, а принципиально открытого для непрерывного размышления знания, точнее — некой гносеологической сферы, выходящей за рамки привычных и уже авторитетно утвержденных гнозисных типологий.

Философия хозяйства — не наука как таковая, не собственно философия и, тем более, не богословие, как и не их интегративная, тем более, не агрегированная смесь, хотя и содержит в себе элементы одного, другого, третьего; это действительно что-то новое, выходящее за рамки всего уже привычного, устоявшегося, общепринятого, а поэтому, как мне представляется, это воистину метадогматическое знание-размышление, находящееся не только за пределами любых уже весьма догматизированных знаний, но и само не предполагающее любое системное, как принято говорить, внутри себя и для себя конструирование.

Это сфера-поток, пусть и сфера открытая и неустойчивая, пусть с турбулентным и вероятным в ней потоком, но это никак не стремящееся к законченности стройное здание. Тут не так добытое и ловко выстроенное знание, как всего лишь возможность иметь о чем-то онтологическое, свободное гносеологическое представление. Если уж онтос сферопоточен, то и гнозис, к нему относящийся, должен быть сферопоточным. Если онтос всю трансцендентен, то и гнозис должен быть ему подобным, способным воспринимать не только бытийную неопределенность, но и трансцендентную неизвестность, причем не просто присутствующие в онтосе, но и всю в нем работающие.

Философия хозяйства — иной гнозис о в общем-то ином онтосе, а соответственно и с иными познавательно-осмыслительными результатами.

Представленная вам, уважаемые коллеги, книга хоть и рассказывает так или иначе о философии хозяйства, но делает это по преимуществу через философско-хозяйственное осмысление реальности, во многом как раз творимой и хозяйствующим человеком.

Можно сказать, что в книге содержится представление об онтосе, включая и творящее сознание, добываемое через призму философии хозяйства. Тут не так сама по себе философия хозяйства, раскрываемая в формате учения, как работающий на человеческий гнозис философско-хозяйственный подход.

Основной философско-хозяйственный вопрос: что и как творит человек в неизвестном ему до конца мире, как и что творит своевольный мир с самим человеком, включая и создаваемый человеком-творцом искусственный мир, до конца человеку тоже ведь не очень-то известный? Можно тут зайти и с другой стороны: взаимодействие хозяйствующего сознания вкупе со своим бессознанием с содержанием бытия и его же бессознанием. Не слабо, правда? И еще: взаимодействие бытия с небытием через посредство сознания, которое ведь тоже сочетание бытия с небытием.

Книга достаточно нестандартная не только по содержанию, но и по изложению, ибо ее задача не в том, чтобы сообщить незаинтересованному читателю некий свод непререкаемых, но четко установленных истин, а в том, чтобы побудить заинтересованного читателя самому поразмышлять как над текстом книги и ее затекстьем, так и над сложной окружающей реальностью.

Книга не учит, а влечет, — вот почему она не учебник, а анти-учебник! И последнее: рисуночные скрижали в книге имеют каменный образ и выполнены белыми, но при этом и свободными от текста, что подразумевает, что каждый читатель должен (или просто может) в сознании своем занять свой собственный текст, либо перекликающийся с текстом книги, либо не очень, либо вообще другой, но главное — свой!

Итак, нам есть, о чем заинтересованно поговорить, к чему я и призываю участников собрания: философия хозяйства как инознание; возможности философско-хозяйственного постижения и трактования реальности; представленная на читательский суд книга».

Назвав свое выступление «Философия хозяйства — мир Иной и знание Иное», профессор **Н.Б. Шулевский** (философский факультет МГУ) заметил, что в каждую эпоху всегда есть один (только один!)

человек и одна доктрина, которые ведают сутью этой эпохи, владеют ключами ее понимания, видят практические средства, институты, способные решать ее неразрешимые проблемы. Книги Ю.М. Осипова представляют единственное спасительное знание для современного мира и человека. Его книги сами читают себя, изучая свои смыслы, а людям нужно осваивать именно их учебно-образовательные алгоритмы, а не их постулаты и выводы. «Иное знание» — ключ к пониманию бытия и самого понимания. Этот тип знания выходит за рамки логосного исследования, идущего в контексте «истина/ложь, неопределенность, вероятность», признавая, что между и над полюсами «истина/ложь» скрыто работает «Иное знание», включающее в себя все противоречия, преобразуя их в смысловые единоречия Правды. Пока единственными образцами этой правды служат «философия хозяйства» и «софиасофия» Ю.М. Осипова. Признанное и академически узаконенное ныне знание, продолжил Н.Б. Шулевский, порождается Логосом, его мышлением и разумом, существуя в формах многообразных систем абстрактных категорий, понятий, суждений, выводов и умозаключений. Но именно тотальное господство Логоса создало искусственную цивилизацию Запада, навязывающую современному миру и человеку суицидные и апокалиптические сценарии исчезновения в черных дырах мрака. Логосный разум запутался в антиномиях, в равной мере доказывая и оправдывая противоположные и несовместимые суждения и реалии. Так, «Бог есть» и «Бога нет», «семьи, состоящие из мужчин и женщин» и «однополые семьи» для Логоса суть равноценные суждения. Логос и его разум не содержат в себе морали, души и совести, а потому их всевластие завершается суицидным самоуправством Запада. Но мудрость божественная и человеческая имеет два крыла — Логос и Премудрость Софии, которая ведает смыслами любой мудрости и делами любого разума и Логоса. Иное знание порождается сознанием, при взаимодействии с Софией, используя и логосные ресурсы разума, мышления. Человек мыслит умом-разумом только потому, что его логика питается духовной энергией сознания, которое мыслит смысловыми образами, символами, картинками, иконами, сакральными ритуалами, моральными ценностями. Более того, сознание мыслит бытием, мирами, мифами, религиями, софийной метафизикой, проникающей и в инфернальные заводы путаницы и хаоса.

Именно сознание, выражая проективную волю Премудрости Софии, ее спецслужб (Ничто, Незнания, Тайны), выявляет, открывает и утверждает мир Иной, его инознание, которое своими смысловыми формами, оценками преодолевает суицидные влечения, настроения Логоса и разума, «вразумляет» их софийной мудростью. Софийное

мышление в формах сознания открыл русский ведизм, развернула в смысловую картину русская философия, а своей зрелости оно достигло в философии хозяйства и в софиасофии Ю.М. Осипова.

И мыслящее сознание выражает результаты, плоды своего познания не просто в категориях, понятиях, теориях, а в скрижалях, которые представляют собой смысловые обобщения, охватывающие все мироздание как массу малых уникальных миров. В книге весь накопленный человечеством на данный момент опыт обобщен в пяти скрижалях: сознание, человек, бытие, хозяйство, мир Иной.

Становление сознания мыслящим перво двигателем России (человечества) неизбежно завершится тем, что оно возродит свои внешние соборно-имперские структуры, создаст новые институты — МЧС и новый тип спецслужб — ВЧФК (Всероссийский чрезвычайный финансовый комиссариат), а в итоге станет через философию хозяйства общенародным политическим движением, нацеленным в мир Иной, в его Великую Неизвестность, заключил Н.Б. Шулевский.

В своем выступлении д.э.н. **А.В. Кузнецов** (Финансовый университет при Правительстве РФ) отметил, что в новаторском трактате Юрия Михайловича Осипова «Белые скрижали. Сумма иного знания» теме сознания уделяется самое пристальное внимание. Манипуляция сознанием — главный инструмент глобализма. Социальные инженеры экономического мейнстрима идеализируют антиобразы, тем самым расчеловечивая сознание. Например, «Маугли» (по Ю.М. Осипову, полу-зверь, недо-человек) возвышается чуть ли не до идеала естественного отбора, а «Робинзон» (по Ю.М. Осипову, «исключение из человечества») преподается в университетах как хрестоматийный пример индивидуального успеха.

Й. Шумпетер сетовал на то, что в сталинские времена в СССР не было хороших экономистов. Однако в СССР была перспектива. «Глобализм прерывает перспективу», считает Ю.М. Осипов. Глобализм — это объединение в сознание человека взаимоисключающих понятий: добра и зла (либерализм), человека и машины (трансгуманизм), мужчины и женщины (однополый брак). Глобализм — это триумф протестантской, богоборческой, фаустовской, англосаксонской цивилизации, набравшей силу в результате «островного» смешения кровей разных европейских народов: романизированных кельтов с полудикими племенами германских и нормандских завоевателей. Быт объединился с варварством для возвращения человека в цивилизованные джунгли. СССР предложил альтернативу, «вернув человека в космос», по Ю.М. Осипову. Однако СССР состоялся как сверхдержава только после окончательного соединения разрозненных атомов много-

национального ядра русской цивилизации. Сегодня первостепенная задача состоит в восстановлении этого единства.

Вот уже более четверти века Юрий Михайлович Осипов и возглавляемая им школа философии хозяйства являются бессменными стражами моста времени, ведущего из нашего героического прошлого в неумолимо приближающееся неведомое и поэтому с тревогой ожидаемое будущее. Но вооружившись суммой иного знания «Белых скрижалей» («Антифаустом»), вера в человеческое, а вместе с ней и потенциал сопротивления глобализму многократно возрастают, поскольку человек — это не «Маугли» и не «Робинзон», а «существо социальное, осознанно и осознанно общающееся». Пора возвращаться домой... в космос. Поехали! — заключил А.В. Кузнецов.

Профессор **В.М. Кульков** (экономический факультет МГУ) в своем выступлении обратил внимание на взаимосвязь философии хозяйства и политэкономии. Несмотря на их различия (первая выступает, по Ю.М. Осипову, как «иное знание», а вторая — как одна из ветвей ортодоксальной экономической теории), было бы непродуктивным противопоставлять их друг другу. Во-первых, им сегодня угрожают одни и те же опасности, а, во-вторых, они способны подпитывать и дополнять друг друга.

Политэкономия, сумевшая вобрать в себя потенциал философии хозяйства, способна расширить свой предмет за счет факторов неэкономического характера, междисциплинарных соприкосновений — и тем самым открыть новые возможности политэкономического анализа. Политэкономия, особенно в форме «национальной политэкономии», в свою очередь, способна предотвратить философию хозяйства от опасности ухода в схоластическое теоретизирование. В этом контексте В.М. Кульков показал значимость развиваемой С.Н. Булгаковым в рамках философии хозяйства «диалектики троичности» для политэкономического анализа смешанной экономики.

Профессор **А.Ю. Архипов** (ЮФУ, г. Ростов-на-Дону) заметил, что современный мир сложен, противоречив, быстро меняется. Происходят события, еще вчера казавшиеся немыслимыми. Как же важно и как сложно осмыслить происходящее, дать ему адекватную оценку, показать, в каком направлении двигаться, что предпринимать. Среди ученых, мыслителей, научных школ в последнее время все более заявляют о себе школа философии хозяйства и ее лидер — профессор МГУ Юрий Михайлович Осипов. Методологический подход, применяемый школой, позволил во многом объяснить направления движения страны, дать соответствующие формулировки, воспринятые и в ее руководстве.

Еще в конце 1990-х — начале 2000-х было сформулировано и зазвучало в названиях проводимых в МГУ школой философии хозяйства конференций: Россия — великая держава, затем Россия — империя, вослед Горчакову — Россия сосредоточивается, наконец, Российское системное перестроение.

Соответствует, объясняет, ведет, заставляет думать, предлагать. Иное. Взаимодействие рационального и иррационального. Многие лета Юрию Михайловичу, его школе, развитию мысли, идей, деяний на благо Великой России, заключил А.Ю. Архипов.

Стержневой темой философии и литературы России всегда была тема двоимирия, отметила в своем выступлении **И.И. Рудяк** (соискатель философского факультета МГУ). В подобном смысле книга Ю.М. Осипова «Белые скрижали» является венцом развития философии и литературы России с конца XVIII до начала XXI в. Первым этапом этого развития является романтизм, который поставил вопрос о двоимирии, т. е. о существовании, помимо реального, еще и трансцендентального мира (М.Ю. Лермонтов «Демон»). Попасть же за трансцендентальный разруб возможно только при помощи мистических средств (В.Ф. Одоевский «Сильфида»). Вторым этапом является символизм, который для преодоления трансцендентального разруба, помимо мистики, также привлекал и науку, и искусство, и труд (А.А. Блок «Авиатор»). Третьим этапом является космизм (так К.С. Малевич, философски занимаясь космическими вопросами, в то же время писал и о волшебстве). Четвертым этапом является народный фантастический реализм как симметричный ответ на сталинский социалистический реализм (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»). Пятым этапом является постмодерн, который коммерциализировал не только науку, искусство, культуру и саму жизнь, но даже и философскую идею двоимирия, сведя ее к «рекламно-виртуальной трансцендентальности».

О необходимости признания реального существования двоимирия и мира трансцендентальности на уровне науки, искусства, жизни, а также и на уровне индивидуального понимания каждого конкретного человека и повествует данная книга, заключила И.И. Рудяк.

В заключение **Ю.М. Осипов** сказал: «Мы, уважаемые коллеги, провели очень хороший, содержательный и, я бы сказал, пиковый разговор по исключительно важной проблеме уяснения характера, или типа, знания, которое уже походя называется философией хозяйства, хотя представляет собой мощное, многогранное, беспредельное и бесконечное знание-размышление не только о хозяйстве как таковом, но

и обо всем бытии как прежде всего бытии сознания, включая и бессознание.

Философия хозяйства — действительно иное знание, дающее и иное представление обо всем на свете. Это знание вне привычной рубрики, и хотя в нем есть элементы науки, обычной философии и религии, прежде всего христианской, оно не является внешне интегративным знанием, а восходит к какому-то предшествующему любому из перечисленных знаний целостному ядру — предзнанию, которое в свою очередь восходит к Софии.

Отсюда и наша софиасофия, которая служит переходным, или передаточным, звеном от Софии к человеческой мудрости, а следом и к тем или иным мировоззренческим, концептуальным и функциональным решениям.

Сегодня произошло главное: окончательное утверждение философии хозяйства как и стоящей за ней софиасофии, как не просто новых отраслей знания, а как иных по сути знаний.

Здесь наша безусловная победа, даже если окружающий ученый контекст этого не осознает, — надеюсь, пока не осознает. Спасибо всем участникам собрания — как нестандартным ораторам, так и необычным слушателям!».

9 декабря состоялось очередное ежегодное общее собрание Академии философии хозяйства, на котором была рассмотрена деятельность Академии в 2016 г. и представлены перспективы работы на 2017 г.

**

В декабре 2016 г. действительными членами Академии философии хозяйства стали: к.э.н. Алина Владимировна Андреева (Ростов н/Д), к.э.н. Ольга Владимировна Андреева (Ростов н/Д), д.э.н. Алиджан Пириджан оглы Бабаев (Баку, Азербайджан), Татьяна Борисовна Воеводина, д.ф.н. Дмитрий Викторович Гарбузов (Волжский), д.э.н. Константин Иванович Голубев (Минск, Белоруссия), д.э.н. Веселин Драшкович, д.э.н. Михаил Васильевич Кулаков, д.э.н. Виктор Михайлович Кульков, Сергей Сергеевич Мерзляков, д.э.н. Анатолий Александрович Пороховский, к.э.н. Роман Евгеньевич Соколов, д.э.н. Лариса Геннадьевна Чередниченко.

Анонсы

МОСКОВСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ — 2017

Секция

«Россия в поиске выхода на экономический простор»

России ничего не остается как искать выход из глобального экономического зазеркалья, в которое то ли сама попала, то ли была туда заманена, если попросту не впахнута. И этот выход надо сделать, не покидая пределов сего зазеркалья, сохраняя свои границы открытыми. Вот она — сверхзадача, вовсе не чета задачкам физико-математическим или тем же шахматным. Каким же образом?

Март 2017 г.

* * *

Ломоносовские чтения — 2017

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ **«Потенциал экономической науки для развития России»**

Секция лаборатории философии хозяйства

«Наука, хозяйство, социум: взаимодействия и трансформации»

Наука — непосредственная производительная сила. Но не только, это еще и трансформационная (демиургическая) сила. Под влиянием научно-технического прогресса качественно меняется человек, социум, хозяйство, экономика, все бытие, вся жизнь. Однако есть и обратное влияние на науку как сферу бытия, хозяйства, экономики. Как, в каких словах и понятиях можно зафиксировать это взаимодействие, происходящие перемены? И что дальше?

Апрель 2017 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

Информация о конференции размещена на сайте экономического факультета. Необходимо пройти регистрацию на сайте факультета и

продублировать заявку на почту лаборатории философии хозяйства <lab.phil.ec@mail.ru>.

* * *

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

«Хозяйственный антропогенез: от природы к неприроде»

Человек меняется, может, не столько физически, сколько метафизически: меняется сознание, его начинка, его жизненные и поведенческие ориентации, как и, разумеется, меняются, слово, язык, культура, мораль. Так или иначе, но процесс идет по линии (треку) от природы к неприроде, от естественности к искусственности. Что происходит с человеком, его сознанием и поведением, его собственной природой? Каков главный тренд? И что можно ожидать впереди?

Июнь 2017 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

IV ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СИМПОЗИУМ

«Средняя Россия: земля и люди»

на тему:

«Обретение хозяйственной целостности»

Аграрная сфера развивается, достижения налицо. Но нет пока хозяйственной целостности, нет аграрного комплекса. Растениеводство и выход обильной продукции — хорошо, но отсутствует развитие животноводства, как и нет достаточной переработки сельхозпродукции, нет и рынков для отечественных продуктов. Что происходит на практике, есть ли тут какие-либо достижения? Какова государственная политика в этой области? Что предпринимает сама Средняя Россия?

Июнь—июль 2017 г.

Совместно с Администрацией Мучкапского района и Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина
(Мучкапский район Тамбовской области)

* * *

Орленковские чтения — 2017

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

**«Мировые геостратегические тренды:
социум, экономика, политика»**

Мир интенсивно меняется. Возникают и усиливаются главные геостратегические тренды. Какие? В планетарном социуме (глобализм, локализм или партикуляризм), в международной политике (США и мир, Россия и мир, Европа, Китай, Индия, БРИКС), в мировой экономике (конкуренция или диктат, рынки или сети, стихия или управление, кризисы или перманентная кризисность...). Что есть мир сегодня и чем он может стать завтра? Проблема мировых напряжений и международной борьбы, включая войну.

Сентябрь—октябрь 2017 г.

Краснодарский край, пос. Новомихайловский, ВДЦ «Орленок»

* * *

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ —
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ДИСПУТ**

**«Великое историческое событие: корни, смыслы, плоды.
К 100-летию Российской революции 1917 г.»**

Революционный 1917 г. Сначала Февральская революция, затем Октябрьская — не единый, не общий, но исторически взаимосвязанный процесс грандиозной Российской революции. Что происходило, почему, для чего? Если смысл любой революции не в революции, то тогда в чем же был смысл Российской революции — этого величайшего потрясения страны и знакового события для всего мира? Смысл Февраля и смысл Октября.

Европейские семена революции и ее российские корни. Мировая революция и Россия, Россия и Мировая революция. Бытийная Россия и внебытийная революционная антиРоссия. Грехи и вины России, ее историческая уязвимость перед натиском Революции — антироссийскость российской-де революции.

Роковой 1917 год — заслуга и достояние мировой войны? Мотивация Февраля и мотивация Октября. От Февраля к Октябрю: резкий поворот, но к чему — к мировой революции, социализму, России?

Что дала и не дала стране и миру Октябрьская революция? Революционные и антиреволюционные плоды Октября. Гражданская война. Разгром церкви. Нэп как возврат к Февралю? Феномен сталинизма. Где оказалась и кем была Россия? А если б Российской революции не было? А если б только Февраль? А если б?..

Революция как выворот бытия и антиреволюция как выворот выворота, но уже без возврата к революционно вывернутому.

А что 1990-е гг. — через призму революции, а 2000-е — через призму уже и антиреволюции? Где и как теперь Россия?

25 октября 2017 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

*** * ***

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**«Россия на пути к России: концептуальный поиск
и хозяйственная стратегия»**

Учитывая тот важнейший факт, что по планетарному миру и по России уже бродит не призрак, а самая настоящая «субстанция перемен», крайне актуально провести широкую научно-экспертную дискуссию относительно движения России к своему новому социально-экономическому облику, уже не сугубо «европейскому», и совсем не «азиатскому», а именно российскому, непредвзято сочетающему актуальную отечественную традицию с новизной. Вот поэтому и «Россия на пути к России» — здесь не так патриотическое ожидание, как осознание геостратегической необходимости, подкрепляемой открывшейся перед страной исторической возможностью выйти наконец-то к самой себе, чему упорно способствует ожесточенная глобальная конкуренция в обстановке нарастающего вокруг России геополитического напряжения.

Декабрь 2017 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

Заявки на конференцию (анкета и тезисы докладов — не более 3000 знаков) будут приниматься по электронной почте <lab.phil.ec@mail.ru> с 25 сентября по 31 октября 2017 г. Обязательно указание темы письма: «Заявка на конференцию декабрь 2017».

Информация о конференции будет размещена на сайте лаборатории философии хозяйства <http://www.econ.msu.ru/departments/lfn/>.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

КОРОЛЕВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия (*vkorolev@svedu.ru*).

ТУТОВ ЛЕОНИД АРНОЛЬДОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой методологии и философии экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*tutov@econ.msu.ru*).

ИГНАТОВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА,

доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия (*tignatova@aanet.ru*).

МАРТЫНЕНКО ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА,

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия (*tatianamart@list.ru*).

КОСОВ ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, профессор, Международный университет, Москва, Россия (*ekosov38@mail.ru*).

АНТИПОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

аспирант, кафедра философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия (*rev-r@mail.ru*).

БАКИРОВ ЭРЛАН ПАРХАДОВИЧ,

студент, факультет экономики и управления, Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия (*imbo_mirana@mail.ru*).

ПОРОХОСКИЙ АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политической экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*anapor@mail.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*shylevsk@mail.ru*).

КУЗНЕЦОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, департамент мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*kuznetsov0572@mail.ru*).

ХУБИЕВ КАЙСЫН АЗРЕТОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*khubiev48@mail.ru*).

ГИРЕНКО ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*girenok@list.ru*).

ЦАГОЛОВ ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, Международный университет, Москва, Россия (*gtsagolov@mail.ru*).

КУЛЬКОВ ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*profvmk@mail.ru*).

СОКОЛОВ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ,

аспирант, департамент экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*vnsokolov.gov@gmail.com*).

ХЛЕБНИКОВ КИРИЛЛ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ,

заместитель президента, Российская академия образования, Москва, Россия (*Kvx2003@gmail.com*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор философских наук, кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; главный редактор интернет-издания «Диалектика», Москва, Россия (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

ЮДИНА ТАМАРА НИКОЛАЕВНА,

доктор экономических наук, доцент, кафедра экономики инноваций, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*orchidflower@list.ru*).

ТУШКАНОВ ИГОРЬ МИХАЙЛОВИЧ,

кандидат экономических наук, директор ООО «Термокем», Черноголовка, Россия (*tushkanov.igor@mail.ru*).

СЫЧЕВ РОМАН АЛЕКСАНДРОВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра аудита, Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия (*Sichevroman@gmail.com*).

ЕВДОКИМОВ ИЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

аспирант, кафедра экономической теории, Тверской государственный университет, Тверь, Россия (*virginjesse@gmail.com*).

БУЛАВКА-БУЗГАЛИНА ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА,
доктор философских наук, профессор, Московский финансово-юридический университет, Москва, Россия (*bulavka81@inbox.ru*).

РАМАЗАНОВ СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ,
доктор исторических наук, профессор, кафедра истории, зарубежного регионоведения и межкультурной коммуникации, Волжский гуманитарный институт, Волгоградский государственный университет, Волжский, Россия (*sp-ram@yandex.ru*).

ЧЕКМАРЕВ ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики и экономической безопасности, Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова, Кострома, Россия (*Tcheckmar@ksu.edu.ru*).

ЧЕКМАРЕВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ,
кандидат экономических наук, департамент здравоохранения администрации Костромской области, Кострома, Россия (*Vladimir.Checmarev@yandex.ru*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,
доктор философских наук, старший преподаватель, кафедра философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*nrostova@yandex.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*eszotova@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURIY MIKHAYLOVICH,
Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*)

KOROLEV VLADIMIR KONSTANTINOVICH,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Institute of Philosophy and Social-political Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia (*vkorolev@sfedu.ru*).

TUTOV LEONID ARNOLDOVICH,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*tutov@econ.msu.ru*).

IGNATOVA TATIANA VLADIMIROVNA,
Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Cathedra of Economic Theory and Entrepreneurship, South-Russia Institute, branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under President of RF, Rostov-on-Don, Russia (*tignatova@aanet.ru*).

MARTYNENKO TATIANA VASILIEVNA,
 Doctor of Economic Sciences, Docent of Cathedra of Economic Theory and Entrepreneurship, South-Russia Institute, branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under President of RF, Rostov-on-Don, Russia (*tatianamart@list.ru*).

KOSOV EUGENI VASILIEVICH,
 Candidate of Economic Sciences, Professor, The International University, Moscow, Russia (*ekosov38@mail.ru*).

ANTIPOV DMITRI ALEXANDROVICH,
 Graduate Student, Chair of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia (*rev-r@mail.ru*).

BAKIROV ERLAN PARHADOVICH,
 Student, Faculty of Economics and Management, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia (*imbo_mirana@mail.ru*).

PORHOVSKI ANATOLI ALEXANDROVICH,
 Doctor of Economic Sciences, Professor, Chair of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*anapor@mail.ru*).

SHULEVSKI NIKOLAY BORISOVICH,
 Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*shylevsk@mail.ru*).

KUZNETSOV ALEXEY VLADIMIROVICH,
 Doctor of Economic Sciences, Professor, Department of the World Economy and World Finances, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*kuznetsov0572@mail.ru*).

KHUBIEV KAISYN AZRETOVICH,
 Doctor of Economic Sciences, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*khubiev48@mail.ru*).

GIRENOK FEDOR IVANOVICH,
 Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*girenok@list.ru*).

TSAGOLOV GEORGI NIKOLAEVICH,
 Doctor of Economic Sciences, Professor, International University, Moscow, Russia (*gtsagolov@mail.ru*).

KULKOV VICTOR MIHAILOVICH,
 Doctor of Economic Sciences, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*profvmk@mail.ru*).

SOKOLOV VIKTOR NIKOLAEVICH,
 Postgraduate Student, Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*vnsokolov.gov@gmail.com*).

KHLEBNOKOV KIRILL VYACHESLAVOVICH,
 Vice-President, Russian Academy of Education, Moscow, Russia (*Kvx2003@gmail.com*).

MOLCHANOV KONSTANTIN VLADIMIROVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Economics, Doctor of Sociology, Senior Researcher, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economy, Lomonosov Moscow State University; editor-in-chief of *Dialectics*, Moscow, Russia (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

YUDINA TAMARA NICOLAEVNA,

Doctor of Economics, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*orchidflower@list.ru*).

TUSHKANOV IGOR MIKHALOIVICH,

Candidate of Economic, Director of Thermochem LLC, Chernogolovka, Russia (*tushkanov.igor@mail.ru*).

SYCHEV ROMAN ALEXANDROVICH,

Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor, Department of Audit Rostov State Economic University, Rostov-on-Don, Russia (*Sichevroman@gmail.com*).

EVDOKIMOV ILYA ALEKSANDROVICH,

Graduate Student, Department of Economic Theory, Tver State University, Tver, Russia (*virginjesse@gmail.com*).

BULAVKA-BUZGALINA LUDMILA ALEXEEVNA,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Moscow Finance and Law University, Moscow, Russia (*bulavka81@inbox.ru*).

RAMAZANOV SERGEY PAVLOVICH,

Doctor of Historical Sciences, Professor, chair of History, Foreign Regional Studies and Cross-cultural Communication, Volzhsky Institute of Humanities, Volgograd State University, Volzhskiy, Russia (*sp-ram@yandex.ru*).

CHEKMARYOV VASILI VLADIMIROVICH,

Doctor of Economic Sciences, Professor, Chair of Economy and Economic Safety, Kostroma State University, Kostroma, Russia (*Tcheckmar@ksu.edu.ru*).

CHEKMARYOV VLADIMIR VASILIEVICH,

Candidate of Economic Sciences, Health Department of the Kostroma Region Administration, Kostroma, Russia (*Vladimir.chechmarev@yandex.ru*).

ROSTOVA NATALYA NIKOLAEVNA,

Doctor of Philosophical Sciences, Senior Teacher, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*nnrostova@yandex.ru*).

ZOTOVA ELENA SERAPHIMOVNA,

Candidate of Economics, Senior Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*eszotova@mail.ru*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук и экономический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова продолжают в 2017 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, обществоведческой, экономической и философской науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научная ориентация издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления «философия хозяйства» и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Журнал видит своими главными задачами сохранение и развитие классической размыслительной культуры — дискурсивной, понятийной, языковой, литературной, исходя из мирового когнитивного опыта и национального интеллектуального потенциала.

С 1999 г. — года своего основания — журнал, демонстрируя себя безусловным приверженцем энциклопедического подхода к познанию сложной и неоднозначной реальности, продолжает оставаться обильным источником свободной, свежей и достаточно уже редкой фундаментальной мысли, ныне особенно ценной.

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 30 000 знаков (без пробелов).

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках:

- сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле);
- названия статьи;
- аннотации;
- ключевых слов;
- списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться предмет и цель работы, методология, основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе должны включать:

- полные фамилия, имя и отчество, основное место работы (учебы), занимаемая должность;
- ученая степень, звание;
- полный почтовый адрес основного места работы (учебы);
- контактный телефон и адрес электронной почты.

Каждая статья должна сопровождаться индексом УДК, ББК (в левом верхнем углу до названия).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом (не допускается использование других стилей), располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сна-

чала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком *References* должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: перевод на английский язык (как правило, для свежих статей, если в оригинале имеется авторский вариант перевода) или транслитерация.

На сайте <http://www.translit.ru/> можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу (вариант BSI).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. **Математические символы и формулы** должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация формул. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). **Рисунки и схемы**, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта, допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Название — под рисунком. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается РИСО.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных не предназначенных для открытых публикаций несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала:

Материал, предлагаемый для публикации в журнале, должен быть оригинальным и ранее не публиковавшимся в других научных изданиях. Опубликованные в статье данные должны иметь указание на источники.